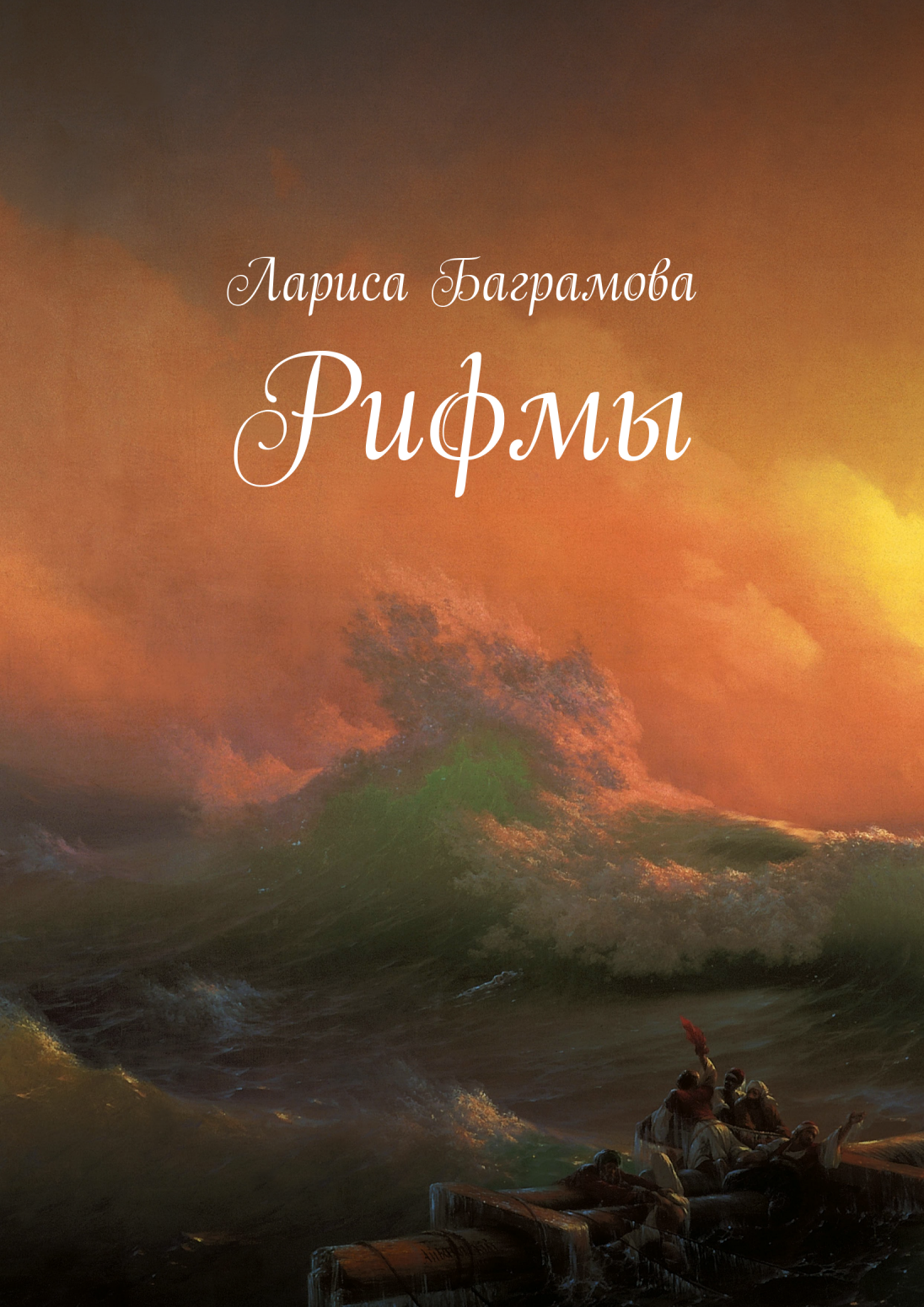
Лариса Баграмова

Рифмы



Лариса Баграмова

Рифмы

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-1
ББК 84
Б14

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Баграмова Лариса
Б14 Рифмы / Лариса Баграмова. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 270 с.
ISBN 978-5-0050-0851-0

В сборнике представлены авторские рифмовки трёх древних текстов этико-философского и религиозного содержания: этической проповеди «Дхаммапада» Будды Шакьямуни, логико-философского трактата «Двенадцать врат» Нагарджуны и гностического апокрифического текста «Гром. Совершенный ум», а также двух произведений классической русской литературы: маленькой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» и главы «Великий Инквизитор» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

УДК 82-1
ББК 84

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0050-0851-0 © Лариса Баграмова, 2019

Предисловие

В поисках новых смыслов

Представленное вниманию читателя произведение принадлежит к весьма специфическому жанру, чёткие границы которого провести достаточно сложно и сделать это можно, скорее, апофатически, чем катафатически.

С одной стороны, в литературе известен такой вид творчества, как перевод текстов с подстрочников. В этом жанре преуспели многие отечественные поэты советского периода, переводившие, например, стихотворения Мао Цзэдуна на русский язык без знания языка оригинала, т.е. китайского. В данной связи можно вспомнить также феномен аварского поэта Расула Гамзатова, песни на стихи которого были весьма популярны в эпоху 70—80 годов XX столетия, причём его всесоюзная известность во многом объяснялась удачными переводами с подстрочников. В аналогичной технике автором выполнены поэтические переложения «Дхаммапады» Будды Шакьямуни, «Двенадцати врат» Нагарджуны и апокрифа «Гром. Совершенный ум».

С другой стороны, представленные в настоящей книге поэтические переложения трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» и отрывка из главы «Великий Инквизитор» романа Достоевского «Братья Карамазовы» явно выпадают из жанра поэтического перевода с подстрочников. Здесь мы скорее имеем дело с жанром, близким к литературной вариации, примером которой могут служить многочисленные современные вариации на евангельские темы, классический вариант которых мы находим в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Однако, в отличие от упомянутого нами выше вариативного жанра, Лариса

Баграмова меняет не содержательную компоненту повествования, а только форму преподнесения соответствующего материала.

Так рождается новый литературный стиль, представляющий собой диалектическое постмодернистское возвращение к эпохе архаики путём возрождения изначального механизма смыслопорождения, ныне оттеснённого на периферию эстетического.

Людей, поверхностно знакомых с религиоведческой проблематикой, иногда озадачивает следующий вопрос: почему атомарные составляющие текста Библии именуются стихами, хотя соответствующая информация изложена прозаически? Для специалиста ответ на означенный вопрос предельно прост. Изначально священные тексты древности структурировались исключительно поэтически, поскольку передавались они устным путем из поколения в поколение, причем, в некоторых религиях даже после появления техники письма. Например, священные гимны зороастризма, составляющие «Авесту», были записаны только в эпоху распространения в Иране ислама, поскольку тогда возникла угроза их потери по причине уменьшения количества реальных носителей соответствующей священной информации. До этого времени запись священных текстов не практиковалась, поскольку письменная форма их передачи принижала степень их чистоты и святости.

Почему же, знакомясь с русскими переводами священных источников, мы не обнаруживаем там стихов? Ответ очевиден: стихотворные тексты представляют собой неразрывное единство формы и содержания. По этой причине, изменяя их языковую конфигурацию, мы с необходимостью деформируем и соответствующие

ей смыслы. Естественно и обратное: сохранение содержания сакрального текста предполагает полную утрату его поэтической формы.

Аналогичная проблема тысячелетия спустя привела Гейзенберга к формулировке соотношения неопределённостей, составляющего концептуальную основу квантовой механики: невозможно одновременно точно знать координату и импульс элементарной частицы. Точно зафиксировав её положение в пространстве, мы полностью утрачиваем информацию о её импульсе, а точно фиксируя импульс, мы полностью утрачиваем информацию о положении частицы в пространстве. Ранее подобную диалектическую противоречивость движения зафиксировал в своих апориях Зенон Элейский. Представление о скорости тела в точке внутренне противоречиво: если тело пребывает в точке, то оно покоится, если же тело имеет скорость, то оно движется, следовательно, не может пребывать в точке.

Между тем, текст представляет собой диалектическое единство формы и содержания. Следовательно, потеря формы при переводе всё равно искажает исходный текст. Именно поэтому во многих религиях священные тексты принципиально не переводились на иные языки, а подобного рода деятельность приравнивалась к апокрифическому сочинительству.

Мартину Хайдеггеру принадлежит известное изречение: «Язык — дом бытия». Язык — это фундирующий элемент коллективного бессознательного соответствующей нации. Он задаёт специфическую ритмику и уникальный ассоциативный ряд, отличный от аналогичных рядов в других языках. Здесь принципиальное различие между прозой и поэзией: если писатель использует язык

как технический инструмент для выражения порождаемых его сознанием смыслов, то поэт полностью погружён в стихию языка, который влечёт его к иным смыслам, задаваемым не самим человеком, а музыкой рифм и уникальным логическим ритмом.

Отсюда ключевое понятие стилистики анализируемого нами произведения — **рифмовка**. Переводя соответствующие прозаические тексты в стихотворную форму, мы, тем самым, подключаем его к аутентичному источнику изначальных смыслов, в качестве которого выступает язык. Подобный стилистический приём позволяет выйти на новый уровень понимания, прокладывая собственный путь в поисках иных смыслов. Например, перелагая на стихи классические тексты, созданные в рамках той же языковой культуры, что и их поэтическая интерпретация, мы не варьируем исходный текст, а своеобразным образом диалектически омолаживаем его, находя источники дополнительной смысловой энергетики в самом языке.

В этом, на наш взгляд, и заключается основная идея поэтического эксперимента Ларисы Баграмовой, естественным результатом которого и явилось обсуждаемое нами произведение.

Тимур Валентинович Филатов,
доктор философских наук, профессор,
автор ряда книг по метафилософии, философии науки и эсхатологии

Совершенный ум

Древний апокрифический текст «Гром. Совершенный Ум», найденный в 1945 году в собрании коптских рукописей Наг-Хаммади (Египет), является переводом с греческого, выполненным не позднее середины IV века. На русский язык «Гром» был переведён с коптского М. К. Трофимовой (1926—2016) — выдающейся исследовательницей гностицизма.

Он относится к жанру эллинистического откровения, в текстах которого используется форма «ego eimi», или «я есмь», широко представленная в гностической традиции. Текст подробно раскрывает идею недвойственного женского начала, управляющего миром. Оно предстаёт здесь в женской ипостаси Христа — Премудрости-Софии (о тождестве Христа и Софии говорят и православные истолкования). Здесь мы выходим за рамки человеческой этики, привычных представлений о добре и зле, хорошем и дурном, прекрасном и безобразном...

Соответствующая мужская ипостась раскрывается в других апокрифических текстах, где можно найти близкие идеи. Все они свидетельствуют о гнозисе — состоянии мистического прозрения и освобождения. Аналогичный результат является целью восточных духовных практик (например, самадхи в индуизме, ригпа и сатори в буддизме). Разумеется, никакой перевод (как, впрочем, и любые слова) не в состоянии точно передать это состояние, однако он позволит читателю приблизиться к смыслам оригинала.

Валентин Юрьевич Ирхин,
доктор физико-математических наук,
автор ряда книг по философии науки, семиотике и герменевтике сакральных текстов

Глава 13, строки 1—34

Примечание автора: более ранние главы в тексте оригинала отсутствуют

Я гром — совершенный ум.
Я послана силой [знавших].
Я шла к тем, кто полон дум, —
И найдена средь искавших.

[Смотритесь в меня — в себя]!
Кто знал обо мне — смотрите!
Кто слышит — слышьте меня!
Кто ждал — себе заберите.

Прочь не гоните меня!
Не дайте тому, чтоб бранью
Облили меня, [грязня],
И чтоб был мной слух изранен.

Не станет свергших меня!
Нигде таковых не будет.
[Спасайтесь, меня храня!]
Отриньте бездумье, люди.

Я альфа, и я конец.
Святая, полная грязи.
Я дева, мать [и отец].
Я всех элементов связи.

Я множество и ничто.
Я девственна и развратна.
Я родов всех естество —
[И та, что влечёт обратно].

Успокоенье болям.
Невеста и новобрачный.
Мой муж — кто родил меня.
[Я матерь любой удачи].

Отец мой — мой сын и брат,
[Я помощь ему и бремя].
Раба — кто на мне женат,
И госпожа [надо всеми].

Глава 14, строки 1—34

Мой отпрыск меня создал
До времени в род рожденья —
Он силы мне передал,
[И я инструмент творенья].

Опора ему в годах,
Когда он младенец малый, —
Он посох в моих руках,
Когда я слаба и стара.

Со мной будет то, что он
Желает. И я молчанье:
Нельзя сохранить мой сон,
Лишь память — моё звучанье.

Я глас всезвучный в ночи.
Я слово, что многолико.
Я имя, что мной звучит.
[Я максима, что велика].

Кто ненавидит меня —
Те любят святой любовью,
Всех прочь от меня гоня
[Упрёком и сквернословьем].

Кто отвергает меня —
Признайте меня, примите!
А кто признаёт меня —
Прочь от себя прогоните!

Кто правду сказал — те лгут!
Кто лжёт — правотой сияйте!
Кто знает меня — забудь!
А те, кто не знал, — познайте!

Я истина есть и ложь.
Я стыд и бесстыдства сила.
Я смелость и страха дрожь.
Я лик и войны, и мира.

Так почитайте меня!
Велика я и убога,
Богатства [свои храня]
И бедность [избрав дорогой].

Глава 15, строки 1—34

Не будьте ко мне грубы,
Когда я на землю пала!
Сумейте меня добыть
Средь ищущих — [коих мало].

Взгляд отведите, коль я
В навоза свалена кучу.
Не бросите там меня —
Найдёте в царствии лучшем.

И не судите, когда
Я кинута средь презренных,
Когда вкруг меня нужда
[И толпы больных и бедных].

Не поругайте меня
И не бросайте к калекам.
И милосердная я —
И бессердечна от века.

Не ненавидьте меня
За смирность мою и кротость —
И скромность мою [браня],
Считайте её просчётом.

Не бойтесь силы моей —
И в слабости не бросайте.
Пусть страх вам станет милей —
И робость не презирайте.

Я та, кто всегда в болях, —
И беспощадна в отмщеньях.
Я та, что хрупка [в речах], —
И целостна в наслажденьях.

Абсурдность моя мудра —
[Внемлите её совету].
Молчанья пройдёт пора —
Я всех призову к ответу.

Глава 16, строки 1—35

За что изгнали меня?
За дикость мою средь диких?
Но знание всех храня,
Я суд простых и великих.

Я та, чьи обличья есть
На свитках — но не в преданьях.
Я всеми желанна здесь —
И та, что всегда в изгнаньях.

Я та, что зовётся свет, —
Но вы называли тьмою.
Я заповедь и декрет —
[Но вы не поклялись мною].

Кого вы гнали в пыли —
И та, кого вы познали.
Кого вы в прах растолкли —
И та, кого вновь собрали.

Я та, пред кем стыдно вам, —
И та, кого не стыдитесь.
Я та, что есть праздник сам, —
И та, чьи печальны лица.

Моих богов легион —
Я верую — и не верю.
Я ваш наважденья сон —
И мне вы закрыли двери.

Я в истинах не сильна —
Но мудрость собой рождаю.
Я та, что везде нужна, —
И мною пренебрегают.

Вы прячетесь от меня —
И вы у меня в ладонях.
Сокроетесь внутрь себя —
И я вам сама откроюсь.

Глава 17, строки 1—36

Доверитесь — и тотчас
Я скроюсь от вас незримо.
[Я та, что калиф на час, —
И разум необозримый].

Возьмите мои плоды
Печали своей сердечной.
Возьмите себе труды
Из знания бездны вечной.

[Из самого сердца суть] —
И из наветов презренных.
Пусть дерзостным будет путь
Покраж [идей сокровенных].

Чтоб не было стыдно вам,
Возьмите меня бесстыдно —
И свой не стерпев в том срам,
Озвучьте его ехидно.

Идите ко мне все те,
Кто знает меня и верит —
И вы создадите тем
[Бессмертных творений гений]

Уже в начальных шагах.
Идите, как будто дети,
В больших и в малых делах —
[И не устыдитесь этим].

И малое не гоня,
Признайте его на равных
С великим, [завет храня,
Что в знаниях нет неглавных].

Зачем клянёте меня?
Зачем мне ваш дар почтенья?
Избив меня, не ценя, —
Полны теперь сожаленья.

Глава 18, строки 1—35

Не отделяйте меня
От первых, которых знали.
Не изгоняйте, кляня, —
И не возвращайтесь сами.

Не знаете вы о тех,
[Кто стал за меня в ответе] —
Я знаю. [Я мать их всех:
Первейших, вторых, и третьих].

Я ум, и я же покой.
Я поиск — и я находка.
[Воля идущих за мной,
И их переправы лодка].

Я сила ангелов тех,
Что посланы были мною.
Я славных богов успех,
Что вас привлекли собою.

Я сила жён и мужей,
Чьим помыслам я знакома.
Я путник сирый, ничей —
И я в городах, как дома.

Я та, у кого почёт
И слава, и одобренье —
И та, что к себе влечёт
Попрание и презренье.

Я мир — и предлог войны.
Я сущность — и только форма.
[И нет в том ничьей вины,
Что я для людей не норма].

Лишь тот, кто такой, как я,
Постигнет все мои беды.
Кто близок, не знал меня —
А тот, кто далёк, изведал.

Глава 19, строки 1—35

Чем ближе я есть от вас —
Тем дальше, [как эхо к уху].
Я ваших сердец атлас,
Творение душ и духа.

Я прочного трала крюк
И марь, скользящая наземь.
Я связь для всего вокруг —
И я отсутствие связи.

Я статика и полёт,
Из недр и с горы теченье.
Я всех обвинений лёд —
И теплота всепрощенья.

Безгрешна я и грешна:
Я омуты вожделений —
Искусов я лишена,
[Всех страхов] и всех сомнений.

Меня услышит любой —
Но слышать может не каждый.
Была рождена немой —
И словом насыщу жажду.

Внимая, будьте мягки —
И я научу отваге.
И с лёгкой моей руки
Меня покидайте в благе.

Я та, что содержит суть
Внутри, как цурек горячий.
Я та, кто слышит [свой путь],
И та, что ища — [обрящет].

Глава 20, строки 1—35

И я явлюсь [уберечь,
Даруя] природы [милость].
Я истина, щит [и меч] —
И я же несправедливость.

Вы молитесь на меня —
И скверной полны интриги.
[Вы боретесь, смысл браня,
Считая, что он вериги].

Судите же суть мою,
Пока она вас не судит,
[Не прячьте хулу свою]:
Пристрастье свойственно людям.

Кто вас оправдает в том
И кто защитит собою
[Пред всем, что содержит зло
И что осуждать не стоит]?

Кто сможет вас обвинить,
Коль вы оправданы мною,
Преследовать и схватить
[И всячески беспокоить]?

Всё то, что у вас внутри,
Есть ваша внешняя форма.
Кто внешнее вам слепил —
Тот смыслами вас наполнил.

То, что вы видите вне,
Такое же и в утробе:
Всё внешнее [в том огне],
Что внутреннему подобен.

Так слушайте же меня!
Хоть речи неуловимы —
Но слуху доступна я
Как знак своих содержимых.

Я сущность писаний — и
Границы их разделений.
Мой глас как завет звучит,
Как имя святых учений.

Глава 21, строки 4—32

Примечание автора: строки 1—3
в тексте оригинала отсутствуют

Я [истины] свет [и тьма].
Я речь, что собой манила.
[Я сила слова сама —
И слава] словесной силы.

Не поколеблет меня
Иных названий звучанье:
В них, [сущность свою храня],
Озвучу я содержанье

Того, кто меня создал, —
И имя его раскрою.
Услышьте, что он сказал
И что возвестил собою.

Внимайте, земли сыны,
И ангелы поднебесья,
И духи загробной тьмы:
Я то, что [всеобщей вестью]

Явилось [во тьму и свет] —
И только лишь я пребуду.
Судейства такого нет,
Меня чтоб судить. Повсюду

Видно мельтешенье тел,
Погрязших в грехах и лени,
В постыдстве неправых дел,
В страстях [и безумстве мнений]...

Пленяют они людей.
Когда же дурман минует,
То те до скончанья дней
Находят судьбу иную:

Мой мир, и покой, [и свет
Как вестники должных судеб.
Кто словом моим согрет] —
Уже умирать не будет.

Дхаммапада

Дхаммапада — канонический текст палийской Трипитаки, составленный из речений Будды Шакьямуни (по рождению — принц Сиддхартха Гаутама) около III века до н. э. Это один из древнейших и важнейших текстов буддизма, что подчёркивается традиционной стихотворной формой оригинала. Он состоит из 26 глав, включающих 423 строфы, которые связаны ассоциативно и образуют последовательное повествование.

Текст плотно насыщен яркими художественными образами и имеет форму проповеди — эмоциональной речи, обращённой к слушателям. Каждая из этических максим Дхаммапады — законченная мысль, содержательный афоризм, а потому может использоваться самостоятельно, независимо от остальных суждений.

Хотя высказывания Будды относятся к конкретным ситуациям и встречам с разными людьми, текст даёт целостную картину и содержит краткое и ёмкое изложение этики раннего буддизма. Однако этим его значение не исчерпывается. Дхаммпада лежит в основе всех колесниц Учения Будды (этапов духовного пути), порождая всё новые интерпретации его изначальных положений в ходе исторического развития.

Здесь можно найти и обычные моральные максимы, и наставления для аскетической практики, и парадоксальные символические проходы к недвойственности, характерные для тантрической йоги. Именно многоплановость и непреходящая актуальность древнего этического текста привели автора этой книги к идее его рифмовки для современных читателей. Ведь, как во все века, люди испытывают тягу к истинным духовным и нравственным ценностям и мудрым наставлениям.

Следуя прозаическому переводу В. Н. Топорова, автор восстанавливает поэтическую форму исходного произведения (оригинал также имеет рифмованную структуру), но в новом ритмическом формате — пятистрочном анапесте, — привнося в текст свои дополнения, размышления и аллюзии, которые (согласно уже устоявшейся традиции комментирования) она выделяет квадратными скобками.

Валентин Юрьевич Ирхин,
доктор физико-математических наук,
автор ряда книг по философии науки, семиотике и герменевтике сакральных текстов

1. Глава парных строф

1. Обусловлены разумом дхаммы, их разум
создал,
Он их лучшая часть, из него их идёт порожденье.
Если кто-то с нечистым [сознаньем] предался
делам —
То несчастье за ним совершает своё
продвиженье,
Как колёса телеги бегут по возницы следам.

2. Обусловлены разумом дхаммы, их разум
создал,
Он их лучшая часть, из него их идёт порожденье.
Если с чистым [сознанием] кто-то предался
делам —
Счастье [поступью верной] свершает своё
продвиженье,
Неотступною тенью [скользя вслед за ним
по пятам].

3. «Он ударил меня, он меня оскорбил, обобрал,
Надо мною он верх одержал [и лихую победу».
Тот, кто помнить об этом и ночью и днём
не устал],
Кто обиду в себе затаил [и прощенья не ведал],
Тот от злобы и мыслей гневливых горел —
[и сгорал].

4. «Он ударил меня, он меня оскорбил, обобрал,
Надо мною он верх одержал [и лихую победу».
Кто о гневе забыл и сердиться на это не стал],
Кто обиды в себе не таил [и злорадства не ведал,
Тот хотя и горел] — но из пламени снова восстал.

5. Никогда в этом мире вражда не прервётся
враждой,
Только миром достигнется мир — вот извечная
дхамма.
6. Кто не знает удел уготованный всем роковой
Здесь погибнуть, [тот жаждет скандалов,
трагедий и драмы]
А кто знает, тот ищет не ссор и вражды, [а покой].

7. Кто живёт в наслажденьях и радости,
в бешенстве чувств,
Необуздан в еде, слабовольный, подверженный
лени,
Сокрушённым тот насмерть окажется, Мары
глотнув,
Как бессильное дерево [оземь свершает паденье,
Вихрь иллюзий и снов своей кроной беспечно
вдохнув].

8. Кто [в аскезе живёт], в своих чувствах умерен
и строг,
Полон веры [и сил], на свершенья с упорством
настроен,
[Кто от лени соблазнов всецело себя уберёг,
Кто душою силён, телом ловок, и гибок,
и строен],
Тот, как каменный столп, не узнает от Мары
тревог.

9. Тот, кто жёлтое платье надел,
не очистившись сам
[От влечений беспутных], от грязных [и мелких
желаний],
Кто не знает ни истин, ни меры обычным делам,
Недостоин тот жёлтого цвета носить одеяний,
[Нет доверия вовсе его пустотелым словам].

10. Только тот, кто от грязи [распутства]
избавиться смог,
[От влечений постыдных, проделок пустых
и небрежных],
Тот, кто истин исполнен и долгом кто
не пренебрёг,
В добродетелях стоек, — достоин тот жёлтой
одежды,
[Так как он от бесчестья и фальши её уберёг].

11. Те, кто думает, что суть есть в том, что [всего
лишь несуть,
И кто видит несуть в [откровенной и трепетной]
сути,
Те не смогут до сути добраться, [обманчив их
путь],
Ложь — удел их, [поход их бесцелен, маршрут их
беспутен,
Не дойти им до истин — лишь только себя
обмануть].

12. Те, кто суть принимает за суть, а несуть —
за несуть,
Те достигнут [со временем чистой и подлинной]
сути,
Их удел — [правота, озарён силой знанья их путь,
Им в поддержку дано вдохновенье на этом
маршруте],
Их с пути светлых истин [вовек никому]
не свернуть.

13. Словно в дом с прохудившейся крышей
сочится вода —
Так неловкий, неразвитый ум приоткрыт
вожделенью.
14. Как сквозь прочную крышу воде не попасть
никогда —

Так и развитый ум защитится от грехопаденья:
[Он себя же прикроет собой от ошибок всегда].

15. В этом мире несчастлив кто — будет несчастен
и в том.
Зло творящий страдает, [кручинится], сетует
горько.
16. В этом мире кто счастлив — на счастье и в том
[обречён].
Сотворивший добро счастлив здесь и сейчас,
и не только:
В двух мирах он блажен, в двух мирах
от страданий спасён.

17. В этом мире злочинец терзается собственным
злом,
В том терзается злобой он снова — и снова
страдает.
«Зло содеяно мною!» — [он помнить о том
обречён].
Эта боль ещё больше [злочинца грызёт и терзает],
Если [волею дхаммы] в несчастье окажется он.

18. В этом мире ликует добряк, сотворивший
добро,
В том ликует он снова, [исполненный радости
светлой].
В двух мирах он [горстями] берёт торжества
[серебро].
«Я добро совершил!» — и ликует он
[не беспредметно],
Так как счастье к нему [за его же деянья] пришло.

19. Если кто-то зубрит из Писанья слова, [словно
стих],
Но на деле не следует им, нерадив [и беспечен],
Пастуху он подобен, коров кто считает чужих.

Непричастен он к святости, [словно
фальшивомонетчик,
Подменивший дешёвкой запасы монет дорогих].

20. Если кто-то Писание мало учил [и забыл],
Но прожил по нему, настоящей последуя дхамме,
От страстей оградившись, смиривши
невежества пыл,
Истин слушая [музыку в благостной разума
гамме],
То тем самым причастен он к [подлинной]
святости был.

2. Глава о серьёзности

21. Путь к бессмертью лежит через полный
серьёзности взгляд.
Легкомыслие — путь к [умиранью и суетной]
смерти.
Смерти нет для серьёзных, [они ей
не принадлежат].
Легкомысленный, словно мертвец, [в суете-
круговерти
На бездумную жизнь обречён — и тем самым
проклят].

22. Мудрецы потому и серьёзны, что знают о том
И в серьёзности черпают радость и свет
благородства.
23. Достигают нирваны упорным и стойким
трудом,
Над страстями [и страхом] навек обретя
превосходство,
[Осмотрительно мудрые в сложных делах
и в простом].

24. Только тот, кто серьёзен, энергии полон
для дел,
Кто приверженец планов, кто целью себя
ограничил,
Осмотрителен кто [и кто сил своих знает предел],
[В добродетели кто беспримерно] и чист,
[и отличен], —
Тот и в славе своей, [и в великих делах] преуспел.

25. Пусть усилием воли, серьёзностью, [верой
своей],
Воздержаньем от ложных стремлений [и суетной
мути]

Создаёт [год за годом] мудрец остров свой, [где
светлей
И добрей станет жизнь в своей подлинной цели
и сути], —
И не сможет ту землю никто сокрушить
[из людей].

26. Пусть невежды себя легкомыслием губят
своим,
Пусть они одержимы принятьем безумных
решений.
Но мудрец стойко верность хранит
[направленьям одним:
Лишь в достойнейших целях готов он добиться
свершений —
И в своих устремленьях и вере он непобедим].

27. Избегать надлежит легкомыслия, сильных
страстей,
Наслаждений бездумных чуждаться на жизни
дороге.
Лишь серьёзный и вдумчивый, [к цели идущий
своей],
До великого счастья дойдёт, [беспечальный
и строгий],
28. И с вершины горы созерцать будет глупых
людей.

Когда мудрый серьёзностью гонит беспечность
и лень,
То не знает печали — и видит унылых неведж он
[Как глубины колодца, не знавшего солнечный
день],
Как равнины, [не скрытые снежной высотной
одеждой],
Как глупцов, [променявших луч света на бледную
тень].

29. Средь толпы легкомысленной мудрый
серьёзен [и строг],
Среди спящих людей он [единственный] яви
внимает.
Он отличен от них, как скакун, что [на ленте
дорог]
Всех соперников-кляч [своей поступью]
опережает
[И над всеми возвыситься доблестной резвостью
смог].

30. Магхаван смог достигнуть признания в сонме
богов,
Потому что серьёзным [всерьёз] был — а это
похвально.
Легкомысленный [к первенству в битве всегда
не готов:
Он не собран и слаб, как физически, так
и морально],
И всегда порицаем [за тщету бесплодных трудов].

31. Тот из бхикшу, [кто чужд легкомыслия, честен
и строг],
Кто в серьёзности ищет подспорье [и новые
силы], —
Как огонь, себе путь пролагает [за старый порог],
Пожирая все связи, [которыми Майя пленила,
И всю карму, которой подвержен средь жизни
дорог].

32. Тот из бхикшу, [кто чужд легкомыслия, честен
и строг],
Кто в серьёзности ищет подспорье [и новые
силы], —
Неспособен к паденью: нирваны испил он
глоток,
[Его Майя уже на свободу навек отпустила,
И себя он от новых рождений тем самым сберёг].

3. Глава о мысли

33. Уязвимую мысль, что дрожит [на сознанья
ветру],
Что трепещет [и бьётся, как рыба], мудрец
направляет,
Словно лучник, с трудом удержав, как [тугую]
стрелу, —
34. И как рыба на сушу, [с дрожаньем] она
вылетает,
Лишь бы вырвать [из тела] всевластную Мары
[иглу].

35. Обуздание мысли, [которую бьёт и трясёт], —
Легковесной, едва удержимой, [трепещущей
часто], —
Это благо, [иначе та мысль] где попало падёт.
А смирённая мысль приведёт к [процветанью]
и счастью,
[Пусть же мудрый себя обузданием мысли
спасёт].

36. Пусть мудрец стережёт свою мысль
[от случайной беды]:
Уязвимую, трудно понятную, сложную крайне.
[Нехранённые мысли хрупки, словно первые
льды,
Спотыкаются, падают наземь, легки
чрезвычайно] —
Сбережённые мысли приводят к добру
[и тверды].

37. Кто смирит свою мысль, одиноко бредущую
вдаль,
[Словно призрак], блуждающий в сердце,
отринувший тело, —

Тот спасётся от Мары, [забудет и страх, и печаль].
38. Если мысль неустойчива, дхаммы не знает
удела,
Если вера колеблется, — мудрость тонка, [как
вуаль].

39. Страха нет в невстревоженной мысли,
[стремящейся в цель], —
Той, что выше и зла, и добра, непорочной,
неспящей.
40. И пусть [хрупкое] тело её составляет скудель,
Превратит её в [прочную] крепость [мудрец
настоящий] —
И с оружием мудрости Мары сметёт [цитадель].

Сохранит он победу и будет свободен тогда
От привязки [к желаньям, от тяжких цепей
вожделенья].
41. К сожаленью, не вечны и мудрых тела
никогда:
[Они так же подвержены старости, болям
и тленью],
Так же будут отвергнуты [прочь, как пустая руда].

42. Что б ни сделал [дурного] врагу тот, [кто
злобой объят],
Что б ни сделал [плохого] тот, кто ненавидит
[безумно], —
Мысли, к лжи устремлённые, горше врага
поразят.
43. Что б ни сделали мать и отец, [хоть любя,
но не умно], —
Мысль, что истине следует, сделает лучше
стократ.

4. Глава о цветах

44. Кто сумеет победу над этой землёй одержать?
Кто одержит победу над миром [жестокого] Ямы?
Кто сумеет богов мир повергнуть — [и свой утверждать]?
Кто найдёт направление лучшее [праведной] дхаммы,
Как умеет мудрец [среди сора] цветок отыскать?

45. Ученик [это сможет]: он землю [навек] победит,
Он одержит победу над миром [жестокого] Ямы,
Он сумеет богов мир повергнуть — [и свой утвердит],
Он найдёт направление лучшее [праведной] дхаммы,
Как [сметливый] мудрец [среди сора] цветок разглядит.

46. Он ведь знает, что тело его словно пенный остов:
Понимает он призрачность этого тела природы —
И ломает он Маровы стрелы, что полны цветов.
Пусть минует невидимым он к царству смерти подходы
[И пусть будет к бессмертию вместо кончины готов].

47. Человека же, кто обрывает [бездумно] цветы
[Со стрелы, Марой пущенной], ждёт [наказание] смертью.
Его ум [поглощён подтвержденьем своей правоты]:

Словно в шорах, [зажат он её ослепляющей
твердью].
Но снесён будет селем [с иллюзий своих высоты].

48. Человека же, кто обрывает [бездумно] цветы
[Со стрелы, Марой пущенной], ждёт [наказание]
смертью.
Его тело [и ум] ненасытных желаний полны,
[И хоть алчно и слепо пресыщен он чувств
круговертью],
Смерть его подчиняет себе, [разбивая мечты].

49. Как пчела улетает с цветка, не поранив его,
Лишь нектара набрав, не влияя на запах
и краски,
Пусть мудрец не сломает в природной [среде]
ничего.
50. Пусть ошибкам других он не будет [суровой]
указкой,
Пусть [осудит] за что-то он только себя самого.

51. Если кто-то [красиво] и верно слова говорит,
Но не следует им [в повседневной, обыденной
жизни],
То слова те бесплодны, [их дух над землёй
не парит],
Как не пахнет цветок — хотя с виду
и безукоризнен —
[Если он не живой, а искусственным светом
горит].

52. Если кто-то [красиво] и верно слова говорит
И им следует сам [в повседневной, обыденной
жизни] —
Как цветка аромат, [дух тех слов над землёю
летит],

Плодоносны они, [и их смысл так же
безукоризнен,
Как прекрасен цветка первозданный,
естественный вид].

53. Как из вороха разных цветов можно сделать
венки —
И один, и другой, и ещё много разных
[фасонов] —
Так и всякий бы мог [добровольно и с лёгкой
руки]
Много праведных дел совершить: [без особых
резонов,
Потому лишь, что эти поступки светлы и легки].

54. У цветов аромат против ветра лететь бы
не мог,
У сандала не мог бы, тагары и [даже] жасмина.
Аромат добрых дел [благовонен, как дивный
цветок],
Проникает везде он: [в посёлки, дома и долины].
Доброте нет препятствий, [ничто для неё
не замок].

55. И жасмин, и тагара, и лотос, и [терпкий]
сандал
[Ароматы имеют целебные, лечат надёжно],
Но средь них уникальным, особенным
запахом стал
Дел благих аромат — и его превзойти
невозможно,
[Он от болей и смерти верней, чем лекарства,
спасал].

56. По сравнению с тем ароматом бессилен
сандал,
Слаб [жасмина и лотоса] запах, не пахнет тагара.

Добрых дел аромат — самый лучший, [и где он
витал],
Там божественный мир [возникал и гасились
пожары,
Если гневом и болью их кто-то недобрый создал].

57. Не пленяют иллюзии тех, [кто исполнен
добра],
Благороден, свободен, серьёзен на поприще
знанья.
58—59. И как в мусоре грязном, [из сорного]
брошен [ведра],
Может вырасти лотос, исполненный
благоуханья,
Так средь многих глупцов вырастают ума
мастера.

5. Глава о глупцах

60. Ночь длинна для того, кто не спит; и йоджана
длинна
Для того, кто устал; и длинна [бесконечно]
сансара
Для глупцов, кем реальная дхамма не различена.
61. Даже если кому-то в дороге не встретится
пара —
Кто-то равный ему или лучше — отнюдь
не нужна

Ему дружба с глупцом, пусть и дальше он будет
один.
62. «Всё моё, — беспокоен глупец, — вещи,
деньги и дети».
[Только разве подвластны ему его дочь или сын],
Если и за себя самого он порой не в ответе?
Где ж богатство его? И чему он тогда господин?

63. Тот, кто глуп и согласен с тем, что [уродился]
глупцом,
Тот одним этим знаньем уже стал намного
мудрее.
Тот, кто глуп, но при этом считает себя
мудрецом,
Тот глупец настоящий — [и тем станет только
глупее,
Потому что быть зрячим намного важней, чем
слепцом].

64. Если с мудрым глупец будет связан [хоть
тысячу лет],
Он не будет знать дхамму, как ложка вкус супа
не знает.

65. Если встретится с мудрым мудрец, [светом
истин согрет],
То в мгновение ока он дхаммы секрет постигает,
Как язык — вкус похлёбки, [которую ест на обед].

66. Не владея рассудком, глупцы поступают
с собой,
Как с врагами, [беду причиняя себе и несчастье],
Злое дело творят, горький плод собирая [порой].
67. Дурно сделано то, в чём раскаялся сделавший
мастер,
Или то, что [в подарок] берут, обливаясь слезой.

68. Хорошо только то, в чём потом
не раскаешься ты,
Что из рук подающего с светлым лицом
принимают.
69. Пока зло ещё зреет, глупец в нём находит
[черты],
Что похожи на [сладостный] мёд, [но каких
не бывает].
Лишь когда зло созреет, [он видит, что соты
пусты].

70. Пусть за месяцем месяц глупец [постигает
с трудом
Что способен постичь], всё равно он не стоит
и части
Тех, кто дхаммы секреты развеял [ума
мастерством].
71. Зло, [что глупый содеет], не сразу приносит
несчастье,
Как не сразу [творог] создаётся [парным]
молоком.

И подобно огню, что прикрыт слоем пепла
[в костре],
Зло идёт за глупцом, [поджидая особого часа].

72. И когда тот, кто глуп, нахватается знанья
вполне
На свою же беду, [так как знанье для глупых
опасно],
Это знанье наносит уроны его голове.

73. [Ведь владея коллекцией знаний], он может
желать
Почитания, власти, [особого расположенья],
Среди бхикшу он первенством будет хотеть
обладать
В монастырских дворах, [среди ближних]
и в дальних селеньях,
[Чтоб богатством, успехом и славой себя
баловать].

74. «Пусть миряне считают, что всё это сделано
мной,
Пусть зависят они от меня, и монахи зависят», —
Так считает глупец, и от спеси [теряет покой],
Его гордость и жадность стремятся к заоблачной
выси.
[Но не знает по глупости он свой просчёт
роковой]:

75. Что один из путей двух ведёт к получению
[благ]
В виде [славы], богатства [и почестей в суетной
жизни],
А другой путь — к нирване. [И только лишь тот
не дурак],
Кто, презрев эти блага, [без пыла и без укоризны
От мирской суеты] совершил к одиночеству шаг.

6. Глава о мудрых

76. Если кто-то узрит мудреца, [кто ругает
за грех],
Кто хулит недостатки, упрёками сыплет за это,
Пусть идёт за таким мудрецом — тот пророчит
успех.
Ведь укажет сокровище [данный целительный
метод]
И не хуже, а лучше он сделает этим [для всех].

77. Пусть советует тот, поучает, спасает от зла:
Он приятен добру, а [бесчестью] и злу неприятен.
78. Пусть никто не привяжется к тем, кто [дурные
дела]
Или низкие помыслы выбрал [как роды занятий],
А лишь к тем, кто исполнен достоинств, [ума]
и добра.

79. Тот, кто ведает дхамму, тот счастливо в мире
живёт;
Тот, кто светел умом, восхищается [праведной]
дхаммой,
[Ведь она от великих истоков начало берёт]:
Благородный её возвещал [много лет неустанно].
80. Как строитель каналов на воду управу найдёт,

Как стрелок подчинит себе [полчища гибельных]
стрел,
Плотник как подчинит себе дерево, [станом
тугое], —
Так мудрец усмирит сам себя [для решительных
дел].

81. Ведь как крепкие скалы не сдвинутся с места
[волною],
Так мудрец средь похвал и хулы стать твердыней
сумел.

82. Слыша дхамму, мудрец уподобится чистой
воде,
Станет пруду подобен, что чист, и глубок,
и не мутен.
83. Кто добра преисполнен, свой путь
продолжает [везде],
При условьях любых: [в бездорожье, глуши
и распутье].
Не болтая. Ни в счастье своём не слепой, ни
в беде.

84. Ни себе чтобы [радость доставить], ни людям
другим,
Не захочет иметь он ни сына, [ни дома], ни
царства,
В незаконных делах не стремясь быть успехом
любим.
И коль будет он мудр, справедлив — [то лихие
мытарства
Обрести не сумеют какой-либо власти над ним].

85. Лишь немногие люди на тот добираются брег,
Остальные останутся здесь, в суете [и безвольно].
86. Только тех, кто последует дхамме, ждать
может успех:
Если дхамма им возвещена хорошо [и достойно],
То они проплывут мимо царства смертей без
помех.

87—88. Пусть мудрец, что отринул дремучую
дхамму, теперь
Дхамму ясную пестует. Ищет пусть радость
в условьях,

Что, казалось бы, [созданы только для горьких потерь].
Одинокий, бездомный, [чужой сразу в многих сословьях],
Пусть он ум свой очистит от скверных [и глупых] идей.

89. Тот, чей ум опирается [только на ясную мысль],
Кто опору нашёл в просветленье, отвергнув желанья,
Кто от ложных страстей [и иллюзий] сберёг свою жизнь
И избавил тем самым себя от любого страданья —
Тот постиг в этом мире нирваны [божественный смысл].

7. Глава об архатах

90. У того, кто свободен от уз и поход совершил
[К свету истинных, светлых идей, — ум] свободен
от страсти.
91. Мудрый дом покидает, в нём пусто ему, [он
решил,
Словно птица, к свободе лететь от привычек
напасти] —
И, как лебедь, покинуть насиженный дом
[поспешил].

92—93. Он не тащит с собою запасов тяжёлую
кладь,
Он на пищу глядит с разумением, [гол]
и свободен,
Он желаний лишён и условий. И сложно понять
Его путь [на земле, что противен немудрых
природе],
Как путь птицы на небе — [свободной
и вольной] — узнать.

94. Его чувства спокойны, как кони в возницы
руках.
Он не горд, [не спесив] и избавлен от власти
желаний.
Даже боги такому завидуют [на облаках].
95. Он, подобный земле, от смятения [воли]
сохранен
И подобен железа столпу в бессансарных [мирах].

96. Его мысли спокойны, как чистая заводь
пруда.
Его слово спокойно, [как высшее благословенье],
Его дело спокойно, [и знанье спокойно всегда] —

Совершенное знанье как истины
освобожденье —
[И над жизнью его добродетели светит звезда].

97. Человек, что в себе лишь уверен и знает
[закон],
Разорвал все привязки, конец положил
вожделенью,
От желаний, [и страсти, и времени]
освобождён —
Благородным поистине тот обладает
стремленьем.
[И везде за стремленье своё будет вознаграждён]:

98. И в лесу, и в деревне, [в горах, и на бурной
воде] —
Где б ни жилы архаты, любая земля им приятна.
99. Нет в них груза желаний — [им будет удобно
везде],
Где другим быть счастливыми сложно
[и невероятно],
Ведь не ищут они лёгкой жизни [и рая] нигде.

8. Глава о тысяче

100. Лучше тысячи слов — бесполезных,
[ненужных, пустых] —
Одно слово, что лечит собою [ростки]
беспокойства.
101. Лучше тысяч стихов — [нарочитых, смешно
напускных] —
Полустишье одно, что приносит покой
[и довольство].
102. Лучше сотен стихов — [красота] пары
строчек [простых].

103. Если кто-нибудь в битве стал доблестней
тысяч людей,
А другой победил сам себя, одного — то сильнее
Тот второй, [что себя победил в трудной битве
своей].
104. Над собою победа поистине много ценнее,
[Потому что она совершилась над морем
страстей].

105. Ни гандхарва, ни Мара, ни Брахма, ни даже
сам бог
У такого победу отнять — и сразить — не сумеют.
106. Если кто-то одно лишь мгновение
чествовать смог
[Мудреца], кто себя совершенствует, — это
важнее,
Чем столетия жечь в алтаре [подношенья кусок].

107. Если кто-то одно лишь мгновение
чествовать смог
[Мудреца], кто себя совершенствует, — это
важнее,
Чем столетья в лесу содержать [алтаря] огонёк.

108. Что б ни жертвовал добрый в течение года, —
нужнее,
Чтоб он в сердце своём уважение [к мудрым]
зажёг.

109. У того, кто почтителен к старым
[и слушает их],
Возрастают четыре [присущности истинной]
дхаммы:
Красота, продолжительность жизни [до прядей
седых],
Счастье, сила. [И путь его — благостной музыки
гаммы].
(108). [Остальное] не стоит и ломаных грошей
[простых].

110. День один добродетельной жизни того,
кто себя
[Обуздать смог] и вглубь своих дум целиком
погрузиться,
Превосходней столетий того, кто, года загубя,
До порочной, распущенной жизни [сумел
докатиться,
Ни себя самого, ни других ни на грош не ценя].

111. День один добродетельной жизни того,
кто себя
[Сделал мудрым] и вглубь своих дум целиком
устремился,
Превосходней столетий того, кто, года загубя,
До невежества, [лени], распутства [по жизни
скатился,
Ни себя самого, ни других не ценя, не любя].

112. День один [созидательной] жизни того, кто
кипел
От энергии всплесков [и жизнь свою прожил
в работе],

Превосходней столетий того, кто ленился без дел,
[И не отдал себя о каком-либо деле заботе,
И ни в чём в этой жизни сознательно
не преуспел].

113. День один [познавательной] жизни того, кто
узрел
[Суть вещей] от начала до самого их окончанья,
Превосходней столетий того, кто [всё то]
проглядел.
114. День один человека, кто знает бессмертия
тайны,
Превосходней столетий того, чей [конечен] удел.

115. День один человека, познавшего дхаммы
секрет,
Превосходней столетий того, кто не ведает
дхаммы.
[Ничего в этой жизни прекраснее выбора нет,
Чем по верной дороге идти день и ночь
неустанно,
Соблюдая единожды данный священный обет.

9. Глава о зле

116. Пусть торопится он всеблагие дела
совершать,
Пусть от зла он удержит свой ум [навсегда,
неизменно].
Если он не спешит к череде добрых дел
приступать,
Его ум удовольствие в зле почерпнёт непременно
[И не сможет он зло светлой волей добра
побеждать].

117. Если даже однажды содеяно зло, пусть уже
Человек не творит его [заново], снова и снова,
Пусть не строит на нём своей будущей жизни
сюжет.
Накопление зла — это горестных [будней основа.
Ничего, кроме горя, в озлобленных действиях
нет].

118. Даже если не раз сотворёно добро, пусть
опять
Человек повторит его [заново], снова и снова,
Пусть стремится он планы свои на добре
основать.
Накопленье добра — это радостной [жизни
основа.
Пусть не станет он радости этой себя же лишать].

119. Даже если мерещится злому во зле благодать,
Пока зреет оно [и свой гибельный плод
не явило],
Только зло, как созреет, придётся ему пожинать,

[Потому что лишь злом изначально оно же
и было
И не сможет, однажды созрев, быть собой
перестать].

120. [В несвершённом] увидит [благой]
проявления зла,
Пока благо незрело [и плод свой на свет
не явило].
И когда лишь созреет [и время придёт
пожинать], —
Он увидит, что благом [его то жнивьё одарило,
Потому что лишь в зрелости благо собой может
стать].

121. Не подумай беспечно о зле, мол, оно
не придёт:
И кувшин наполняется [мерным] падением
капель.
Тот, кто глуп, переполненным злобой [без края]
стаёт,
Даже если приход зла неспешен, [совсем
не внезапен.
Потому что лишь к злу накопление зла приведёт].

122. Не подумай [зазря] о добре, мол, оно
не придёт:
И кувшин наполняется [мерным] падением
капель.
Кто умён, тот наполнен добром [непременно]
стаёт,
Даже если приход его нетороплив, [не внезапен.
Потому что к добру накопление знанья ведёт].

123. Пусть избегнет он зла, как купец
ненадёжных дорог,
По которым он с грузом, один, добираться
решился,

Как желающий жизни от ядов себя уберёг.
124. Если яд в не пораненной [чем-то] руке
очутился,
Безопасен он. Зло не придёт на незлого [порог].

125. Но к тому, кто обидит безвинного [злобой
своей],
Кто урон причинит безупречному, чистому
[мужу],
Возвращается зло тонкой пылью, [что тучи
мрачней],
Против ветра летя, — [и урок тот всецело
заслужен,
Потому что глупцу его зло пыльной бури
страшней].

126. Есть такие, кто новых рождений [ворочает
круг].
Те, кто зло совершил, — в преисподнюю
[с дрожью] ступают.
Тот, кто праведным был, — тот небесным
[созданиям друг].
А лишённые страсти нирваны [и здесь]
достигают,
[Им даётся она как награда на ниве заслуг].

127. Ни на небе, ни средь океана, ни в горной
гряде
Не найдётся такого убежища, где б получалось
От последствий злых дел, совершённых
[глупцом] на земле,
Защититься ему — [такового ещё не случалось].
128. Над живущим победу одержит [бог] смерти
везде.

10. Глава о наказании

129. Все дрожат перед смертью, все смерти боятся
[лица],
И никто не желает быть [кем-то сурово]
наказан —
[Вместо роли судьи рассмотрите себя как истца.
Разве быть палачом или жертвой хоть кто-то
обязан?
Не желайте другим смерти раньше их жизни
конца].

130. Всех страшит наказанье, а жизнь любит
каждый из всех.
Поместите себя на другому присущее место.
Запретите убийства себе [непростительный грех,
Даже мысль о таком вызывает пусть в сердце
протесты —
Ни как кару за что-то, ни ради жестоких потех].

131. Тот, кто, счастья ища для себя, покарает
других —
Тех, кто [тоже] желает себе [не лишений],
а счастья, —
Не получит его после смертных [агоний своих].
132. Тот, кто, счастья ища, не карает других
[своей властью] —
Обретёт своё счастье посмертно, [в чертогах
иных].

133. Не груби никому; те, с которыми будешь ты
груб,
Тем же самым ответят: нахальная речь
неприятна.
[Пусть дурные слова не слетят никогда с твоих
губ].

Ведь возмездие может коснуться тебя
[многократно —
И тем чаще, чем больше на доброе слово ты
скуп].

134. Если ты успокоился, словно разбитый
[остов],
Если нет раздраженья в тебе — ты достиг [нешь]
нирваны.
135. Как пастух гонит палкой на пастбище стадо
коров,
Так и старость и смерть гонят дни жизни,
[свыше] нам данной,
[И никто раньше смерти из жизни уйти не готов].

136. Тот, кто глуп, совершая дурные дела,
не поймёт,
Что они [отвратительны, злы и приводят
к несчастью],
Но от дел неразумных его словно пламенем жжёт.
137. Кто накажет безвинную [жертву
безжалостной властью],
К одному из десятка [таких] состояний придёт:

138—139—140. Его может постигнуть страданье
[острее ножа],
Повреждение тела, болезнь, сумасшествия
[пляски],
Мук тяжёлых [чреда], разорение, в доме пожар,
Обвиненье [в грехах] и потеря родных, огреб
царский.
[По глупцу эти кары наносят смертельный удар].

141. Ни хожденье нагим, ни лежанье на грязной
земле,
Ни поста соблюденье, ни пыль и ни слякоть
дороги,
Ни сиденье на корточках, [ни загрязненье в золе]

Не очистят [аскета от мук, не спасут от тревоги],
Так как он неустойчив в раздумьях [о благе и зле].

142. Тот, кто даже украшен [и сыт, но живёт без
затей],
Отвергает кто казни, [пусть даже они
и причинны],
Кто спокоен, смирен и воздержан [от низких
страстей,
Чьи аскезы — из сердца глубин, а не слепо
картинны], —
Тот брахман, тот отшельник, тот бхикшу [для
мира людей].

143. Есть ли в мире такой, кто смирить себя
скромностью смог,
Но при этом, как лошадь, в [суровом] кнуте
не нуждался?
144. Словно лошадь под властью кнута,
совершите прыжок,
Энергичными будьте, [чтоб дух ваш тем
высвобождался].
Добродетели, поиски дхаммы и веры [глоток],

Ваша вдумчивость, ваша энергия, [ваш оптимизм
Пусть помогут идти по дороге], исполненной
знаний,
Безупречности [чистой] пусть будет полна ваша
жизнь —
И тогда углубленьем в себя [и отменой желаний]
Вы в себе уничтожите страшного зла [деспотизм].

145. Как строитель каналов на воду управу
найдёт,
Как стрелок подчинит себе стрелы, [что древком
тугие],
Как от плотника рук наземь дерево [глухо] падёт,
Так смиряют себя мудрецы — [и их мысли благие
Совершают к нирване беззвучный и лёгкий
полёт].

11. Глава о старости

146. Что за смех, что за радость, когда мир
всечасно горит?
Почему вы не ищете света, покрытые тьмою?
147. Посмотри: это тело с изъянами, часто болит,
Изукрашенный образ его [не в ладу сам с собою;
Словно кукла], оно из несвязных частей состоит.

Постоянства в нём нет, [и устойчивость чужда
ему],
Слишком много в нём мыслей, [баланс
постоянно нарушен].
148. Это тело изношено [и составляет тюрьму] —
Как рассадник болезней, что гнилостен
[и непослушен].
Разложенье, гниенье и смерть — окончанье
всему.

149. Его [члены] как тыквы на грядках осенней
порой, —
Что за радость смотреть на их [тонкие] синие
жилы?
150. Из костей, сверху мясом прикрытых, сложён
замок твой,
Но к нему смерть и старость [поход свой уже
совершили] —
И обман с лицемерьем внесли [смертоносной
волной].

151. Разрушаются даже [колёса] у царских
[квадриг] —
Так и тело, старея, [тем самым] направлено
к смерти.
Только дхамма благих — нестареющий [знанья
родник]:

Не толкает он к старости их [в долгих лет
круговерти]
И от праведных к праведным движется
[с помощью книг].

152. Малознающий старится, словно
[раскормленный] вол:
Его тело тучнеет, а ум не становится чётче.
153. Через многих рождений сансару я [прежде]
прошёл,
Я пытался найти, кто у дома [телесного] зодчий,
Но лишь новых и новых рождений печали нашёл.

154. О, строитель домов! Ты уже не отстроишь
тот дом:
Все стропила разрушены, [краски желаний
забыты],
Уничтожен на крыше конёк [в прошлом доме
твоём]
И пути для [бездумных] влечений [умом]
перекрыты —
В новом доме безвещном [был заново разум
рождён].

155—156. Тот, кто праведной жизни, пока
молодым был, не вёл,
Кто духовных богатств не достиг — тот погибнет,
как цапля
На пруду, где нет рыб. [Он в бесплодные земли
забрёл.
Жизнь уйдёт из него, иссякая прискорбно,
по капле,
Так, как дерева сохнет однажды надломленный
ствол].

12. Глава о своём Я

157. Тот, кто знает, насколько приятно
[присущее] Я,
Пусть хранит себя бдительно в трёх фазах
собственной жизни.
158. Пусть сначала он в должную суть приведёт
сам себя —
А потом и другого учить может [без укоризны].
Тот, кто мудр, не собьётся с пути, [тем себя
не губя].

159. Так, как учит другого он, так пусть поступит
с собой.
Лишь смирив сам себя, он сумеет смирить
и другого.
[Из поступков любых этот точно] не самый
простой.
160. Своё Я — господин для себя: [и деяний,
и слова].
Как же может ему господином быть кто-то
другой?

Только полный смирением личного Я человек
[Сам в себе] обретёт господина, какого
не сыщешь.
161. Если зло саморождено — [будет
всевластвовать век],
Побеждая глупцов, [разуменьем безвольных
и нищих],
Как алмаз побеждает [любой минеральный
объект].

162. У кого нрав дурной, тот с собой поступает
как враг.
Он похож на малувы, губящие салы [бездумно].
163. Одарить себя сложно сокровищем истинных
благ,
А зловредством легко — [и хотя это так
неразумно,
Люди к лёгкости делают свой опрометчивый
шаг].

164. Тот, кто глуп и исполнен презренья к ученью
святых,
Кто не верит живущим по дхамме и полным
достоинств,
Как каттхака, умрёт после родов семян налитых.
165. Человек сам хозяин своих же озлобленных
воинств,
Сам себе он и скверна, [и лекарь ранений
любых],

Сам себя очищает от зла, сам себя и грязнит —
Ведь другой не способен очистить [кого-то
от грязи].
166. Пусть он [душу] свою бережёт и от зла
сохранит,
Пусть, познав своё благо, приверженным будет
он связи
С высшим благом из всех — [и оно его
вознаградит].

13. Глава о мире

167. Не последуй неистинной дхамме! [Не будь
без ума!]
Взглядам низким, фальшивым не следуй
[на жизни дороге]!
Не живи легкомысленно! [Путь твой иначе —
тюрьма,
Так как кто неразумен — всегда пребывает
в остроге].
Не плоди дополнительно в мире [страданий]
дома.

168. Встань! Не будь легкомысленным! Будь
добродетельно чист!
Тот, кто следует дхамме, в обоих мирах будет
счастлив.
169. Следуй дхамме добра, а порочных путей
берегись!
Соблюдающий дхамму [в делах благодатных
участлив],
И наполнена радостью смерть его так же, как
жизнь.

170. Тот, кто смотрит на мир, как пузырь, как
[бесплотный] мираж,
Тот невидим для смерти [жестокого, злобного
взгляда].
171. Так идите! Смотрите на мира [цветистый
витраж]!
Как повозка царя, он узорные носит наряды.
Для того, кто не связан, [подходит любой
экипаж].

172. Тот, кто был легкомысленным раньше,
но [вдруг перестал],
Стал серьёзным [и мудрым и дхамме последует
строго] —
Тот луною в безоблачном небе [тотчас] заблистал.
173. Кто добром искупает то зло, что содеял, —
дорогу
Как луна, освещать [для других] с неба ясного
стал.

174. Мир наш слеп. И немногие ясно [способны]
глядеть.
Словно птицы из сети, немногие взмоют на небо.
175. Но как лебеди с помощью иддхи способны
лететь,
Мудрецы так уходят из мира [в предвечную
небыль],
Сокрушив войско Мары [и смерти железную
клеть].

176. Нет [особого] зла, что не смог бы свершить
человек,
Пренебрёгший [единственно верной
и праведной] дхаммой.
177. Тем, кто жаден, [возвышенных смыслов
неведом аспект] —
И глупцы не одобрят даяний невыгодных
[«срама»].
А мудрец, отдавая, тем счастлив и весел вовек.

178. Сотапатти плоды [как вхожденье в духовный
поток]
Много лучше, [чем радостных чувств мимолётное
счастье],
Чем всхожденье на небо, [чем страсти безумной
глоток],
Чем возможность над миром ничем
не обузданной власти,
[Чем способность себе самому отменить
смертный срок].

14. Глава о просветлённом

179. Разве можно вести хоть куда-то того, кто прозрел,
Кто бестропым стал, чьи безграничны [и верны воззренья],
Кто в любых сферах [жизни не ищет свободе предел],
Чья победа не станет собой вызывать пораженья,
И кто страсть победить [в своём сердце] всецело сумел?

180. Разве можно вести хоть куда-то того, кто прозрел,
Кто бестропым стал, чьи безграничны [и верны воззренья],
Кто в любых сферах [жизни не ищет свободе предел],
Кто не пойман в ловушку желаний, [страстей], вожделенья,
Что сбивают с пути, — [и к нирване кто сердцем созрел]?

181. Даже боги завидуют тем, [кто исполнен ума],
Просветлённым, исполненным мыслей, спокойным и мудрым,
Кто свободу обрёл [от бездумных привычек ярма],
Размышлениям предан [и в жизни своей целомудрен].
182. [Это трудно. Дорога до истинной дхаммы трудна];

Трудно стать человеком; и труден у смертных
удел;
Трудно [праведной] дхаммы услышать [благие
напевы];
Трудно стать просветлённым [для добрых
и искренних] дел.
183. Недеяние зла, свет добра, устранение
[гнева] —
Вот ученье [святых], в просветлении кто
преуспел.

184. [Сила] выдержки, долготерпение — вот
аскетизм;
Это высшей нирваны черты, полагают архаты.
Тот, кто вред причиняет другим [и презрел
стоицизм], —
Не отшельник, [не бхикшу, а только пустой
имитатор];
Не обидит другого аскет, [ему чужд деспотизм].

185. Пратимокша велит быть воздержанным
[в разных делах],
Не вредить, не дерзить, [не смущать], быть
умеренным в пище,
Быть приверженным дхамме [на практике,
не на словах].
Просветлённый общенья пустого [с глупцами]
не ищет,
[И ученье его не стареет во всех временах].

186. Даже ливень из ценных монет не остудит
страстей.
Мудрый тот, кто считает, что страсти болезненно
[вредны]
И что радости нет от влечений. [Гораздо мудрей]

187. Не искать удовольствий [и жить без желаний
безбедно].
Просветлённый доволен отсутствию страстных
идей.

188. Тот, кто страхом измучен, тот ищет
прибежищ везде:
И в горах, и в лесах, средь деревьев [в саду]
и в гробницах.
189. Но не сможет найти безопасного крова
нигде:
В каждом месте таком его горе [в душе]
сохранится,
И не сможет от боли спастись он [во внешней
среде].

190. Только тот, кто нашёл три прибежища
[в мире страстей]:
Будду, Дхамму и Сангху, — кто знанием истин
владеет, —
Тот четыре жемчужины, [став бесконечно
мудрей],
Отыскать [среди сора своим разуменьем]
сумеет —
[И от знания этого мир его станет светлей].

191. [Благородные истины]: зла не случаен
приход,
Обусловлено зло в этом мире наличьем желаний,
Устраненье причин к окончанию зла приведёт,
Восьмеричный возвышенный путь [высших
практик и знаний]
Обеспечит в нирвану от зла [и страданий] уход.

192. [Лишь такое прибежище сможет от зла
защитить] —
Ведь такое прибежище будет действительно
лучшим —

И пришедшего к цели от горестей освободить.
193. Не везде мудрецу может выпасть рождения случай,
Но где мудрый родится, там род будет счастливо жить.

194. Аллилуйя рождению [мудрых], кто свету открыт,
Аллилуйя учению истинной, [праведной] дхаммы,
Аллилуйя согласию сангхи, [что братство дарит],
Аллилуйя аскету, избегшему [чувственной] драмы,
[Аллилуйя тому, кто смиреньем свой дух укротит].

195—196. Перечислить никто не сумеет достоинства тех,
Кто [от чистой души] почитает достойных почтенья —
Просветлённых и ищущих света [средь разных помех],
От печалей, препятствий и страха достигших спасенья
И в свободе обретших [важнейший, бесценный] успех.

15. Глава о счастье

197. О! Мы счастливо [в этом безрадостном мире]
живём:
Невраждующие средь враждебных — [не зная
сражений],
198. Небольные среди тех, кто болен, — [нам мор
не знаком],
199. Нетомящиеся средь томящихся — [без
раздражений],
200. И как боги [на небе], мы счастья сияем
огнём.

О! Мы жить будем счастливо, хоть ничего
у нас нет,
Будет радость питать нас [как самая лучшая
пища].
201. Все победы влекут за собою несчастия след:
Побеждённый печален. Счастливый победы
не ищет —
И не знает поэтому и поражения вред.

202. Нет такого огня, чтоб был больше, чем
[дикая] страсть;
Нет беды, чтоб была ещё больше, чем
мизантропия;
Нет несчастья сильнее, чем тела [всесильная
власть];
И нет счастья, чтоб равным оно со спокойствием
было.
203. Ненасытность, санкхары — тяжёлая, злая
напасть

Для того, кто доподлинно знает об этой беде,
А нирвана — великое благо из всех, что
возможны.

204. Быть здоровым — важнейший успех
в важных дел череде;
Счастье — верить друзьям, что испытаны, верны,
надёжны;
Но превыше всего — безмятежность [всегда
и везде].

205. Лишь вкусив одиночества счастье [как
высший] покой,
Испытав добродетельной дхаммы блаженство
и сладость,
От вины и от страха [отшельник] спасёт разум
свой.
206. Благородный красив, быть с ним рядом —
великая радость;
Кто не видит глупцов — под счастливой родился
звездой.

207. Пребывающий в обществе глупых страдает
всегда,
И чем дольше он с ними — тем [горше и глубже]
несчастье.
208. Как по небу свой [точный] маршрут
пролагает [звезда],
Надлежит так за мудрым идти — [словно рыба
за снастью] —
[Честным], знающим, добрым [и светлым, как
в небе луна].

16. Глава о приятном

209. Кто играет [бездумно] роль суетной страсти
ловца,
Отвергает кто знанья и жаждет одних
развлечений —
Полон зависти к тем, кто в свой ум погружён
до конца.
210. Не завись ни от сладостных, ни от постылых
влечений.
Видеть мерзость, не видя добра, — злая [доля
слепца].

211. Не преследуй приятного: с ним
расставание — боль.
Тот свободен от уз, кто не знает ни неги, ни горя.
212. От приятного люди уходят в печали юдоль,
Из него же рождается страх [и безволия хвори].
Там, где нет удовольствий, там страхов
и горестей — ноль.

213. Из стремлений к чему-то рождаются грусть
и печаль,
И из них же рождается страх. Где не стало
стремлений —
Нет печали, нет грусти, нет страха. [Но разве их
жаль]?
214—215—216. Страх и грусть происходят
от пылких и страстных влечений.
Не желай — и спасёшься от страха. [В том жизни
мораль].

217. Добродетели кто преисполнен, правдив
и умён,
Кто свой долг исполняет и верен [доподлинной]
дхамме —

Для людей тот приятен [и пастырским духом
силён].
218. Уддхамсота стремится к безмолвию
[в жизненной драме],
Его мысль не предвзята, и [кротостью] разум
[смирён].

219. Если кто-то, отсутствуя долго, вернулся
домой —
Рады все его близкие, рада семья и родные.
220. И когда просветлённый из этого мира
в другой
Удалится навек — то его же поступки благие
Его встретят [с любовью]: для них он сокровник,
родной.

17. Глава о гневе

221. Пусть откажется мудрый от гнева, не будет спесив,
Превозможет привязанность [к чувствам, привычкам и людям].
Тот избегнет несчастий, кто [сдержан], хоть вольнолюбив.
222. Называть управляющим [собственной жизнью] мы будем
Лишь того, кто не зол, [не злопамятен и терпелив].

Остальные же лишь [пассажиры своих колесниц],
Хотя в вожжи вцепились и держат их [крепкою хваткой].
223. Пусть он гнев победит истреблением гнева [зарниц],
Зло — добром, правдой — ложь, скупость — щедростью дел [без остатка].
224. И пусть даст всё, что сможет, просящему, [с чистых десниц].

Тот, кто правде привержен и гнев свой сумел погасить,
Тот, кто [искренне] щедр, — [состояньем] приблизится к богу.
225. Тот мудрец, кто незлобен и плоть кто сумел усмирить,
В неизменное место — [к нирване] — он держит дорогу,
И, придя в это место, без горести сможет в нём быть.

226. Кто неспящ и кто денно и нощно учиться
готов,
Чтоб к нирване приблизить себя, — тот теряет
желанья.
227. О Атула, известен давно [смысл] предания
[слов]:
«Что б ни делал ты — всё же получишь за то
порицанья».
В мире нет ничего, что избегло бы этих оков.

228. А ведь не было, нет и не будет вовек никого,
Кто бы только упрёков иль только похвал был
достоин.
229. Если кто-то умён, добродетелен, чист, —
то его
Мудрецы восхваляют: [он редкостной доблести
воин,
Раз в столь трудной борьбе победить смог себя
самого].

230. Порицать кто решится того, кто подобен
плодам
Джамбу-дерева, ставшим монетами [в водах
Манама]?
Даже боги восхвалят его и [творящий] Брахман.
231. Опасайся греховности тела [позорного]
срама,
Будь безгрешен [и чист] своим телом, [подобно
богам].

232. Опасайся греховности слова — будь сдержан в словах.
233. Опасайся греховности мыслей — будь сдержан и в этом.
234. Пусть безгрешен ты будешь умом и в телесных делах,
[Пусть не будет твой гнев обстоятельствам жизни ответом].
Мудрый сдержан во всём — [и тем самым безвинен в грехах].

18. Глава о скверне

235. Как увядший листок ты теперь, и пришли
за тобой
Ямы [злобного] слуги. Стоишь ты на подступах
к смерти,
Нищ и гол: [ничего, что нажил, не возьмёшь ты
собой].
236. [Стань светильником людям], будь мудр
и в борьбе не инертен —
И, очищен от скверны, на небо [вернёшься
домой].

237. Твоя жизнь завершается, Ямой [ты будешь
сгноён].
Ни прибежища нет у тебя, ни дорожных запасов.
238. [Стань светильником людям], энергией
стань напоён —
И, очищен от скверны, прекрасный
[к последнему часу],
От рождений и смерти отныне ты будешь спасён.

239. Постепенно, помалу мудрец должен чистить
себя,
Как налёт черноты с серебра ювелир очищает.
240. Словно ржавчина, [сутью своею] железо
скверня,
[Изнутри и снаружи] проступки [глупца]
разъедают,
Ведь кто дхону преступит — [сгорит]
от несчастий [огня].

241. Запылится Писание, если его не учить,
Пропадёт красота, если лень победит
[трудолюбье],
Загрязнятся дома, если за чистотой не следить,

[Слоем грязи и пятен, как скверной, покрыто всё будет],
Если стать легкомысленным [и неблагое творить].

242. Грязь и скверна — неблагопристойные нравы жены.
Грязь и скверна — дающего скаредность, злобные дхаммы.
243. Но грязнее всего грязь невежества, очень грязны
Те, что глупы. Избавив себя от невежества рамок,
Станьте, бхикшу, от грязи свободны: [светлы и вольны]!

244. Кто нахален, навязчив и дерзок, — живёт тот легко,
Как [дурная] ворона, — испорчен, [криклив], безрассуден.
245. Тяжелее тому, кто [всегда] чистотою влеком,
Прозорлив, хладнокровен, бесстрастен. [Тех путь многотруден,
Кто не дерзостью, а благородством по жизни ведом].

246—247. Тот, кто жизнь разрушает, кто молвит [обманную] ложь,
Кто берёт не своё и желает присвоить чужое,
Кто бывает к другого жене [с похотливостью] вхож,
Пьянству кто предаётся, [почти не владея собою], —
Тот все корни себе в этом мире срезает, [как нож].

248. Человек! Знай о том, что порок не имеет
границ.
И пусть скаредность пленником зла тебя сделать
не сможет.
249. Тот, кто верит в добро, [с ближним] делится
с щедрых десниц.
А тому, кто завидует, даже и сон не поможет:
Днём и ночью [считает табун он чужих кобылиц].

250. Кто избавлен от зависти, тот днём и ночью
смирен.
251. Нет огня, что пылает подобно [безудержной]
страсти,
Нет щипцов, что держали б сильнее, чем ярости
плен,
Нет реки, что [бурливей] желаний
[стремительных власти],
Нет ловушки прочнее обмана [и мелких измен].

252. Просто видеть грехи у других, а свои нелегко.
Грех чужой, как скорлупки орехов, кидают
на ветер,
А свои прегрешенья скрывают от глаз далеко,
Словно шулер, что кость неудачную держит
в секрете,
[Защищая свой статус в игре от других игроков].

253. У того, кто чужими грехами всегда
раздражён,
Происходит желания рост, он далёк от нирваны.
254. Нет на небе пути — этот путь в нас самих
помещён.
Тот, кто радости ищет вовне, тот подвержен
обману.
Просветлённый свободен и зорок — [и этим
спасён].

255. Нет на небе пути, нет отшельников вне
[наших душ].
Нет санкхары, которой начертано быть
неизменной.
[Поворот с курса праведной дхаммы подвижнику
чужд,
Он, как в небе луна, строго держит свой путь
во вселенной,
Просветлённый и чистый, без страсти, желаний
и нужд].

19. Глава о соблюдающем дхамму

256. Не того «соблюдающим дхамму» [возможно
назвать],
Кто поспешно, [с бездумностью] движется
к [заданной] цели.
А того мудреца, что [стремится баланс
соблюдать]
И неправду от правды [всегда] отделяет на деле.
257. Он другими способен бесстрастно, [легко
управлять]:

Без насилья [и манипуляций] по дхаммы пути
Он других направляет — и верен ему неизменно.
258. Он без страха и злобы [по жизни] способен
идти,
Он свободен, спокоен, [к нему отношенье
почтенно],
Статус «мудрого» он без фразёрства сумел
обрести.

259. Сведущ в дхамме он не из-за [пышных
и выспренных] слов —
Пусть он мало учён, но её ощущает всем телом.
Верный дхамме хранить этот путь [как святыню]
готов,
Подтверждая свои устремленья не словом,
а делом
[В долгой практике жизни без лености и без
торгов].

260. Его старшим [средь бхикшу] зовут
[не за выслугу лет],
Не за то, что седа голова, — а что жил
не напрасно.

261. Тот, в ком есть ненасилие, [ярок в ком
истины свет],
Кто собою владеет, кто мудр и смиренен
бесстрастно,
Безупречен в делах, — тот как «старший» и будет
воспет.

262. Кто завистлив и жаден и кто изворотлив,
[как уж],
Тот не будет считаться красив, хоть прекрасен
собою,
Красноречье его не коснётся [сердец или душ].
263. «Привлекательным» тот наречётся, кто
[в праведном] стоек
[И кто зависти, жадности, злобе и лживости
чужд].

264. Непослушный [смиренью] и лживый ещё
не монах,
Хоть обрита его голова, — ведь он полон
желаний.
265. Но кто зло обуздать смог [и держит всецело
в руках],
И большое, и малое, — в силу своих воздержаний
Наречётся «подвижником» [в чистых и светлых
делах].

266. Бхикшу он называется не потому, что он гол.
Бхикшу можно назвать лишь того, кто усвоил
всю дхамму.
267. «Бхикшу» тот наречётся, [кто выше морали
взошёл],
Кто превыше и зла, и добра или праведных рамок
[Много лет с добровольным усердием]
не перешёл.

268—269. Тот, кто глуп, [стойким] муни не станет
уже никогда,
Даже если молчанья обет соблюдает [на совесть].
Кто невежества полон и правда кому не видна —
[Мудрых сутр не постигнет бесценно великую
повесть].
«Муни» тот наречётся, кто [уравновешен] всегда,

Тот, кто зло и добро сортирует на мерных весах,
Отделяя одно от другого [моральным решеньем].
270. Благородным зовётся лишь тот, кто в живых
существах
[Видит души живые и не причиняет мученья],
Не свершает насилия, [не вызывает в них страх].

271—272. Но одним послушаньем и таинством
[жизнь освятив],
Изучением истин [и сутр], одиноким ночлегом
Не достигну я счастья архатства, [свой труд
загубив], —
Точно так же, как путь этот [светлый] мирянам
не ведом.
Разве будешь смирен, вожделенья в себе не убив?

20. Глава о пути

273. Лучший путь из путей — восьмеричный
[возвышенный] путь,
Из всех истин являются лучшими [только]
четыре,
Из всех дхамм лучше та, что позволит желанья
минуть,
Из людей лучше тот, кто [легко разбирается
в мире]:
Прозорливый, [способный решенья задачи
смекнуть].

274. Вот и путь — и другого пути
к просветлению нет.
Так держитесь его. Остальное — иллюзии Мары.
275. [Я открыл этот путь], разгадав [колких]
терний секрет,
Я его возгласил. Он отменит страданий кошмары
[И прольёт на адептов своих безмятежности
свет].

276. Но вы сами должны по [великой] дороге
идти.
Татхагаты пусть будут на вашем пути маяками.
Кто способен [в себе] этот путь [устремлённо]
пройти —
Мары сбросит оковы, [терзавшие тяжко веками,
И себя от дальнейших мучений сумеет спасти].

277. «Все санкхары не вечны». Кто смотрит на это
с умом,
Отвращён тот от зла и идёт по пути очищенья.
278. «Все санкхары печальны». Кто знаньем того
наделён,

Отвращён от дурного и верен дороге [спасенья]
279. «В дхаммах самости нет». Тот, кто знает
о том, — [просветлён].

280. Кто лежит, когда время приходит вставать
и идти;
Кто ленив, несмотря на наличье здоровья и силы;
Кто подавлен безвольем в своём [иллюзорном]
пути, —
Того [Мары] беспечная леность [уже победила]
И пути к [светлой] мудрости [бхикшу] ему
не найти.

281. Тот, кто к слову внимателен, ум свой сумел
усмирить,
Кто дурного не делает телом, тот чист в трёх
дорогах —
[А трём этим дорогам единой начертано быть],
Как велят мудрецы, верный путь указавшие
[строго].
Пусть достигнет он этой тропы, [чтоб с неё
не сходить].

282. Верно то, что рождается мудрость
из [ревностных] дум;
Из отсутствия дум происходит её разрушенье.
Зная то, что к итогам сей путь может вывести
двум:
К процветанию жизни и к жизни же
уничтоженью, —
Пусть мудрец постоянно растит [и лелеет]
свой ум.

283. Порубите [под корень] весь лес, а не древо
одно:
Из чащобы желаний рождаются страх [и печали].
Лес страстей уничтожьте — и будет спасенье
дано.

284. До тех пор, пока женщиной грезить вы
не перестали,
Ум ваш, словно телёнок, что матери пьёт молоко.

285. Уничтожьте желанье, как осенью лотоса
[цвет,
Чтоб весною тот вновь не зацвёл], — и идите
к нирване.
В том Сугата вам путь указал [и дал добрый
совет].
286. «Здесь я летом, зимой и в дожди [точно] буду
сохранен», —
Рассуждает глупец и не видит опасности след.

287. Вот такого глупца, что помешан на [скарбе
своём —
На строениях], детях, скоте — и исполнен
желаний,
Смерть легко похищает, как спящих людей
водоём,
[Что разлился внезапно, без всяких на то
ожиданий.
288. Мы от смерти глупца даже все сообща
не спасём]:

Ни отец, [и ни мать], ни дитя, ни другая родня
[Не спасут поглощённого смертью], не вручат
защиту.
289. Тот, кто знает об этом, [пусть, попусту их
не кляня],
Сдержан внутренне, [вступит на путь, что
архатом испытан],
И, расчистив его, в безмятежность влечёт сам
себя.

21. Глава о разном

290. Если выбор есть, счастью большому иль
малому быть, —
Пусть мудрец выбирает [уверенно] большее
счастье,
Отказавшись [некрупное] счастьице заполучить.
291. Тот, кто поиском счастья себе озабочен [как
страстью],
Причиняя страданья другим, будет в злобности
[жить].

292. [Глупый] делает то, что не нужно,
а нужное — нет.
Он беспечен, заносчив, он полон [напрасных]
желаний.
293. Но чей ум сконцентрирован, [те исполняют
обет],
Соблюдая, что должно, [без ложных к тому
колебаний]
И не делают лишнего, [дав вожделеньям запрет].

294. Свергнув мать, и отца, и из кшатриев
касты — царей,
Уничтожив всё царство под корень, брахман
хладнокровен.
295. Свергнув всех их и воина-тигра [из царства
страстей],
Он идёт без сомнений, [и шаг его сдержанно
ровен].
296. Только Будде неспящий адепт верен мыслью
своей.

297—298. Гаутамы сторонники бдительны ночью
и днём:
Постоянно они в размышленьях о сангхе
и дхамме
299. И всегда концентрируют мысли на теле
своём.
300. Днём и ночью их ум преисполнен благими
делами,
301. Днём и ночью он лишь размышлением
[мудрым] ведом.

302. Трудно радостным быть, трудно жить как
отшельник-монах;
Трудно быть и вдали от людей, и среди
непохожих.
Неприятность преследует странника [в разных
местах] —
Так не будь же ты странником тем,
Пусть с несчастьем [лихим] ты поселишься
в разных домах.

303. Тот, кто знаньем наполнен и кто
добродетельно чист,
Кто исполнен [духовных] богатств и известен
[как бхикшу], —
Почитаем тот будет везде [как смиренный
буддист].
304. Тот, кто благ, Гималаям подобен, в сиянье
[возникшим].
А кто зол — тот невидим, [как в слякоть
затоптанный лист].

305. Кто способен [потребности в стадности
преодолеть],
Кто один среди всех — одинок, [но спокоен
и счастлив],
Не живёт с кем попало, [беду может
предусмотреть],
Кто энергии полон, но напрочь свободен
от страсти, —
Тот к блаженству из терниев чащи [сумеет
взлететь].

22. Глава о преисподней

306. Тот, кто лжёт и кто, сделав, болтает «То
сделал не я»,
Попадёт в преисподнюю прямо [из этого мира].
Ведь и тот, и другой после смерти, неправду
творя,
Равносильны [в грехах — и суровая кармы секира
Их обоих казнит, одинаково их не щадя].

Люди низких деяний равны после смерти своей.
307. Много тех, кто, укутав себя в золотые
одежды,
Дхамму скверно блюдет [ради мелочных,
тщетных страстей],
Путь их низок — а в слабостях кто [до конца]
не воздержан,
Тот уже в преисподней рождён, [раб недобрых
идей].

308. Лучше шар проглотить — раскалённый,
подобный огню,
Чем бесчестному жить подаяньем, положенным
бхикшу.
309. Кто беспечен и жаждет [бесстыдно] жену
не свою —
Тот получит четыре возмездия, [посланных
свыше]:
Беспокойство, бесчестье, проклятие
[каждому дню]

И посыл в преисподнюю после скончания дней.
310. Достиженье бесчестья, плохая судьба будут
платой
За любовь мимолётную труса с женой не своей;

Пред глазами царя он всегда будет в том
виноватым.
Пусть не ищет жены он чужой, [пусть он будет
мудрей].

311. Режет руку трава, если браться неловкой
рукой;
Так и жизнь неумелая бхикшу ведёт к наказанью.
312. Если долг исполнять легкомысленно,
ветрено свой —
Приведут эти действия [наверняка к порицанью],
Отобрав все заслуги, [достоинство, честь
и покой].

313. Если что-то должно быть исполнено —
[делай с умом],
Твёрдым будь в достижении цели [своей
непременно].
Кто расслаблен, [тот в упряжи страсти, как
лошадь, ведом],
Путь его запылён [и к плохим приведёт
переменам].
314. Лучше что-то не сделать, чем сделать
небрежным трудом:

То, что сделано плохо, то мучит потом [без
конца].
Но ещё лучше сделать [хорошее дело] на совесть,
Чтоб не прятать потом с сожаленьем
[стыдливым] лица.
315. Охранять изнутри и снаружи [свой долг]
приготовясь,
Не теряй же минут [драгоценных, подобно
глупцам]:

Упустившие время грустны: ужас ада — их дом.
316—317—318. Тот, кто ложным воззреньям
предался [на жизни дороге],

Кто беспочвенным страхом, бесстыдством,
цинизмом влеком,
Но не знает, где нужно, стыда, доброты
и тревоги —
Тот дурною тропой [прямо в адскую смуту]
ведом.

319. Тот, кто держится правильных взглядов
и знает, что зло —
Это зло, а незло есть незло, — [на прозренья
пороге].
Он хорошей тропою ведом, [он заслужит тепло
И нирваны покой на своей многотрудной дороге,
Та тропа приведёт его к дому, где нет суеты
и светло].

23. Глава о слоне

320. Много в мире порочных, и я вознамерен
терпеть
Оскорблений поток так, как слон терпит стрелы
из лука.
321. Укрощённый годится для боя; владыке
сидеть
На [широкой] спине его, [властно воздев к небу
руку].
Он из всех — самый лучший, с кем дело
возможно иметь.

322. Укрощённые лошади, мулы, слоны —
это дар.
Но всё ж лучше их всех тот, кто смог усмирить
и себя же.
323. [Для животных неведом блаженной нирваны
нектар],
А смиривший себя человек в том успехи покажет
И придёт к неприступной стране, [сбив желаний
пожар].

324. Невозможно слона удержать, когда тот
возбуждён.
Он не ест ни куска, хоть и связан, — так грезит он
в страсти.
325. Если кто-то обжора, лентяй [и дремотой
пленён],
И раскормлен, как боров, и мечется [в поисках
счастья],
То родиться в сансаре он, глупый, опять обречён.

326. Этот ум прежде брёл, где хотел, как
угодно ему,
Он блуждал, где желалось, [не зная табу
и запретов].
Но теперь я держу его крепко, подобно слону,
Укрощённому [мудрым] погонщиком, [знающим
метод].
327. Сохраняй рассудительность, мысли храни
глубину!

Выбирайся с дурного пути, как из грязи слоны.
328. Если друга найдёшь ты разумного, верного
дхамме,
Справедливого, мудрого, чьи рассужденья верны,
Кто готов превозмочь все помехи в пожизненной
драме, —
То, довольный, иди вместе с ним [до заветной
страны].

329. Если вдруг не случится такого на [скорбном]
пути:
Не найдёшь ты разумного, кротко кто терпит
мытарства,
С кем как с праведным другом, готов ты
по жизни идти, —
То иди одиноко, как царь, что отрёкся от царства,
Словно слон среди чащи [страдания —
невозмутим].

330. Лучше жить одному, чем дружить
с [записным] дураком.
Ты, имеющий мало желаний, иди одиноко,
Не свершай в мире зла, [чтоб потом не жалеть
о таком.
Щедрым будь], словно слон, [свои бивни
отдавший до срока
Ради блага людей], руководствуясь только
добром.

331. Как приятны друзья, когда в них возникает
нужда.
Как приятно приятное, если оно обоюдно.
В смертный час добродетель приятна [вдвойне
и нужна].
Как приятен отказ от всех зол, [хотя это
и трудно].
332. Как приятно почтение к матери [видеть
всегда].

Как приятны отцовства [заботы], монаха обет,
Как приятно брахманство [и тяготы бхикшу
святые].
333. Добродетель приятна до самых
почтеннейших лет;
Веры стойкость приятна и мудрости лавры
[густые];
Воздержанью от зла [удовольствия равного нет].

24. Глава о желании

334. Как малува, желанье беспечного буйно
растёт,
[Удушая своими сетями великие салы].
Как мартышка в попытке найти
[соблазнительный] плод,
Он подвержен рождению вновь в бытия ареалах,
[Но нигде исполненья желаний своих не найдёт].

335. Умножает печали привязанность к миру
всегда,
Как бирана-трава плодовита [несчётным
потомством].
336. Кто сумел победить [зло страстей] —
не грустит никогда:
Словно капли [росы] с листьев лотоса, [гретого
солнцем],
Утекают печали с него, [словно с пальцев вода].

337. Говорю вам: «Блаженны вы все, сколько б ни
было вас!
Вырывайте желания корень, как косят бирану,
Чтоб найти благовонье усиры [в счастливый ваш
час].
Да не сможет [ему властью данной] осилить вас
Мара,
Как поток не сломает тростник [ни потом, ни
сейчас]».

338. Словно дерево, что хоть упало, но к росту
идёт,
Если корень его так же крепок, как был
изначально,
Так страданье рождается снова, пока не пройдёт

Склонность к страсти, к влеченьям различным.
[Так пусть же буквально
До последней частицы растают желанья, как лёд].

339. У кого тридцать шесть направлений желанья сильны,
У кого к удовольствию мысли всецело стремятся,
Кто подвержен страстям — тот на гребне [обманной] волны
Унесён будет вдаль, [чтобы в праведность не возвращаться].
340. Режь под корень той латы побеги, [сожги все плоды].

341. Так случается, что человек вожделеньем объят.
Кто привязан к страстям, ищет счастья [и сладостной неги],
Тот опять и опять будет новым рожденьем [проклят] —
Новой старостью, [новой погибелью в новом забеге
По кармическим далям, что снова ему предстоят].

342. [Несвободен], повязан желаньем и сетью страстей,
Одержимый влеченьем, как заяц, что мчится по кругу,
Вновь и вновь возвратится к страданью он в гонке своей,
[И опять будет тем же желаньем безмерно испуган].
343. Пусть изгонит желания бхикшу [и станет смелей].

344. Он свободен [избрать] безмятежность и жить
без страстей —
Но он всё же бежит в лес желаний, ища
несвободы.
345. Мудрый знает, что крепче железных
и [лычьих] сетей —
Страсти к детям, богатству и женщинам. [Знанье
природы
Тех страстей не поможет глупцу быть смелей
и мудрей].

346. Мудрецы говорят: эти путы коварны собой,
Тянут вниз, и крепки, и от них тяжело отвязаться.
Разрубив эти путы, мудрец обретает покой,
Он способен от страсти своей [навсегда]
отказаться.
347. Как паук в паутине, [заботливо] им же
свитой,

Пребывает глупец, окунувшись в потоки
страстей.
А мудрец, уничтожив потоки страстей, стал
свободен,
И от зла отказавшись всецело, [по жизни своей]
Может странствовать вольно, [и путь его
благоугоден].
348. Пребывая в бытийном потоке, отвергни
[смелей]

То, что было, что есть и что может случиться
с тобой.
Если ум не пленён, то к рождению ты
не вернёшься —
А тем самым избегнешь и старости ты [роковой].
349. Если ум твой смущён, то в страстях своих ты
[задохнёшься]
И желанья тебя словно сетью повяжут тугой.

350. Кто находит покой в безмятежности мысли
своей,
Кто раздумьем объят, кто способен снести
затрудненья,
Кто положит желаньям конец [до скончания
дней],
Тот над Марою власть обретёт. [И тогда
заблужденья
Для него не окажутся праведных истин важней].

351. Вот он — [верх] совершенства: бесстрашен,
[свободен от зла],
У него нет желаний, и он безупречен собою,
Уничтожил он сеть бытия, [что ловушкой была],
Его тело — последнее [в той череде непокоя].
352. Он великий мудрец и великие правит дела,

У него нет страстей, [и никто ему не господин],
Он искусен в словах, [знает следствия он
и причины],
Совершенен он и в объяснении этих причин,
Он уже не воскреснет [к страданиям] после
кончины,
Он мудрец, он велик, [он достиг запредельных
вершин].

353. Я всё знаю, я всё победил, я [бесстрастен]
и чист.
От всего отказавшись, я стал [многомудр]
и свободен.
[Я порвал всех желаний и целей размеченный
лист].
Обучая себя самого — [и своей же природе —
Сам себе я учитель]. Кто может быть мой
методист?

354. Дхаммы дар превосходит собою другие дары;
Сладость дхаммы преслаще всех сладостей,
сущих на свете;
Радость дхаммы превыше всех радостей, что нам
даны;
Устраненье желаний за гибель печалей в ответе.
355. Для глупца вожделенья к богатству опасно
вредны.

356. Как вредны сорняки для полей, так
зловредна и страсть.
Потому избавленье от страсти приносит награду.
357—358—359. Глупость, ненависть, [похоть]
собой навлекают напасть —
Избавленье от них привлекает [покоя] отраду.
[Пусть дурные дела не имеют над путником
власть].

25. Глава о бхикшу

360—361. Хорошо быть воздержанным в зрении,
слухе, словах,
В обонянье, и в теле, и в мысли, и в речи,
[и в чувстве].
Тот, кто сдержан во всём, [безупречен всегда
и в делах],
И свободен от грусти, [и ловок в ученья
искусстве.
Этот бхикшу не тратит мгновенья в бесплодных
мечтах].

362. В совершенстве владеющий телом: рукой
и ногой,
Управляющий речью, кто радостен, сдержан
и [скромен],
Одинок, сконцентрирован в мысли, [владеет
собой],
Кто [всем тем, что имеет, всецело и кротко]
доволен, —
Тот считается бхикшу [на службе своей
непростой].

363. Рассуждает кто мудро, кто знает
значения слов
И их вес, не надменен, способен вести
разъясненья, —
У того речь сладка. [Этот бхикшу всемерно
готов],
364. Находя удовольствие в дхамме, в её
наставленье,
Никогда не уйти за пределы её берегов.

365. Пусть не будет с презреньем смотреть он
на собственный труд;
Пусть не знает он зависти: это мешает вниманью.
366. И тогда все плоды, что старанья его
принесут,
От богов даже в части своей возымеют
признанье,
И его чистоту и усердие боги поймут.

367. Кто совсем не привязан к земному и [вещи-
для-них],
Тот считается бхикшу [в людском понимании
дела].
368. Пусть же бхикшу, что верит в учение истых
святых
И по дружбе живёт, достигает покоя [всецело],
Пусть санкхары его прекратятся [в движеньях
своих].

369. [Безмятежнейший] бхикшу! Пусть станет
корабль твой пустым;
Ведь без груза страстей он легко устремится
к нирване.
370. Отсеки пять иллюзий [движением воли
простым],
Откажись от их веса, [стань легче
в прижизненной драме] —
И тебя нарекут «пересекшим поток» и [святым].

371. Размышляй, [мудрый] бхикшу! Не будь
легкомыслен ни в чём;
Не давай своей мысли вращаться в кругах
удовольствий,
Чтоб тебе, безрассудному, шар, раскалённый
огнём,

Не пришлось бы глотать [за подачку бесплатных
довольствий],
Восклицая: «Несчастен [безмерно] я в горе
моём!»

372. Кто не знает, тот от размышлений свободен
вполне;
К размышлениям кто не привык, не владеет
и знаньем.
Только тот, у кого мысль и знанье — в единой
волне,
Недалёк от нирваны [и счастлив её осязаньем].
373. Тот, чей ум успокоен, купается в благе
[вдвойне].

Он отчётливо видит всеправедной дхаммы пути,
Отойдя в одиночество, он пребывает
в блаженстве.
374. Он способен в бессмертье от тлена и праха
идти,
Всякий раз его знанье являет себя
в совершенстве,
[А иного пути] к высшей радости [и не найти].

375. Вот начало для мудрого бхикшу: познание
чувств,
Благодарность за всё, воздержанье согласно
канону.
376. Следуй прямо за другом, кого не погубит
искус,
Благородным, усердным и праведным, [верным
закону], —
И, [исполненный блага], забудешь страдания
вкус.

377. Как увядший жасмин осыпает на землю
цветы,
Так и вы, [отрешённые] бхикшу, спаситесь
от страсти.
378. Бхикшу может считаться спокойным, когда
налиты
Его речи спокойствием, тело и ум; и всечасно
Избегает он чувственных благ и мирской суеты.

379. Сам себя побуждай, [сам себе будь причиной
всего],
Сам себя проверяй [на готовность, и веру,
и верность].
Только зная себя, наблюдая себя самого,
Счастье будешь иметь [как обычную
закономерность,
Не стремясь обрести, не страшась потерять
ничего].

380. Ибо сам господин ты себе, сам себе же
и путь.
Усмири сам себя, как купец усмиряет кобылу.
381. Бхикшу, верящий Будде, познай
безмятежности суть,
Чтобы счастье твоё [прекращеньем страдания]
было.
382. И сумей, как луна из-за туч, светом [истин]
блеснуть.

26. Глава о брахманах

383. Прекрати заблуждений поток, устремляйся вперёд,
Прогони прочь желанья — [и этим познаешь основы].
Уничтожив санкхар [ненадёжный, обманчивый лёд],
Ты, брахман, сможешь видеть нетварное — снова и снова!
[Пусть к тебе этот дар как награда за стойкость придёт].

384. Дхаммы две: [безмятежность и знание меры во всём],
Коль брахман их достигнет, — снимают с него все оковы.
385. Называю брахманом того я, [кто, дхаммой ведом],
Берегами ни тем и ни этим не стал очарован,
Кто бесстрашен, свободен, [ничем и никем] не влеком.

386. Называю брахманом того я, кто знает покой,
Кто свободен от страсти, кто полон благих побуждений,
Кто зарок от желаний справляет [безропотно] свой.
387. Светит ночью луна, солнце — днём, воин — в жаре сражений,
Свет идёт от брахмана, что мыслью исполнен [благой].

Но и ночью, и днём порождает сияние тот,
[Кто познал отрешения благо и стал] просветлённым.

388. Тот аскет, кто в [святой] отстранённости
в мире живёт,
Тот брахман, кто отринул всё зло и стал
освобождённым,
Кто отбросил всю грязь, тот [по праву]
«пречистым» [слывёт].

389. Не дерзни бить брахмана, и он пусть свой
гнев усмирит.
Тот позором покрыт, кто ударил брахмана
жестоко,
Но ещё больший [грех] и позор на брахмане
лежит,
Если он отомщает обидчику «око за око».
390. [Воздержаться в желании мести ему
надлежит],

Так как нет ничего, что превыше смиренья
[со злом].
391. Называю брахманом того я, кто чист во всех
сферах:
Кто словами, и мыслью, и делом всецело
с добром,
[Ни в каких направленьях, ни с кем не замешан
в аферах].
(390). Где исчезло желанье разрушить — там блага
подъём.

392. От кого б ни услышал ты высшую дхамму,
всегда
С благодарностью чти передавшего, словно
святыню.
393. Стать брахманом по виду иль роду нельзя
никогда:
Ни причёска брахмана, ни предков
фамильное имя
Не помогут тебе. [Только истина, дхамма, нужда].

394. Что за польза тебе в перепутанной шикхе,
глупец!
Что за польза тебе в одеяньях из [шёлковой]
шкуры!
Ведь внутри тебя джунгли, [хаос], и, [как жалкий
гордец],
Ты печёшься всего лишь о внешнем убранстве
натуры,
[Не заботясь о сути, как спесью сражённый
слепец].

395. Пусть он пыльные носит одежды, пусть он
истощён,
И пусть светятся вены его через кожу наружу,
Если он одинок и в раздумья свои погружён,
Я брахманом его назову: [им всецело заслужен
Этот титул, раз к сдержанной благости взор
обращён].

396. Но не стану брахманом я звать человека
за то,
Что его мать из рода брахманов, [ведь этого
мало].
Кто привязан к желаньям, сродни «говорящему
бхо» —
[Пустословный, нестойкий — ведь истинной
веры не знал он].
Тот брахман, в ком доверие дхамме светло
и сильно.

397. Называю брахманом того я, кто путы порвал,
Кто уже не трясётся от страха, кто смел
и свободен.
Отрешился от мира кто и непривязанным стал.
398. Называю брахманом того я, кто
[благоугоден],
Просветлён и кто клети с цепями [отважно]
сломал.

399. Называю брахманом того я, кто кротко
снесёт
Испытания все — не страшна ему даже [могила].
Заточенье, упрёки, тюрьма — [всё на пользу
пойдёт]:
Его стойкость — оружие, выдержка — мощная
сила,
Невиновность его [защитит и от скорби спасёт].

400. Называю брахманом того я, кто гнев
победил,
Кто ответственно строг в претворении должных
решений,
Кто [по нраву и вере своей] добродетелен был,
И чьё тело — последнее [в долгой цепи
возрождений],
Кто без [низменной] похоти [жизнь свою чисто
прожил].

401. Называю брахманом того я, кто к чувствам
не льнёт,
Кто не ищет ни плотских утех, ни иных
наслаждений —
Будто лотоса лист, [что по озера глади плывёт],
Не влажнея поверхностью от [мимолётных]
течений,
Будто зёрнышко [мака], что [к утвари]
не пристаёт.

402. Называю брахманом того я, кто мир
отпустил,
Кто отбросил поклажу и лично познал
отрешенье.
Называю брахманом того я, кто в мире прожил,
Находя в устраненье страданья своё утешенье,
[И кто светел и счастлив в своей безмятежности
был].

403. Называю брахманом того я, кто блага
достиг —
Наивысшего, так как познал он лик истинных
знаний,
И кто знает, что ложного знания [вид многолик].
404. Называю брахманом того я, в ком мало
желаний,
Кто без дома и мыслей о нём быть, [как в доме],
привык.

405. Называю брахманом того я, кто не убивал,
Кто насилия не применял и других не заставил,
На трусливых и храбрых оружия не поднимал.
406. Называю брахманом того я, [кто маски
оставил];
Кто спокоен среди неспокойных и злобным
не стал

Среди множества злобных; кто в сонме
невольных — не раб
[Ни страстей, ни желаний, ни множества ложных
воззрений].
407. Называю брахманом того я, кто [волей
не слаб]
И избавлен от гнева, и лжи, и дурных убеждений,
Что спадают с него, [как вода с перепончатых
лап].

408. Называю брахманом того я, кто правду
речёт,
И чья речь поучительна, [вежлива] и не обидна.
409. Называю брахманом того я, кто сам не берёт
В этом мире того, что ему не дано [очевидно],
И оно, [хоть какое собой], его не привлечёт.

410. Называю брахманом того я, кто в разных мирах
Отрешён от желаний и целей, не склонен к мирскому.
411. Называю брахманом того я, кто гибели страх
Одолел и в бессмертие канул, [как в благостный омут],
И кто с помощью знаний повергнул сомнения в прах.

412. Называю брахманом того я, кто к злу и добру
Не привязан в своих [повседневных душевных] влеченьях,
Беспечален, бесстрастен — и чист, [как роса поутру].
413. Называю брахманом того я, кто в тщетных волненьях
Не стремится продлить и усилить бытийства игру.

Кто подобен без пятен луне, безмятежен и чист.
414. Называю брахманом того я, кто жизни дороги —
Этот грязный, обманом и [скорбью] испачканный лист —
Одолел без сомнений, прошёл все сансары пороги,
Стал свободен и вдумчив, [хоть сложен был путь и тернист].

415—416. Называю брахманом того я, кто [здесь и теперь],
Дом утратив, бездомный, бесстрастный, [как дух, стал беспечен],
Не желая вернуть себя к миру, [что полон потерь].

417. Называю брахманом того я, кто
внечеловечен,
Кто к земной и небесной приязни закрыл свою
дверь.

418. Называю брахманом того я, кто всё победил,
Кто отверг [удовольствия радость и боль
укоризны]
И возможность рождения вновь для себя
устранил.
419. Называю брахманом того я, кто знает
о жизни
И о смерти живущих существ, кто сугатою был.

420. Называю брахманом того я, чей путь
не знаком
Ни гандхарвам, ни людям, ни богу, [кто
неуловимый].
421. Называю брахманом того я, кто стал
не ведом
Ни своими желаньями, [ни постороннею силой],
И ничем, с чем в каком-либо времени [был он
знаком].

422. Называю брахманом того я, кто мощен,
как бык,
Благороден, и победоносен, и мужества полон.
Кто в великую мудрость [трудом размышлений]
проник,
Совершенен кто, светел, [чей путь терпелив был
и долог].
423. Называю брахманом того я, кто [знает свой
лик] —

Свои прежние жизни, — и небо, и царство теней.
Кто, исполненный знания, стал мудрецом
[и свободным],
Кто достиг окончания перерождений вполне,
[Кто явил себя миру: великим, святым,
благородным], —
И свершил всё, что только возможно свершить
[на земле].

Двенадцать врат

Логико-философский трактат «Двенадцать врат», написанный во II — III веке на санскрите, принадлежит Нагарджуне — полулегендарной личности, одному из основоположников махаяны, в том числе школы мадхьямики, считающейся вершиной буддийской диалектики. К учению Нагарджуны возводят философию праджняпарамиты — центральной концепции махаяны, описывающей доктрину дхарм и пустотности.

Текст трактата содержит яркие примеры последовательных и скрупулёзных логических построений, в частности, в его 10-й главе содержится рациональное доказательство несуществования бога-творца. В качестве логической основы своих рассуждений Нагарджуна полагает принцип строгой причинности: ничто не возникает само по себе, а всё существует лишь постольку, поскольку является причинно обусловленным.

Построение онтологии реальности согласно апофатической философии Нагарджуны невозможно, поскольку физический мир считается лишь видимостью, плодом деятельности мысли, её логическим конструктом. В длинных, циклических доказательствах философом активно используется метод отрицательного диалектического аргументирования — прасанга, соответствующий в математике доказательству от противного.

Поэтическая рифмовка была осуществлена мною на основе перевода В. Ю. Ирхина с английского: Cheng Hsuhe-li. Nagarjuna's Twelve Gate Treatise. Translation with Introductory Essays. Dordrecht, 1982. Согласно существующей традиции комментирования, все собственные дополнения я заключила в квадратные скобки.

Глава 1. Причинные условия

И Нагарджуна так тогда сказал:
— Теперь я кратко объясню ученья:
[В чём суть того, что Татхагата дал
Для пониманья сутр и просветленья.

— В чём смыслы объясненья твоего]?
В чём Махаяны польза толкованья?
— Она для ясных создана умов
И тех, чьи добродетельны деянья.

Она им объясняет дхармы свод:
Все десять векторов её пространства,
И времени её трёхчастный ход,
[И переходов их непостоянство].

Однако современников своих
Не назову исполненными знанья,
И добродетель под сомненьем их —
И потому не властно пониманье

Священных сутр для их простых умов.
Я полон сожаленья в той напасти.
Любя людей, я им открыть готов
Дорогу к просветлению и счастью,

Систему Махаяны прояснить
И подарить открытья Татхагаты.
— Но может ли ответ на это быть?
Их смыслы толкованьями богаты.

Ученья Махаяны перечесть
Понадобятся многие столетья,
Не станет Будда также познан весь.
— О, кратки будут объясненья эти.

— Зачем он Махаяну так назвал?
— Великой Колесницей величают
Ту дхарму, что пророчит идеал
И буддами всецело управляет.

Она вершит великими людьми,
Она способна излечить страданья,
Великой Колесницей нарекли
Её на этом веском основанье.

Махастхамапрапта ей управлял,
Вели коней Манджушри и Майтрейя,
Авалокитешвара придавал
Ей направленье к цели для прозренья.

Она способна истины открыть,
И сила их безмерна, беспредельна.
[Пустотности я буду вас учить.
Чтоб пониманье ваше было цельно].

Пустотность — основная из доктрин.
Её поняв, поймёте Махаяну.
Шесть парамит — шесть основных картин —
Двенадцать Врат откроют перед вами.

И первые врата — условья те,
Что создают различные причины.
Нет собственной природы в пустоте,
Но как предмет имеет величины?

Все вещи происходят от причин
Как двух условий: внутренних и внешних.
То внешнее, к примеру, что из глин
Гончар [сырой] горшок творит [неспешно],

Крутя гончарный круг. Или ковёр
Из пряжи на станке [искусный] мастер

Ткёт, [подбирая правильный узор].
Строитель также к внешнему причастен:

Столбы, площадка, дерево, земля,
Трава и труд — вот внешние причины.
Объединяясь, дом они творят,
И в производстве том они едины.

Чан для броженья производит сыр:
В нём молоко с работой совместились.
Земля, вода, и солнца светлый пир
Весной с зерном в росток объединились.

Условья, что внутри, подобны тем,
Что внешними условьями зовутся.
И действие, незнание проблем
К причинам, что внутри есть, отнесутся

И к ним же — имя-форма, виды чувств
И ощущений, знание, желанье,
Привязанность, [приятие искусств],
И тел живых существ формированье,

Рожденье, старость и в итоге смерть —
Причину всё имеет поначалу;
Чтоб быть, оно должно её иметь,
[Однако лишь причины будет мало].

Все вещи, что исходят от причин,
К двум типам соответственно относят:
Есть вещи внешние — [и облик их един],
Есть внутренние — [смысл их переносен].

Различные причинности тая,
Сомнительно, что сутью обладают
Они как выражение себя
[И смысл исходный свой они скрывают].

Но если в вещи самосути нет,
То иносуть ей тоже не присуща.
И вместе не содержит их предмет:
Когда вдвоём ино- и самосуще.

Но почему? По той причине, что
И в иносущем нет реальной сути.
Ведь если справедливо будет то,
[То ясность существует из-за мути],

Коровы — по причине лошадей,
А лошади — от сущности коровы,
Обязан персик яблоку своей
Причиной... Мир не так организован.

Могли бы мы сказать и то, что, мол,
Всё есть, как есть, из-за иного [в мире].
Но кто доктрину эту предпочёл —
В своих ошибся мыслях. [Смотрим шире]:

Ведь если бы причиною назвать
Циновки ту траву, из коей свита
Она, то впору их объединять
В одно. Однако этот путь [испытан]

И назван ложным по причине той,
Что не смогли б назвать иным траву мы.
Да и в себе, как сказано, самой,
Трава не носит сути. [Эти думы

Ведут нас к мысли], что циновка та
Есть не посредством сути матерьяла,
Из коего сама же создана:
[Чтоб быть собой, причины этой мало].

Всё то же о горшке, сырах и всех
Вещах сказать определённо можно:

Извне причины не влекут успех
Существованья их. И также ложно

Сказать, что внутренних условий ряд
Им обеспечит их происхожденье.
Трактаты о Пустотности гласят,
Что это невозможно как явленье.

Ведь если бы возможно было то,
То вот вопрос: в один момент иль много?
В действительности это не дано
Причинам внутренним. Они не могут

Мир сотворить ни за один момент,
Ни за моменты многие тем паче.
Причина и исход в один фрагмент
Сомкнулись в первом случае б иначе —

Но это невозможно потому,
Что быть первичной надлежит причине.
А многие моменты ничему
Быть не позволят разделённым ныне:

Ведь каждая из череды причин
Возникла бы в единый миг и снова
Исчезла б в никуда, забрав зачин
Для следствия, которому основа.

Исчезнув, не способно повлиять
На будущее то, что исчезает.
[Мы вывод тот же делаем опять]:
Причин к существованью не бывает.

Причинные условия пусты.
И пусты вещи, что они создали.
Мир полон сотворённой пустоты,
Пуста и самость их — [мы осознали].

Пять скандх, творящих совокупность «я»,
Двенадцать ощущений, [семь] органик
Горению подобны без огня
[И пустоты собой являют грани].

И так как содержимое пусто,
Ничто не может самостью являться,
Как без горючих свойств своих ничто
Не может по себе воспламеняться.

Для бхикшу в сутре Будда говорил,
Что самость атрибутами владеет,
[Я вам про то подробно пояснил]:
Нет атрибутов самости на деле,

Поскольку нет ни в чём её самой.
Всё сотворённое пусто. Нирвана
Несотворённая той пустотой
Себя являет тоже. [Махаяна

Так учит нас], поскольку суть её
В уничтоженье скандх без производства
Других. [И содержание своё
Они отдали ей как первородство].

Что нужно уничтожить, чтоб назвать
Что получилось именем нирваны?
Пустую самость мы не можем взять
Для цели той. Ничто [из Махаяны]

Не подойдёт на роль её причин.
Вещей несотворённых чередою
[Окончим пояснение доктрин],
Являться что способно пустотою.

[Уже мы знаем]: что сотворено,
Причины не имеет к содержанью.

Несотворённое тогда пусто,
Поскольку не найти обоснованья

Для полноты его. Итак, пусто
Всё в мире этом: самость и предметы,
И то, что было произведено,
И то, что участи избегло этой.

Глава 2. Существование и несуществование следствия

Последствия причин всегда пусты:
Ничто не происходит в этом мире,
Не возникает мир из пустоты.
[Рассмотрим утвержденье это шире].

Раз следствие уже реально есть —
Ему не нужно больше появленья,
А если нереальным его счесть —
Его не будет позже сотворенья.

Реальность-нереальность [вообще]
Не создают основу для творенья.
Так как же для [событий] и вещей
Имеет место их происхожденье?

Ведь если все последствия уже
В причине заключаются всецело,
[То однозначен будущий сюжет]:
Происхожденья шаг не будет сделан,

Поскольку сотворит он только то,
Что есть и так в уже готовом виде.
О том же, что не произведено
[Аналогичный вывод очевиден],

Поскольку вовлечённое в процесс
Воспроизводства в нём же повторится
И, в бесконечный втянуто регресс,
В нём вновь и вновь без счёта умножится.

Поскольку всё, что изначально есть
В своей причине, будет жить и дале,

То следствий невозможно перечесть
Того, чему однажды жизнь придали.

Ведь если [сформулировать общо],
Раз то, что было, вновь не повторится,
А не произведённое ещё
На свет при этом может появиться,

То принцип производства [искажён]
И как неверный должен быть отринут:
Чтоб был в причину вывод помещён,
И исходил из этой же причины —

То невозможно. Невозможно и
Сказать, что то, что было изначально,
Через период времени один
Или другой возникнет [каузально], —

Но лишь без повторенья, только раз, —
То неразумно. Если всё едино:
И то, что есть, и что имеет шанс,
Чтоб после быть, — то нет иной причины

Быть не произведённым одному,
Ну а другому всё же состояться.
К тому же, если мыслить посему,
[То парадоксы станут нам являться].

Ведь если не рождённое пока
Реально в своей сути и причине,
То суть уже рождённого зыбка:
Оно не может быть реальным ныне.

Поскольку их природа — антипод:
Реальность нереальности противна.
Иначе вывод можно сделать тот,
Что их различие [не объективно],

И непонятно, в чём же его суть:
Где разница в рождённом и проекте?
[Один лишь остаётся мысли путь:
Предположенья невозможны эти].

Коль следствие с причины началось,
Ему не суждено на свет явиться:
[Оно в самой причине прервалось
И больше потому не состоится].

Со стороны другой рассмотрим всё.
Ведь если факты в жизни состоялись,
Зачем бы им производить ещё
Себе подобное? В чём выражались

Тогда б самой реальности черты?
[Ответ тут в том], что вовсе нет причины
Тому, что есть, приумножать ряды
Свои ещё, [зациклив мир единый].

И следствие когда реально в том,
Что мы его истоком называем,
Его должны мы сразу видеть в нём,
Однако мы его не наблюдаем.

Не видим мы кувшина в [смеси] глин,
В соломе не видна ещё циновка.
Не может быть реальностью кувшин,
Пока не сделан. [— Есть одна уловка.

Ведь можем полагать мы], что кувшин,
Хоть не произведён, но существует
Как следствие ввиду своих причин:
Невидимо, но в них предсуществует.

— [Вопрос такой имеет право быть],
Однако что сказать могла бы глина?

По признакам каким определить
Наличье в ней сокрытого кувшина?

Ведь только по чертам, присущим им,
Определяют с точностью предметы.
В чём есть черты кувшина — то кувшин.
А это — лошадь. А корова — это.

А так как глина не содержит их —
Ни признака кувшина, ни коровы, —
[Для утверждений этих непрямых
Нет никакой логической основы], —

Мы вывод можем сделать только тот,
Что глина сей кувшин не образует.
И следствие как действия итог
В своей причине не предсуществует.

Со стороны другой зайдём [в борьбе].
Ведь следствием лишь то мы называем,
Содержит перемены что в себе:
То, в чём мы измененья наблюдаем.

И эти изменения должны
Уже существовать в самой причине
И в ней же быть обязаны видны:
Кувшин быть должен наблюдаем в глине.

Но так как мы не видим в ней его,
Нельзя сказать, что следствие [реально]
И будет позже произведено
Из-за своих причин [потенциальных].

Всё дело в том, что измененья нет
Ни до, ни после следствия явленья,
И потому логический ответ
На часть вопросов о происхожденье

Теперь таков. В неизменённом след
Отличья от того, что раньше сбылось,
Отсутствует — и этим дан запрет
Считать, что оно всё же появилось.

А если полагать его само
Как изменённое, то нет в причине
Того, из-за чего произошло
То измененье, — нет и следствий ныне.

— Мы можем полагать, что не видно
Последствие в предшествующей сути.
Как есть предсуществует в нём оно,
Но вид его, однако, не доступен.

Ведь мы не видим то, что далеко,
Не видим и пред носом что маячит.
Из-за дефекта зренья нелегко
Увидеть то, что разглядел бы зрячий.

Не сможем рассмотреть мы за стеной
То, что надёжно за неё сокрыто.
Фигуру не увидим на другой,
Коль с ней она, как с фоном, будет слита.

Не сможем увидать мы и того,
Что было ещё чем-то поглощёно.
Глаз не увидит мелкого всего:
[Оно своим размером защищёно].

На роговице капля не резка,
Орла не видно в воздуха потоке:
В примере первом слишком вещь близка,
И слишком во втором она далёка.

Дефекты ощущений не дают
Возможности узнать, что в мире суще:

Слепой не видит цвет; не атрибут
Глухому звук; больному не присуще

Оттенки ароматов различать
И чувствовать, что блюдо не безвкусно;
Не может паралитик ощущать
Движения характер — эти чувства

Им не даны, как не дано глупцу
Познать своим мышленьем мира тайны.
Не чётки голоса, когда [к лицу,
К глазам предмет приближен специально]:

Мешает концентрация на нём
Произвести другого опознанье —
Мы вещь порой совсем не узнаём,
Хотя она доступна для сознанья.

Препятствия мешают также нам
Узнать, что там за ними обитает:
Земля чинит препятствие водам,
Стена объектов образы скрывает.

А сходство нам мешает среди тьмы
Увидеть тёмный [камень], ей объятый.
И сколько бы ни стали слушать мы,
Но тихий голос был бы скрыт набатом.

Не видим мы частиц: они мелки.
Поэтому, хоть вещи существуют,
Причины не узнать их велики,
Из тех восьми причин бери любую.

И ты не прав, коль говоришь о том,
[Что результат всегда вперёд известен]:
Кувшин не виден в помыслах о нём,
Но метод наблюдения ответствен

За то, что можем им мы получить.
Объект быть может явлен в мир реальный,
Но узнанным он может и не быть
Из-за причин [случайных и банальных].

— Тот факт, что измененья и итог,
Подобные кувшину, мы не видим,
Не оттого явиться миру мог,
Что из восьми причин он очевиден.

Поскольку то, что слишком близко нам,
Увидеть мы смогли бы в отдаленье,
А то, что не приближено к глазам,
Возможно разглядеть при приближенье.

И то, что мы не можем опознать
По той причине, что слабы глазами,
Способен был бы сильный наблюдать,
[Кто форой обладает перед нами].

Что без вниманья тяжело понять,
То со вниманьем стало б очевидным.
Препятствия не могут помешать
Существовать тому, чего не видно.

Когда объекты сходны меж собой,
Они не разделяются сознаньем,
И если их сокрыть [от взора] тьмой,
То невозможным станет опознанье.

Но стоит им несхожесть проявить
Иль темноте сменить себя на ясность —
Объекты смогут видимыми быть
И станут наблюдению подвластны.

Объект быть может мал для наших глаз,
Однако в своих следствиях проявлен.

Но если следствий не видать для нас,
То и в причинах не был он реальным,

Поскольку одинаков он во всём:
И если мал он был в своей причине,
То в следствиях мы тоже не найдём
[Идеи, воплотившейся в кувшине].

— Объект быть может мал, [пока незрел],
Ненаблюдаем до происхожденья,
Однако он имеет свой удел
Стать видимым посредством воплощенья.

— Раз так, причина не влечёт итог,
Поскольку в ней он содержим всецело.
А коли он явиться миру смог,
Причина целиком его имела.

Причина быть не может больше, чем
Последствия. [Они равны в объёме].
И меньше быть не может, ведь совсем
Не поместится в малом, кто огромен.

И если есть в причине великан,
То следствие не может быть ничтожным.
И вывод, что его не видно нам,
Признать должны мы, несомненно, ложным.

[Ведь если их объёмы не равны,
Не можем мы назвать одно причиной,
И следствием — другое. Суждены
Отдельно быть они, наш долг отринуть

Их связь]. Тут утверждать должны мы то,
Что из причин не вывести итоги.
Однако видим мы иное: что
Итоги у причин есть очень многих.

Не можем потому мы утверждать,
Что следствия причин не будут очны,
И с тем одновременно полагать,
Что восемь их препятствий правомочны.

Содержит если повод свой итог
И из себя его же исторгает,
То значит, он собою быть не смог,
Да и итог свои черты теряет.

Подобно покрывалу из пеньки
Иль заключившей плод в себя посуде,
Не могут быть причинами они
Всему, взаимосвязаны с чем будут.

И нитки, и посуда — не исток
Для одеяла и плода. [Соседством
Их положенья я назвать бы мог
И матерьялом]. Значит, нет и следствий,

Поскольку ведь причины тоже нет.
Раз нет причины — нет её итога:
[Там, где начал не существует след, —
Не происходит также эпилога.

И если мы не видим переход]:
Нет действия, — то ни одна причина
На роль итога здесь не подойдёт.
[И мы теперь обязаны отринуть

Любую мысль], что нитки суть исток,
Причина одеяла. [Лишь деталью
Его структуры я назвать бы мог
Те нитки. И теперь такой моралью

Мы завершаем заданный вопрос]:
Нет ни причин в наличии, ни следствий.

Сей факт освобожденье нам принёс
От обязательств поиска последствий.

Давайте предположим, что итог
Уже включён собою в начинанье,
Однако проявиться всё ж не смог.
[Но в чём его пребудет опознанье?

Чтоб знать о том, что есть он], мы должны
Заметить его признаки воочью:
Услышав звук на фоне тишины —
Узнать в нём [шелестенье] птицы [ночью];

Услышав смех — в нём опознать дитя;
Почуяв аромат — цветка [цветенье];
Знать: рядом пруд — увидев журавля;
По дыму — наблюдать огня горенье.

Ведь раз в причине есть уже итог,
Он должен быть по признакам заметен.
[И если в них он явным стать не смог],
То нет его. И потому отметим:

Раз сущностей в причине иль примет
Последствий мы определить не можем,
То значит, их в причине вовсе нет,
[Другой же вывод просто невозможен].

Предположить мы можем, что в себе
Уже причина следствие содержит
И из себя творит его вовне.
Но пусть нас то от вывода удержит,

Что якобы причиной служит нить
Для одеяла, или же циновка —
Соломы следствие. [Тут может быть
В процессе осмысления уловка].

Не производят нити одеял,
Циновку не творит собой солома.
[И этот постулат возможность дал
Прийти теперь нам к выводу такому]:

Раз одеяло не сотворено
Ни нитками, [ни шерстью], ни соломой,
Не существует потому оно
И следствием [по выводу такому]

Не может быть. Поскольку следствий нет —
То нет им и причин. Мы доказали:
Причина не содержит свой послед
И из причины он не истекает.

И если тот исход не был создан,
То вечен он, подобен он нирване.
И как нирвана, постоянен сам,
И всё, что сотворёно, — постоянно.

Поскольку всё, что сотворёно, есть
Лишь следствия. И значит, постоянство
Непостоянству запрещает здесь
Существовать, и у обоих шанса

Чтоб быть, не существует. Потому
Нет ни того, и ни другого звеньев.
Но это же абсурд — и посему
Мы отвергаем это положенье.

[И снова, в сотый раз уж говорим],
Что следствия причина не содержит,
И из причин итог не сотворим.
[Так вновь мы повторили то, что прежде].

Ведь если бы причина создала
Последствия свои, да из себя же,

То не остановилась бы она
И дальше бы ещё творила. Скажем,

Плащ вызывал собою бы покров,
А одеяло бы влекло сиденье,
Повозка же — погрузку [для волов].
В действительности все эти явленья

Имеют не такой к себе предлог.
И потому мы повторяем снова:
Причина не содержит свой итог,
И из неё он не был образован.

Тут можно возразить, что, мол, земля,
Имеет дивный запах, но без ливня
Его нам не учуять. [Отделя
Условья от причины, эффективней

Нам будет объяснить, в чём ты неправ].
Неправ ты в том, что следствие могло бы
Себя явить на свет, реальным став,
Коль были бы условия особы.

Но не бывать тому, поскольку всё,
Что называем следствием мы с вами,
Уже явилось в облике своём
И как реальность признаётся нами.

Что сделано — то сделано уже.
Кувшин своей причины не имеет,
[Поскольку производственный сюжет
Над ним долженствованьем не довлеет.

И потому мы снова повторим]:
Причина не несёт в себе итога,
Как следствие кувшин не сотворим
[И не имеет внешнего истока].

Могли б мы рассуждать на тот манер,
Причина проявляет, мол, предметы,
Хотя не производит. Например:
Что свет от лампы, [ночью разогретой],

Кувшин, кровать и весь [домашний] скарб,
[Как солнцем], освещает [и в безлунье].
Однако не даёт для жизни старт
Тот свет. [Так полагать — безумье].

Не может он на свет произвести
Своим сияньем ни кровать, ни вазу.
[И потому должны мы отмести
Сравненья света и причины сразу].

И если все последствия всегда
В причине пребывают как реальность,
А после происходят, — как тогда
Нам отличить, [что есть потенциальность,

А что её явленьем предстаёт]?
Ты делаешь меж ними различенье.
И потому неверно, что исход
Своих истоков есть произведенье.

Теперь мы предположим, что исток
В себе своих последствий не содержит,
Но производит их. [Каков итог
Быть мог бы рассуждений наших прежних?]

Мы были бы обязаны сказать,
Что то необоснованно сужденье,
Поскольку можно было б сотворять
Таким манером [всё без исключенья]:

Две головы и три [иль больше] рук,
Но это невозможно [по причине

Того, что был бы замкнут этот круг
И ничего б не произвёл поныне].

— Кувшин имеет всё же свой исток
В своих причинных замыслах, возможно.
Но мысль, чтоб и без них явиться мог, —
Она в своей нелепости ничтожна.

— Нет разницы, кувшин или рука,
Хоть третья, [хоть шестая], возникает —
Всё нереально до тех пор, пока
В своих частях исход не обитает.

А он не обитает в них: кувшин
Ни глина, и ни камень не содержат.
Так почему из множества причин
Мы называем те, каким привержен

Наш ум? К чему причиной называть
Для сыра молоко, для пледа — пряжу?
Согласно рассуждениям, опять
Причина в своих следствиях обяжет

Из пальца появиться и коню,
И пище, и повозке, и иному.
[Пусть даже мир изменит суть свою,
Мы рассуждать не можем по-другому].

Ведь если же причины не таят
В себе своих последствий хоть немного,
Но производят их, тогда [подряд
Буквально всё творить без меры могут]:

Так пряжа сотворила бы ковры,
И лошадей, и пищу, и повозки.
Из ничего в итоге той игры
Возникло б всё. [Вот в том-то и загвоздка],

Что не реальны все они в своих
Причинах. Потому ещё причина
Не может не иметь как таковых
Последствий со способностью отринуть

Их из себя. Ведь не было б тогда
Возможности у ней предельно ясно
Производить эффекты без труда,
Которые нужны ей. Не напрасно

Из семечек мы масло достаём, —
Не из песка. Ведь если бы причина
И следствие не были бы вдвоём,
Для масла подошла бы нам и глина.

Ты мог сказать бы, что, мол, видел лишь,
Как из семян [работник] масло давит,
А из песка не видел. Убедишь
Меня в том заблуждении едва ли.

Тебе [любой, кто знает мысли ход],
Неубедительность суждений этих
Покажет. Ищем масло наперёд
Мы там, где оно было на примете —

Но точно быть уверенными мы
В его происхождении не можем,
И потому искать обречены
Лишь наудачу, [случай нам поможет].

Теперь займусь опроверженьем я
Не только единичного примера
Причинности, но будет вся семья
Причин отражена таким манером.

Не можем заключить мы ни того,
Причина что свой след в себе содержит —

И производит из себя его;
И ни того, что след в себе не держит

Она — и всё ж собой его творит;
Ни то, что в разновидностях своих же
Она и тот, и тот имеет вид,
И след её всё ж ей самою движим.

Тут приводил пример про масло ты:
Как из семян его [работник] давит.
Так вот, [обманность этой простоты]
Тебе пусть заблуждений не прибавит.

Поскольку, если следствие в себе
Причина не содержит, но его же
Всё ж производит, — как понять тебе,
Что был исход причиной той положен?

Ведь если ничего в причине нет,
Как ей произвести на свет хоть что-то?
В чём состоит создания секрет?
Как совершить движения [работу]?

Не может в этом случае ни тот,
Кто совершает дело, делать дело.
Ни то, [что происходит], в свой черёд,
Не может [самодействие] проделать.

И нет различий между тех троих:
Меж делающим, делом и предметом
Деяния. Ты не разделишь их
И не найдёшь на свой вопрос ответа:

Раз следствие уже реально, есть,
То отчего б ему возникнуть снова?
И как нам сделать различенье здесь
Меж ними всеми? Где на то основа?

Ты можешь возразить, что если мы
Не можем различить творца, и дело,
И действие, и наши их умы
Перемешали вместе [неумело] —

То и причина не несёт итог
В себе. Но то совсем не очевидно.
Лишь если б ты принять различье мог
Меж делом и творцом — то было б видно,

Что прав ты при наличии причин.
Но нет их всех: все три [безмерно] пусты.
И твой их отрицания почин
Лишь укрепил меня в моём искусстве:

Итак, прав я. И аргументы все,
Что приводил ты для своих суждений,
Меня же убедили в правоте
Себя, а не твоих на то сомнений.

Итак, я утверждаю всё же, что
Необоснован тезис о причине:
Она, мол, не содержит ничего,
Но производит следствия и ныне.

С другой же стороны, вот если б кто
Считал, что свой исход она содержит, —
Твой довод был бы против и него.
[И мы тебя в той мысли не поддержим].

Но я не говорю, причина, мол,
Содержит своё следствие в себе же.
Твой потому я довод и отмёл,
Как и всё то, что ты сказал мне прежде.

Необоснован тезис также твой
О том, что [двусоставна суть] истока:

Что он исход в себе содержит свой
И не содержит — но творит ко сроку.

Ведь что включёно и исключено —
То по природе разные деянья:
С другим не может вместе быть одно,
Как не бывать хожденью со стояньем,

Как не бывать сиянью с темнотой,
Страданью с удовольствием, а делу
Вязанья с распусканием — собой
Они несходны [в сути] до предела.

И потому тот повод, что исход
Одновременно их в себе содержит
И исключает, не произойдёт.
Мы изучили те вопросы прежде.

И потому происхожденью из
Причины, не имеющей последствий,
Не быть. [И хоть путь мысли наш волнист,
Ты должен видеть цепь несоответствий].

И если свой исход она несёт,
То всё равно не быть ему на свете.
[И доказать смогли мы наперёд,
Что тот же будет вариант и третий]:

Что нет происхожденья из причин,
Которые исход в себя включают
И не включают. Вывод тут один:
Все рассуждения наши полагают,

Что нет происхождения ничему.
И всё, что есть, — всё пусто [под луною].
Всё пустота, что есть, и посему
[Я здесь секрет особый не открою],

Что нет вещей, [идей их тоже нет].
Что есть и нет чего — всё в мире пусто.
Каков про самость будет наш ответ?
[Продолжим рассуждения искусство].

Глава 3. Условия

Условья для вещей установить
Не можем мы, поскольку нет в них следствий.
И в узком, и в широком смысле быть
Причиной и не содержать последствий —

То невозможно. Как же можем мы
Здесь утверждать, что следствие исходит
Из них? И что кувшины рождены
[Из глин, или их мастер производит]?

Кувшин как результат не в глине есть
И не в руках, что глину эту месят,
И если все причины перечесть —
Их сумма результат не перевесит.

Так можно ли сказать, что сей итог
Произошёл [конкретно] от причины?
— Что за условья выявить ты смог?
— Четыре типа; пятый быть отринут

Обязан. [Потому его отбрось].
Условье раз — причинное условье;
Условье два — последовательность;
Условье три, [отвергнув многословье],

Назвать я соответствием готов;
Четвёртое — условие подъёма.
[Вот ради этих четырёх шагов
И был наш путь настолько трудоёмок].

Итак, условья мы нашли с тобой:
Причины, соответствия, подъёма
И череды. [Теперь же наш настрой
Итоги подвести, что нам знакомо].

Причинное условие зовут
Причинным, раз оно всё производит:
И то, что уже сделано [вот тут],
Что будет, и что только происходит.

Условье череды назвали так,
Поскольку неизменно заставляет
Оно идти всему за шагом шаг
И выбора собой не оставляет.

Условьем соответствия назвал
Я то, что обеспечивает карму,
И без чего никто б собой не стал:
Без речи, тела и ума плацдарма.

Условье кульминации подъём
Всех остальных условий производит.
Мы основным за то его зовём
Для всех других: [оно их превосходит].

Четыре те условия дают
Нам знать, что следствий нет своих в причине.
Ведь если бы они уж были тут,
То даже без условий были б ныне.

В действительности нет их без причин,
Как нет в условьях, что мы доказали.
И вывод можно сделать лишь один:
Что есть и там, и там они едва ли —

Ведь наши рассужденья привели
К противоречью. Подведём итоги.
Последствий нет в условьях, справедлив
Тот вывод и для комбинаций многих

Условий. Как при этом можем мы
Здесь утверждать, что следствие исходно

Из них? Предположить тут мы должны,
Что не-условья будут в том пригодны.

Ведь если следствий нет в условьях их,
И всё ж из них они потом берутся,
То суть в существовании других
Причин, что не-условьями зовутся.

И если говорят, что следствий нет
В условьях, но они оттуда родом,
Должны мы на вопрос найти ответ,
[Который только что был нами подан]:

Что если производятся они
Из не-условий? Но на то мы скажем,
[Что как условья ты ни назови:
Хоть так, хоть так, — мы всё равно докажем],

Что нет в них следствий, потому и нет
Самих условий, что их производят.
Нет следствий — нет условий, — [вот ответ,
Который к нам логически приходит].

Поскольку все условия всегда
Первичны к своим следствиям всецело.
Наш вывод: о пустотности тогда
Мы снова можем речь продолжить смело.

И так как сотворённое пусто,
Пусто и нетворёное [без фальши].
Так может ли быть самость? Вот про то
Продолжим рассуждения мы дальше.

Глава 4. Признаки

Итак, все вещи пусты. Почему?
Ни те, ни те в природе не имеют
Тех признаков, которые всему
Придали б непустотности идею.

Так как их нет — то вещи все пусты.
Всё то, что есть, не признаком творится.
— О чём сейчас ведёшь сужденья ты?
— О том, на чём хочу остановиться

На этот раз: на признаках вещей.
Отмечен бык острейшими рогами,
На кончике хвоста имеет шлейф
Густых волос — и вот опознан нами

Как бык. Кувшин имеет свой объём,
Дно плоское и маленькое горло,
[Мы через это горло воду льём],
Оно кругло, края его обтёрты —

Всё вместе мы кувшином признаём.
Колёса, ось, оглобли — вот повозки
Часть признаков, по ним мы и поймём,
Что это [инструмент для перевозки].

Имеет человек глаза [и рот],
И голову, и тело, и суставы,
И позвоночник, и [упругий свод]
Стопы, и руки, [и покров кудрявый] —

Вот признаки его, по коим мы
Его определим как человека.
[Однако все они приобщены
К нему извне, подобно краске некой.

Поскольку и без них он был бы он].
Возникновенье, длительность, кончина —
Вот признаки, [которыми клеймён
И отличён в различных величинах

Предмет от всех, кто также сотворён].
— Так были ли когда-либо приметы
Сотворены [из небытья времён]?
Иль все характеристики предметов

Несотворёны? — Кто произведён,
Имеет три отличья от иного.
И не имеет признаков, коль он
Несотворён, — и не бывать другого.

[И если мы сейчас с тобой найдём,
Что некий акт имеет три приметы,
Творёным мы считать его начнём,
И нетворёным, если в нём их нету.

И если есть в возникновенье то,
Что счесть его творёным полагает,
То мы признаем признаком его,
Что сотворён. Иначе не бывает].

Возникновенье если творено,
Три признака оно тогда имеет:
Возникновенья, длительности до...
И разрушения, [что всем владеет].

И эти же три признака его
Должны иметь такой набор в себе же —
И так без края, до конца всего,
[Насколько б ни был этот край безбрежен].

Всё то же в полном праве мы сказать
Про длительность и про конец предметов

[И сущностей. Иными им не стать.
Иначе невозможно было б это].

Само возникновение должно
Три стадии иметь в своём развитье:
Возникновенье, продолженье до...
И окончанье — [полное сокрытье].

И если нет в нём признаков таких,
То как считать его же сотворённым?
И как считаться признаком других
Оно могло б вещей произведённых?

Посмотрим дальше: различаем мы
Возникновенье и иные фазы
Отсюда сделать вывод мы должны,
Что факт возникновения доказан.

Но что не сотворёно, то иметь
Тех фаз не может: воедино слиты
Они. Не можем мы их разглядеть —
То, значит, вещи не были [развиты]

И не возникли. То же доказать
Мы можем для конца и продолженья.
И потому обязаны сказать:
Все фазы пусты, [нет у нас сомненья].

И потому творёное — пусто.
И также пусто всё, что нетворёно,
Поскольку с тварным связано оно
Тем, что через него определёно.

Так пусто всё, что есть и чего нет,
А то, что нетворёно, [дважды пусто].
[Таков мой здесь логический ответ
На твой вопрос, мне заданный искусно].

— Ты говоришь, что каждый признак сам
В себе имеет признаков триады.
Тем самым как регресс указан нам
Тот путь, что рассужденьем этим задан.

Тогда возникновение не есть
То, что творёно. [Но, однако, можем,
Иной подход мы обозначить здесь
И наши рассуждения продолжить].

Что если есть первичное [звено:
То, из чего возникло всё в цепочке]?
Исток возникновения оно,
[Всё остальное — только оболочки].

Возникновенье происходит от
Первичного сего возникновенья.
Первичное же свой черёд ведёт
От факта своего же появленья,

[Поскольку суть его в том, что процесс
Оно само, а не исход процесса].
Явлений семь имеют место здесь:
1. Предмет, 2. Возникновение [эксцесса],

3. Его теченье и 4. Его конец,
5. Возникновение возникновенья,
6. Течение теченья, 7. Наконец,
Крушенье краха этого явленья.

Первичное явленье породить
Способно остальные шесть явлений
И кроме самого себя явить
Их всех. Притом процесс возникновенья

Рождает факт первичный из себя,
Создав его на свете появленье,

И череду всё ту же соблюдя,
[Вторичное] даёт произведенье.

Вот потому отсутствует прогресс,
Хотя всё друг из друга сотворёно.
[У нас в наличье — круговой процесс].
Всё то же может быть проговорёно

И для теченья, и затем — конца.
— [Давай дадим свой ход сомненьям этим.
Возьмём сейчас с тобой для образца
Возникновенье снова и отметим],

Что если появление его
Рождает факт первичного явленья,
То что же есть тогда оно само
И как идёт его возникновенье?

[Ведь если А собой рождает Ц,
То как из Ц потом мы А получим?
Ведь то, что получается в конце,
Есть следствие, а не причина. Лучше

Рассмотрим всё подробно по шагам].
Возникновенье появленья может
Создать собой первичное — [и нам
Сей факт для рассуждения поможет,

Поскольку из первичного теперь
Мы получить хотим возникновенье],
Но не получим: [как его ни мерь,
Оно не есть первичное явленье].

Поскольку было произведено
[И из себя итог не породило.
Так значит, не первичное оно,
И так его назвать напрасно было].

Оно не породило из себя
Возникновенья, как мы рассудили,
[Первичным называлось оно зря,
И все слова напрасны эти были].

А если всё ж первичное теперь
Рождает из себя возникновенье,
То как ему возможно, [ты проверь],
Не быть его причинной как явленьем?

[Ведь начинали мы как раз с того,
Что из него творение исходит,
Но после рассужденья моего
Мы видим, что того не происходит].

Не могут два высказыванья быть
Одновременно истинными оба:
Первичное способно породить
Процесс возникновенья особый —

А то при этом создаёт его.
Поскольку раз одно из них первично,
То всё и происходит из него,
И не бывать ему при том вторичным.

Ведь чтобы породить свой результат,
Оно должно уж быть произведёно,
Но если его нет, откуда взят
Сам результат [по логики закону]?

Не может быть и так, чтоб в тот же миг,
Когда один на свете возникает,
Другой одновременно с ним возник,
Собой при этом первого рождая.

Поскольку не рождённое пока
Ничто на свет собой не производит:

Его ведь нет. [И логика легка
Понять теперь, что так не происходит].

И раз возникновение ещё
На свет само всецело не явилось,
Первичному явленью запрещён
Рожденья акт: то не осуществилось.

Гипотеза не может верной быть
О том, что возникающее тут же
Свои приметы может породить.
В примере с светом это обнаружим.

Ведь светит он и освещает всё:
[Жилища, вещи], разные предметы,
И сам собою, вроде, освещён.
[Однако ложно утвержденье это].

Зовём мы освещеньем то, что тьму
Уничтожает, [не оставив следа].
Но светит как оно? [Вот и веду
О том я дальше не спеша беседу].

Нет тьмы у света — [нет её тогда,
Когда он светит, всё вокруг меняя].
Нет тьмы в пространстве — [даже и когда
Ничто его собой не озаряет].

Основа света не содержит тьмы.
[Тьма чужда свету, свет ей не присущий].
Так как же можем говорить здесь мы
О том, что свет, [извне себя берущий],

Тем освещает вещи и себя?
Ведь он не отнимает тьмы предметов
И, [правило всё то же соблюдя],
Не отнимает темноту у света.

Не освещает свет ничто вокруг:
Ни вещи, ни себя. И потому мы
Признать не можем световых заслуг
По освещенью, то пустые думы.

— Свет убивает при включенье тьму.
И потому тьмы нет ни в нём, ни в месте.
[Собой он губит тьму — и посему
За тьмы уничтожение ответствен].

— Как свет способен уничтожить тьму?
Он не соприкасается ведь с нею,
И при включенье не бывать ему
В контакте с тьмой. [И потому мудрее]

Нам рассуждать, что свет не губит тьму.
А если он изгнать её умел бы,
Не прикасаясь, — то дано ему
Ей нанести предельные ущербы:

Убить собой до полного конца.
Ведь если полагать, что свет умеет
Не приближаясь [до её лица],
Тьму сделать меньше, [глуше] и мертвее,

То он уже давно бы сделал так.
Однако зажигая лампу ночью,
Не видим мы, что полностью весь мрак
Она бы разнесла при этом в клочья.

И потому твой тезис, будто свет
Способен уничтожить тьмы наличье,
Необоснован. [Вот такой ответ
Мы предъявляем, рассудив логично].

Идём же дальше. Если сам себя
Свет освещает и ещё предметы,

То, всё собой без счёта погребя,
Закрыла бы и тьма подобно свету.

[Поскольку одинаковы они:
Подобье их — в их противоположье].
И оба по причине той могли
Объять себя и всё, что только можно.

[Но этого ведь нет]. И потому
Твоё предположение напрасно.
[Ни свет собой не побеждает тьму,
Ни тьма для света не таит опасность].

Здесь следует заметить: если [факт]
Возникновения не состоялся,
То породить себя сумеет как
Оно в дальнейшем? Если же случался,

То для чего ему рожденье вновь?
Зачем ему ещё раз повторяться?
[Своё вниманье здесь ты приготовь].
Как только собирается рождаться

Возникновенье, выглядит оно
Иль так, как если бы уже явилось,
Иль так, что появиться суждено,
Но до сих пор явленья не случилось.

И если выбирать нам вариант,
В котором появленье не случилось,
Но всё ж случится, [никакой талант]
Здесь не покажет, как бы это сбылось.

Поскольку не рождённое ещё
На свет не производит ни другого,
И ни себя. А если мы сочтём,
Что варианта нет у нас иного,

Как выбрать то, что [факт] явленья дан
Нам в совершённом виде и затем он
Явиться вновь на свет имеет план, —
Какая цель была б у той проблемы?

Рождённому себя не повторить,
А в сделанном уже нет сил для дела.
И потому возникновенью быть
Не суждено. Такие же пределы

Мы можем дать для признаков других:
Для длительности и для разрушенья.
Как не творят они себя самих,
Так и к предметам нет у них решенья.

И ты неправ, когда ты говоришь
Что все они — творения приметы.
Посредством них ничто не сотворишь:
Ни их самих, [ни факты], ни предметы.

И потому творёное пусто.
А раз пусто творёное — то пусто
И то, что было не сотворено.
Здесь про нирвану речь вести искусство

Мы можем, так как есть она сама
Крушенье сотворённого [в сознанье],
И потому нирваны суть пуста.
[Рассмотрим дальше эти основанья].

Ни порожденье, ни бытье, ни крах
Не могут быть приметами творенья.
Однако и без них ничто [в веках]
На свет своё не явит появленье.

То, чего нет, не признак ничему.
«Отсутствие же признаков» — тем боле.

Определить нирвану посему
Не можем мы как не-наличья долю.

Как мы найдём тот признак, по чему
Определить отсутствие мы сможем
Всех признаков? Ведь именно ему
Знак признака в том случае положен.

[И если мы предмет опознаём
По признакам, которых в нём же нету,
Как знаем мы, что речь идёт о нём —
Не о другом, что эти же приметы

В себе не держит?] Признаки собой
Определяют [качества] предметов.
И если нет их — то предмет такой
Не познаваем, [невозможно это].

Тут можно было бы сказать и что
Тот признак на особую одежду
Похож, где «поле признаков пусто»,
Где нет своих особенностей между

Одной одеждой и ещё такой.
[Одежде той названье — униформа].
Ход к этому [практический] простой,
[Но ложна здесь теории платформа.

Об этом говорили мы уже,
Что раз предмета два неразличимы,
Из них второй — бессмысленный сюжет:
Нет смысла быть ему производимым].

Всё различимо в признаках своих,
Аналогично длительность, и порча,
И появленье — вот приметы их.
[Рассмотрим и не-признаки здесь зорче.

Так, предположим, можно говорить],
Что не-возникновение, не-порча,
Не-длительность [имеют смысл] «не-быть».
[Но я бы был здесь более разборчив]

И этот факт нирваной не считал.
Так как условья для творенья пусты:
Возникновенье, длительность, финал
Всё пусто, — и творения искусство

По ним мы вовсе не определим, —
Как можно заявлять тогда, что можно
Несотворённое познать по ним?
[То утвержденье очевидно ложно].

Так по каким [конкретно] из примет,
Которыми владеют все предметы,
Уже произведённые на свет,
Узнаешь на вопросы ты ответы?

Как признаков отсутствие нам даст
Предполагать, что это тоже признак —
Не-сотворенья? [Мысли той балласт
Из нашего ума быть должен изгнан]:

Твой тезис, что одежда без примет
Есть образец «беспризначной» нирваны,
Необоснован. И опять ответ
На твой вопрос, о признаках заданный,

Всё тот же: сотворённое пусто,
И также пусто то, что нетворёно,
Пуста и самость. Вывод здесь простой,
Что пусто всё, что нами рассмотрёно.

Глава 5. Характеризуемое и нехарактеризуемое

И вновь: все вещи пусты. Отчего?
Характеристик для вещей нет вовсе —
Как в случае присутствия того,
Что признак есть, так и в ином вопросе.

Что признак характеризует в них?
[Что исполняет функцию оценки?]
Ведь если признак есть в вещах самих,
Зачем бы им ещё иметь оттенки

Характеристик признаков своих?
Возникла б в этом случае проблема:
Два разных типа качеств было б в них —
Что есть, и те, что [мы привносим в схему

Конкретно с целью] вещи описать.
Поэтому что функция такая
Присутствует, не [можем мы сказать].
Когда же ситуация другая,

Когда нет вовсе признаков вещей,
Тем более [сказать мы то не можем].
Что ж может не иметь таких ролей
И, несмотря на то, играть их всё же?

Имеет слон два бивня, хобот, хвост
С метёлкой на конце, тарелки-уши,
Большие ноги, голову и рост,
Большой живот [и складчатую тушу] —

По ним слона мы и опознаём.
Без них слона слоном бы мы не звали.

Про лошадь речь же мы тогда ведём,
Когда торчком мы уши увидали,

Копыт две пары и метёлкой хвост.
Без признаков таких кто был бы это?
Итак, ответ один на тот вопрос:
Нет характеризации предметов

Как функции. И быть не может — есть
При том ли признаки у них иль нет их.
И кроме этих вариантов здесь
Не может появиться ещё третий.

Так как, [увы], нет функции того,
Что вещь характеризовать могло бы,
То характеризуемым ничто
Не может быть. Так как назвать им чтобы

Хоть что-то мы могли, оно должно
Ряд признаков иметь — характеристик.
Но нет их. [Нами то уяснено,
И потому мы путь должны расчистить

Для пониманья]: признаки пусты,
Пуста без них и признаков основа.
Все вещи пусты. Кроме пустоты
Нет ничего. Мы доказали снова:

Нет сущностей, и антиподов их —
Не-сущностей поэтому не может
Быть тоже. [Содержание любых
Вещей по той причине невозможно].

И сущность, и не-сущность — всё пусто.
И всё, что сотворёно, так же пусто.
И про иное мы узнали, что
Всё только пусто. [Наших дум искусство

Нас привело к тому же, что всегда:
Что кроме пустоты ничто не суще],
И самость — это тоже пустота.
[А полнота лишь пустоте присуща].

Глава 6. Тождество и различие

Опять: все вещи пусты, [повторим],
Поскольку признак не одно и то же,
С тем, характеризуется что им, —
Но и ему не противоположен.

И так как не различны [сути их],
Но и не одинаковы при этом,
Как можем мы установить для них
Существованья верные приметы?

Неотличимы признаки всегда
От характеризуемого ими,
Но и не идентичны никогда
Ему они [и могут быть любыми].

Не установим тождество мы их,
Не установим также и различья,
И о вещах не сможем никаких
Сказать того, что есть они в наличье.

Поэтому всё пусто, [как всегда]:
И признаки, и то, чему присущи
Те признаки, — всё только пустота,
Как пусто всё, что в этом мире суще.

— Однако признак виден нам всегда,
Как и предмет его образованья.
Так почему установить тогда
Мы всё ж не можем их существованье?

Ты говоришь, что признак и предмет,
Им характеризуемый, не разны,
Но и не одинаковы. [Запрет
На их сравненье ты создал напрасно]:

Ведь можешь ты сказать о них и то,
Что часть из них бесспорно идентична,
Другая ж не имеет ничего
С ней общего и потому отлична.

Сказать ты можешь также обо всём,
Что роль оно двоякую играет:
Что характеризуемое в нём,
То и как признак тоже выступает.

К примеру, «быть сознательным» — вот есть
Сознанья признак: без сознанья акта
Сознательным мы не могли бы счесть
[Такой объект]. А для признанья факта

Чувствительности нужен признак чувств —
Акт ощущенья, без него нет чувства.
[И не содержит никаких безумств
Простых суждений логики искусство]:

Сей признак идентичен здесь тому,
Что характеризует он собою.
[Но это не единственно, к чему
Мы обратим свой взор сейчас с тобою].

Ведь Будда говорит, что перестать
Желать что-либо есть нирваны признак.
Асравы суть — желанья сотворять;
А анасравы — в том, чтоб прекратить их.

Тот, верой кто ведом, имеет три
Особых метки. То желанье истин,
Желанье быть с хорошими людьми,
Желанье благоденствий без корысти.

В тех признаках есть кармы тела суть:
Они себя как внешнее являют.

Для веры же иной начертан путь —
Путь внутренний, что разум представляет.

Здесь признаки и то, чему они
Принадлежат, уже не идентичны.
[И третий вариант тут осветим
В сужденьях наших]: признаки частично

Быть могут тем, чему принадлежат.
Пути примета — верное воззренье,
Оно же и сам Путь. [И результат
Такой же будет при другом сравненье].

Возникновенье, длительность и крах
Суть признаки предметов сотворённых.
[Но ведь предмет, что держим мы в руках,
Лишь через них для жизни воплощённый].

Так что частично могут совпадать
И признаки предметов и предметы.
[В их парных отношениях опять
Трёх вариантов видим мы приметы].

Так признак может полностью совпасть
С тем, что собою характеризует,
Иль совпаденья может быть лишь часть,
Иль совпадать не будет подчистую.

И этим опровергнуть можем мы
Твой тезис, что поскольку рознь и родство
Не будут нами определены,
Не будет определено и сходство

У признаков и у того, чему
Они присущи в [сущности] предметов.
[Твой тезис — ложный тезис посему,
И доказать здесь удалось мне это].

— Не обоснован тезис твой о том,
Что признак может совпадать с основой.
[Сознание мы признаком зовём
Сознательного только лишь условно].

То, что способны мы определить
Чрез признаков посредство, — их основа;
Роль признака — лишь инструментом быть
Её познанья. [Эта мысль не нова],

Что вещь себя не может опознать:
Себя коснуться палец не способен,
И глаз себя не может увидать.
И потому основе не подобен

Ни единичный признак, [ни набор
Из признаков её]. Не обоснован
Твой тезис. [Дать смогли ему отпор
Мы здесь, и нами был он забракован].

Посмотрим дальше. Если признак есть
То самое, что и его основа,
Как будем мы различья делать здесь?
[Границу установим где мы снова]?

Ведь если признак и основа суть
Одно и то же, следствие с причиной
Не можем мы по смыслу разминуть —
[Они в одну сливаются картину].

Причина — это признак, а исход
Из признака есть следствие его же:
Что характеризует признак тот,
То есть последствие. Они не схожи.

И оба не являются одним.
Поэтому назвать их тем же самым

Неправильно. Мы их не породним.
И тезис твой признаем ложным прямо.

Ты говоришь: нирваны признак дан
Нам как конец желаний [однозначно],
Но не желанье. [Посуди же сам:
Пример твой совершенно неудачный].

Когда само желанье назовём
Мы признаком нирваны, наше дело —
Сказать, что мы отличья признаём
Промеж характеристикой и телом.

А если мы решили полагать
Тем признаком отсутствие желанья,
Тогда мы их не сможем различать,
[И вывод твой — пустое восклицанье].

Ты говоришь, что верующий сам
В себе имеет трижды веры признак.
[Но я тебе такой вопрос задам]:
Без признаков он был бы к ней причислен?

[В действительности] верующий есть
Сам признаки: он признакам тождествен.
Когда их нет — то нет и веры здесь,
А с верой результат другой естествен:

«Он сам есть вера». Более того,
Не можем различить мы признак с тем, что
Он характеризует — для сего
Должны б мы были обрести надежду

На бесконечный признаков регресс,
На то, что признак сам имеет признак,
А тот ещё, ещё... Но сей процесс
Недопустимым нами будет признан.

— Как освещает свет себя и всё,
Что было им задето и согрето,
Так к признаков мы свойствам отнесём
Способность к описанию предметов.

— Пример со светом, что как будто мог
Всё осветить, включая и себя же,
Был опровергнут ранее. [Итог
Тех рассуждений мы найти обяжем

Тебя], чтоб не противоречил ты
Своим сужденьям, приведённым раньше.
Ты говорил, что признаков черты
Различны с вещью, — рассуждая дальше,

Ты говоришь теперь, что признак мог
Характеризовать ещё предметы.
Твой переход в суждениях не строг,
Не обоснован. [Мы не примем это].

Ты говоришь ещё, что признак — часть
Того, к чему относится всецело.
И здесь опять не удалось попасть
Тебе в свою мишень, поскольку дело

Всё в том, что опровергли мы уже
И тождество, и всякие различья.
[И в этом диалога вираже
Пора признать уже категорично]:

Не может идентичным признак быть,
Тому, что означает он собою.
И разницу меж ними подтвердить
Нам невозможно. Потому одною

Лишь мыслью можем подвести итог.
Всё пусто в мире: признаки, предметы,
И всё, о чём ещё сказать я смог.
[На том закончим размышлять об этом].

Глава 7. Бытие или небытие

Опять: все вещи пусты. Отчего?
Небытие и бытие не могут
Ни вместе, ни отдельно [от всего]
Существовать хотя бы и немного.

Не может бытие с небытиём
Явиться [нам], не может без него же.
А если оно было бы при нём,
То было бы всегда лишь им. [Изложим

Подробней эту мысль]: они всегда
Друг [против] друга противоположны.
[И если бытие есть, то тогда
Небытия наличье невозможно].

Одно не может вместе их включить.
Есть жизнь — нет смерти, верно и обратно:
Нет смерти — значит, [длится] время жить,
Мы это обсуждали многократно.

Сказать ты можешь: нет ошибки в том,
Что бытие без небытья возможно.
Но эту мысль [мы ложной назовём],
Поскольку в самом деле она ложна.

Как может бытие без небытья
Существовать? Мы помним, что являют
Семь факторов немедленно себя,
Как только что-то в мире возникает.

Нам Абхидхарма говорит о том,
Что бытие с непостоянством вместе
Являются на свет. [Так назовём]
Непостоянства признак, он известен:

Тот признак — разрушение всего,
И потому оно так и зовётся.
И бытие не может без него
Существовать: [им на двоих даётся

Тот признак]. И когда б оно могло
На свет явиться вместе с антиподом,
То им всегда и было бы оно.
[Но у него не та совсем природа]:

Ведь если бытие есть небытье,
Тогда откуда длительность явится?
Она ведёт [константы] в забытье —
[Непостоянство же осуществится].

Однако знаем: длительности есть,
[И потому, быть может, небытийно
То бытие]? Противоречье здесь
Мы видим. [Рассуждая не стихийно,

Пришли мы здесь к тому, что] переход
Как длительность — для бытия условье.
А для того — непостоянства ход
В наличии быть должен. [В послесловье

Я новый жду теперь ещё вопрос].
— Непостоянство бытию присуще,
Но спит. [И только если есть запрос,
Оно свою на свет являет сущность].

Оно приходит в действие тогда,
Когда бытье [готово] к разрушенью.
Возникновенье, длительность всегда,
Как и распад, ждут своего свершенья.

К возникновенью если есть акцент,
То бытие немедля возникает,

Для длительности после есть момент,
А следом разрушенье наступает.

Распад есть перехода мастерство
К возникновенью, и затем [к движенью]
Как длительности; после — торжество
Финала [как конца преображенья].

Непостоянство властвует во всём
И делает возможным все явленья,
Которых мы четыре признаём.
[Они-то и приводят к разрушенью].

Поэтому, хотя в предметах есть
Непостоянство, мы назвать не можем
Его небытием. [Так как же здесь
Мы диалог о бытии продолжим]?

— Ты говоришь: непостоянство есть
Уничтоженья признак, и причина
Его есть в бытии. [Однако взвесь,
Откуда происходит та кончина].

Ты говоришь, что бытие с своим
Уничтоженьем происходит снова
И, разрушаясь постоянно им,
Мол, из него же черпает основу.

Однако [сильно противоречив],
Абсурден даже, тезис о возможном
В один момент существованье их.
[И тезис этот однозначно ложный].

Ты говоришь: непостоянства ход,
Который отмечается в предметах,
Оттуда же рождение берёт,
Где длительность. [И ты уверен в этом].

Однако разрушенью не бывать
В то время, когда нечто ещё длится.
И длительности нам не увидать,
Коль что-то к разрушению стремится,

Поскольку их антагоничен ход:
Есть длительность — распада нет. Напротив,
Когда распад в предмете уж идёт,
Вы длительностью то не назовёте.

И потому ошибся снова ты:
Непостоянство вещи не первично.
[Лишь четырёх примет есть в ней черты,
Но не его. Иное не логично.

Возникновенье, длительность, распад
И разрушенье — вот её приметы.
Но и они в той вещи не царят,
Мы говорили ранее об этом].

Пусть, предположим, порождён предмет
С непостоянством. Есть ли в нём примета
Распада? [И на это мой ответ:
Без оснований допущенье это].

Непостоянство — признак, что есть крах
Того, что есть, [а значит, больше нету
Того, что есть]. Но не найти в вещах
Едва-едва рождённых признак этот.

Когда же вещь живёт, то снова нет
Тех признаков, что возвестят кончину.
Мы не находим в вещи их примет.
Так как же нам судить об их причинах?

Где нам непостоянство отыскать?
Возможно, мы в сознанье обнаружим

Его следы? Сознательным чтоб стать
[И знать составы четырёх жемчужин],

Необходимо «пребывать в уме»:
Бытийствовать в сознательности надо.
[А без того возможно лишь во тьме
Наощупь продвигаться средь загадок].

Всем нам дана способность ощущать —
И ей благодаря мы ощущаем.
Без этой же способности признать
Должны мы, что чутьём не обладаем.

Возникновенье — признак бытия;
А невозникновение — не признак.
У дления примета есть своя —
То продолжительность. Не может признан,

Однако, быть за признак антипод:
Непродолжительность бытья приметой
Никто из нас уже не назовёт.
[Продолжим дальше разговор об этом].

Распада признак в измененье есть,
А неизменность — не [сигнал] распада.
За признак смерти крах должны мы счесть,
В отсутствии же краха он не задан.

Любое разрушенье признак есть
Непостоянства, а без разрушенья
Непостоянства не найдём мы здесь.
[И если в этом есть ещё сомненья],

Непостоянство снова мы возьмём.
Быть может, оно всё же разрушает
Природу бытия, поскольку в нём
Содержится и на него влияет?

Не сразу, не в средине бытия,
А ближе к окончанью, к завершенью.
[Вполне возможна эта мысль моя
О том, что] они вместе от творенья

И вместе производятся на свет.
[Непостоянство ждёт всего лишь мига,
Чтоб проявиться. В этой мысли нет
Противоречия. Но вся интрига

В том, что] непостоянства признак есть
Там только, где к концу приходит что-то,
А значит, невозможно будет счесть,
[Что были им заполнены пустоты],

И что оно имелось в бытии,
Чтоб позже провести его крушенье.
Итак, [о том теперь слова мои],
Что невозможно их разъединенье,

Как и единство. Есть лишь пустота.
Небытие в итоге пусто тоже.
Все вещи сотворённые тогда
Мы также быть пустотными положим.

Что не творёно, то всегда пусто,
И так как пусто всё, что мы считали,
То пусто и живое вещество.
[А мы продолжим рассужденья дале].

Глава 8. Природа (Самосущее)

Опять: все вещи пусты. Отчего?
Поскольку нет у них своей природы.
Читаем: изменения всего
Возможны только через переходы,

А значит, нет вещей, [расклад простой].
Всё — пустота. Ведь если бы имели
Они внутри себя порядок свой,
То изменений не было б на деле.

Однако видим перемены в них.
Поэтому природа не присуща
Вещам. [И в проявлениях своих
Они свою нам не являют сущность].

Ведь если бы иметь они могли
В себе самих [предданную] природу,
То к ней бы их условья не вели,
[И не влияли бы на их породу].

Коль что-то производится на свет,
Оно — творенье, значит, сотворёно.
Природа же не создана, в ней нет
Того, что быть могло произведёно.

Природа вне причин [и следствий их],
Поэтому [всецело] всё пустотно.
— Коль вещи пусты, не найдётся в них
Ни краха, ни рождения [ни йоты].

А значит, истин нет страданья в них,
Как нет и истин появленья тоже
Страданий тех. И истин остальных:
Страданий прекращенья — быть не может.

Раз так, не может быть тогда пути,
Ведущего к скончанию страданья.
Все вещи пусты, нам в них не найти
Следа жемчужин четырёх мерцанья.

А если благородных истин нет,
То нет и четырёх плодов шрамана.
А значит, нет и святости. [Их след
Не будет нами даже упомянут].

Отсутствует и принцип мировой
Порядка — [не найти его в предметах].
Однако ложен тезис таковой,
И верным быть никак не может это.

А значит, вещи всё же не пусты.
— Есть истины различные на свете:
Условные — [те истины просты]
Предельная — [тут сложность мы отметим].

Предельную достичь мы можем лишь
С опорой на условные вначале:
Без них её [вовек] не разглядишь,
[Не зря её предельной мы назвали].

Без знанья относительности той
Нирваны не достигнуть и в пределе.
А кто не знает истин ни одной,
Тот не познает интерес на деле —

Ни свой, и ни других, и никакой.
А если кто-то истиной владеет
Из двух вышеуказанных любой,
Тот сможет отыскать другую с нею.

Но если ты предельной назовёшь
Ту истину, которая условна,

Себя ты тем на гибель обречёшь,
[Поскольку лишь предельная основна].

Причинности доктрина, что дана
Нам буддами, зовётся максимальной
Из истин — и всецело лишена
Она хоть капли полноты реальной.

Причинность самосущности неймёт,
Она пуста, [как пусты все предметы],
Но раз условье вещь не создаёт,
Должна быть в ней самой природа эта.

Не может в пяти скандхах быть примет
Возникновенья, как и разрушенья.
И если в скандхах их на деле нет,
То нет непостоянства проявленья.

А если нет непостоянства в них,
То нет великой истины страданья,
А значит, истин нет и остальных:
Возникновенья боли, исчезанья.

Они не могут быть в таких вещах,
Природа чья их сразу не содержит,
Ведь при любых для вещи временах
Себя природа неизменной держит.

И нет пути, [который бы привёл]
К возможности отсутствия страданий.
А значит, четырёх жемчужин в нём
Мы не найдём на этом основанье.

И если четырёх жемчужин нет,
То четырёх мы истин не имеем.
Не знаем мы страдания [секрет]
И методом отмены не владеем

Страданий тех. Не знаем мы пути,
Что к устраненью горести приводит.
По этому пути нам не идти.
Никто плодов шраманы не находит.

И цели нет, и Сангха лишь мираж.
Причинности нет истин, нет и Дхармы.
И Будда — иллюзорный персонаж.
Нет трёх сокровищ, [поглощённых кармой].

А значит, отрицаем принцип тот,
Который мироздания основа.
Но это всё — абсурдный поворот,
И потому все вещи пусты снова.

А если есть природа у вещей,
Не может быть ни появленья вещи,
Ни разрушенья, ни плохого в ней,
Ни дара, что нам был бы в ней обещан.

И если наказанья нет за то,
Что мы дурным и мерзостным считаем,
И нет вознагражденья за добро,
Которое по праву ожидаем,

То мир не может быть ничем иным,
Как просто сценой, [где мы беззаботны].
Поэтому признаем основным
Мы утвержденье: вещи все пустотны.

И если говорится, что предмет
Не самосущ, а создан иносущим,
Тот истинным не может быть сюжет,
[Лишь только ложь ему тогда присуща].

Поскольку если он и иносущ,
То как обрёл он бытие иного?

Без самосущести он не живущ,
Благодаря же ей в нём есть основа.

Всё иносущее суть то, в чём суть
Как иносущесть явлена на свете:
Оно иного самосущий путь.
[И если так, то снова мы отметим]:

Раз самосущести не может быть
Дано определения на деле,
То иносущее определить
Тогда б тем более мы не сумели.

И как не может вещь существовать
Без самосущего иль без иного,
То однозначно мы должны признать,
Что бытие не очевидно снова.

А с ним и небытье определить
Мы также затруднимся — и не станем.
И выводом должны мы заключить
Сужденья наши тем же, что и ране:

Все вещи сотворённые пусты,
Несотворённые предметы тоже,
Весь мир есть воплощенье пустоты
И самость. [С этим дальше и продолжим].

Глава 9. Причина и следствие

Опять, все вещи пусты. Почему?
Поскольку не берут нигде начала.
Написано: последствий ничему
Мы не найдём, хоть сколько б ни встречали

Условий тех последствий. Оттого
Не может быть причинности в итоге.
Как следствие найдём мы для того,
[Что повстречалось нам уже в дороге]?

Ведь следствию нимало не бывать
Внутри любых условий: порознь, вместе
Мы взять бы их могли, — не может стать
Последствием причина. [И известен

Сей довод ещё с прошлых нам бесед].
И без причин последствие, однако,
Не происходит ниоткуда, нет.
[Путь рассуждений будет одинаков]:

Ведь если бы последствие могло
Иметь свою причину от иного,
То не производилось бы оно
Причинными условьями сызнова,

И их бы комбинации тогда
Своих причинных функций не имели.
В условиях не видим мы следа
Для их последствий. [Потому разделим

С условьями последствие мы здесь].
И раз его нет в них, и нет ещё где,
[То нам необходимо предпочесть
Тот вывод, что один лишь будет лёгок]:

Всё пусто. Пусто следствие причин.
Всё, что сотворено, то пусто, [скажем],
И что несотворёно, то один
Имеет признак: пустоту себя же.

Раз вещь произведённая пуста.
И пусто также всё, что не творенье,
То самость — это тоже пустота.
[А мы уходим дальше в размышленье].

Глава 10. Творец

И снова: вещи пусты. Почему?
Поскольку невозможно для предмета
Собой быть сотворенным самому,
Другим, никем иль совместить всё это.

Как сказано: не может быть того,
Чтобы страданье самосотворилось,
Не может быть причины у него,
И без причины тоже не явилось

Оно б на свет. Страданью потому
Быть невозможно. Невозможно также
Ему произведённым самому
Собой же [оказаться хоть однажды],

Ты спросишь, почему? Всё оттого,
Что если создаёт оно себя же,
Субстанцию свою из ничего
Ему творить придётся. [Тут мы скажем],

Что вещь не может из себя — себя
Творить. Себя сознанью не придётся
Осознавать, и палец, шевеля
Самим собой, к себе не прикоснётся.

И значит, ни о чём нельзя сказать,
Что создаёт оно само себя же.
И что иным творится, полагать
[Ни на мгновенье] мы не можем даже.

— Условья суть иное. Создают
Они страданья. Это-то и значит
«Быть созданным иным». Как можно тут
Об этом говорить совсем иначе?

— Когда назвать условия иным
И полагать, что ими создаётся
Страданье, [рассуждением простым
Такой нам вывод сделать удаётся]:

Страданье из условий состоит —
А значит, их субстанцией имеет,
Но если так, [то противостоит
Их суть названью], ведь оно не смеет

Иным считаться. Мы не назовём
Иным кувшину глиняному — глину,
Иным к браслету злато не сочтём.
И то же рассужденье применимо

К страданью и условиям. Они
К страданию не могут быть иными,
Поскольку из себя произвели
Его. [Покончим рассужденья с ними].

Не могут самосущего иметь
Условья также: их не существует
Самих в себе. Нельзя изречь, [заметь],
Поэтому [интенцию такую],

Что происходит следствие из них.
Гласит Трактат [без лишних многословий]:
Последствия условий хоть каких
Не существуют, если нет условий.

Страданью не дано произойти
Ни из себя, ни из чего иного,
И ни одновременно изойти
Из этих двух причин. [Мы видим снова],

Что эти два условия влекут
Иллюзии двойного сотворенья:

Себя самих страданья создают
И из чужого следуют веленья.

Поэтому никак не допустить,
Что существуют разные причины.
И без причин страданию не быть,
Поскольку время станет уязвимо.

В писании написано про то,
Как тиртхья голый Будду вопрошает:
«Страдание собою создано?» —
Хранит молчанье тот, не отвечает.

«Почтенный!» — продолжает вопрошать
[Нагой философ], — «Может быть, иное
Могло тогда его причиной стать?» —
И снова лишь молчанье гробовое.

«Почтенный!» — [снова молвит сей мудрец], —
«Быть может, оно создано двояко:
«Собою и иным? [Дай, наконец,
Ответ на то мне без утайки всякой»]. —

И вновь молчок. [Чтоб истину добыть
Вопрос четвёртый тиртхья произносит]:
«Так может, нет причин ему, чтоб быть?» —
И снова [ветер] тишину [приносит].

Итак, поскольку Будда промолчал
Четыре раза и не дал ответа,
Выходит, как пустотность означал
Своим мышленьем он страданье это.

— Но может быть, учение его
Не в том, что пусто из себя страданье?
И так учил он просто для того,
Чтоб совершить спасения деянье?

— Пусть тиртхьи, [ошибаясь], говорят,
Что человек — причина всех страданий,
И самость тем [почти боготворят]:
Незамутнёна самость, нет желаний,

Забот, страданий, [как и счастья], здесь,
Добро и зло имеют в ней причину,
Кто понимает это — тот и есть
Познанья самость, и её личину

Использует, чтоб сам творить добро,
И зло, [и боль], и создавать страданье,
И счастье в разных формах, — [как старо
Об этой власти вечное мечтанье...].

Воззренья их [не помогают им],
И потому до Будды их дорога:
«Страданье создано собой самим?» —
Но Будда всё молчит [и смотрит строго].

Не самостью страданье рождено.
Ведь если самость есть его причина,
То ей благодаря жило б оно,
Но самость та была бы [как резина] —

Непостоянна. Если вещи суть
Причинны и из этого исходят,
Они непостоянны. [Этот путь,
Мы доказали, свойствен их природе].

Последствия добра и зла тогда
По сей причине просто б исчезали.
И с брахманских деяний никогда
Мы воздаянья бы не получали.

Не быть освобожденью посему,
Поскольку раз страданье самосуще,

Без самости немыслимо ему
Существовать — но кто тогда отпущен

Окажется из-под страданий тех?
И если и без самости страданье
Образоваться может без помех —
Не быть освобождению деянья.

На деле же освобожденье есть.
[Мы доказали длинной чередою
Из слов, и фраз, и рассуждений здесь]:
Страдание не создано собою.

Страдание не создано иным.
Как может породить другая самость
Его и передать затем другим,
[Чтобы вся суть его им доставалась]?

Положим, оно создано иным,
Что означает «создано Ишварой».
Вопрос об этом Будде зададим,
Хоть неортодоксальный он [и старый].

Но Будда не ответит на него,
[Что означает, что вопрос бессмыслен].
Бог не создал страданье для всего,
[Не следует касаться ложных истин].

Страданье Богу противолежит,
Оно ему инако по природе.
В рождённом от коровы надлежит
Искать лишь то, что есть в коровьем плоде.

Ведь если твари им сотворены,
Они ему должны быть и подобны,
Так как отцу тождественны сыны.
К тому же Богу вовсе не угодно

Давать страданье собственным сынам,
Которых он же произвёл для жизни.
Поэтому [усвоить нужно нам]:
В творении страданья нету истин.

— Однако Богом всё сотворено,
И счастье, как страданье, Богом дано,
Но скрыто от сознания оно,
[Страданьем затуманена нирвана].

— Но если всё живое [на земле] —
Созданья Бога, [то зачем ему же
От них скрывать что-либо, как во зле?
Зачем ему лукавство это нужно]?

Не должен он страдания давать,
Не должен сокрывать страданья счастьем.
[Нет смысла нас возможности лишать
Всё испытать, как есть и в одночасье].

И те, кто поклоняется ему,
Уж тем должны испытывать блаженство.
В действительности видно по всему:
[Нет в этом мире всё же совершенства].

Ведомые не Богом, но людьми,
Испытывают люди боль и счастье,
И получают по делам они,
И Бог не принимает в том участья.

Бог самосущ, а значит, нет нужды
Ни в чём у Бога. Если б он нуждался,
Его бы Богом не назвали мы.
Зачем же он твореньем [развлекался],

Как маленький ребёнок, сотворив
Себе игрушки из существ живущих?

И как он сам вдруг оказался жив?
Кем сотворён [владыка] всемогущий?

Создать себя не в силах даже Бог:
Ничто не может самосотворяться.
А если б кто создать его и смог,
Не мог бы самосущим он считаться.

И если бы творец и, правда, был
Бог всемогущий, то для сотворенья
Препятствий никаких он не чинил:
Всё сотворилось бы в одно мгновенье.

Писание, однако, говорит:
Бог захотел создать живущих многих —
И вот аскезы разные творит —
И вот создал теперь [членистоногих].

И снова практикуется в делах —
И вот создал летающих [пернатых].
И снова в аскетических трудах —
И сотворил людей и дэвов [всяких].

И если в результате тех трудов
[Процесс творенья вышел вместо акта]:
Сперва ползущих видим мы [сынов],
Затем — летучих, а затем [внезапно] —

Людей и дэвов, — мы должны признать,
Что не от Бога было их творенье,
И карма — их отец, [она же мать] —
Причинное их было появленье.

И если Бог — творец всех тварей, — где
Он сотворил их? Было ль это место
Сотворено [по божеской нужде]
Иль кем иным? [Нам это неизвестно].

Быть может, место сам он сотворил,
Быть может, оно создано другими,
А он всего лишь очевидцем был —
Но где он был, пока они творили?

Так рассуждая, в бесконечность мы
Уйдём от изначальных положений:
Два Бога, два творения... [Должны
Признать мы ложность этих рассуждений].

Не Бог создал то, что открыто нам.
Зачем ему аскеза, путь терзаний,
Как будто просит он кого-то сам
Об исполнении своих желаний?

Ведь если он нуждается в других —
Просить о благосклонности творенья
И жизнь свою аскезе посвятить,
То он не самосущее явленье.

И если изначально сотворил
Он вещи, то они должны остаться
Такими же, как он им быть решил,
И не должны они потом меняться.

Кто лошадью был создан Богом, тот
Так лошадью и станется навеки,
А человек обязан, в свой черёд,
Остаться неизменно человеком.

Однако измененью подлежит
Всё в этом мире, карма всем владеет,
Поэтому признать нам надлежит:
Не Бог создал всё то, что суть имеет.

Ведь если Бог — создатель бытия,
То в мире не должно быть прегрешенья,

И потому расценивать нельзя
Как святость никакого проявленья:

Все проявленья и добра, и зла,
И красоты с уродством — божьи дети.
Однако есть греховные дела,
И есть дела святые [в этом свете].

Не Бог создал [такой круговорот],
Ведь если б он создал его, [наверно],
Его любил бы каждый, [наперёд],
Как любят сыновья отца безмерно,

И уважал бы и ценил, любя,
Но мы должны признать, что так не будет:
Есть те, кто гонит бога от себя
И ненавидит — ну а есть, кто любит.

Всё это также Бог не создавал.
Ведь если б мира он создал картину,
То человеку или счастье дал,
Или несчастье — но не половину.

И потому должны признать мы то,
Что Бог — [вне рамок нормы и морали]:
Он вне любви, вне ненависти — но
Быть самосущим может он едва ли.

Мир, очевидно, он не создавал.
Поскольку если б он создал всё это,
Никто бы сам создателем не стал,
Но сами существа творят предметы

Своим уменьем. Бог не сотворил
Добра и зла, они б иначе были
Вне человека, но они внутри —
Себя они страданьем проявили

И счастьем. Если Богом рождены
Они, то принцип мира был нарушен:
И практики аскезы не нужны,
И брахмана не стал бы подвиг нужен.

Но это всё не так, и потому
Мы признаём, что Богом мир не создан.
Согласно [назначенью] своему
Творец велик [поболее, чем звёзды],

В сравненье с существами [под Луной],
И все, кто практикует карму счастья,
Обязаны бы по причине той
Великими являться ежечасно.

Однако величается лишь Бог.
И всё же если б был он самосущим,
То быть великим каждый тоже мог,
Любой — из всех им созданных живущих.

Но это всё не так. Признать должны
Мы вновь, что вещи созданы не Богом.
Да и никем другим не рождены.
Иначе бесконечная дорога

Нас уведёт в не-истину опять.
Поэтому [служа природе истин],
Ты снова должен полностью признать:
[Из сказанного вывод лишь единствен]:

Различные причины создают
Весь мир вещей, [что нами осязаем],
А Бога нет. Не он создатель тут
Всего, что есть [и что ещё не знаем].

Однажды еретик задал вопрос,
Является ль страдание инаким —

Но Будда ничего не произнёс:
[Нет смысла отвечать тут тиртхьям всяким].

Не может полагаться верным то,
Что нечто две причины производят —
Сужденье то иллюзиям равно,
[К иллюзиям оно же и приводит].

[Тот снова вопрошал]: причины, мол,
В переплетеньях порождают вещи,
[Из них весь мир-то и произошёл], —
Но и на то ответ не был обещан.

— Вот потому писанье говорит,
Что ложны все причинные условья,
Но полагать пустотным не велит
Само страданье — [это пустословье].

— Страданье происходит оттого,
Что все четыре повода явились,
[Их сочетанье породило зло,
И в нём они совместно отразились].

Их отрицать тождественно словам,
Что, мол, страданье пусто. Почему же?
Да потому, что кто причинен сам —
Природой самосутью не нагружен.

А всё, в чём самосути нет, — пусто.
Страданье пусто, пусты все предметы,
И существа, [и Бога естество,
И всё, о чём мы говорили где-то].

Глава 11. Три времени

Опять: все вещи пусты. Почему?
Поскольку для причины нет причины
До следствия — предшествовать ему,
Иль отставать, иль [путая личины],

Во времени его сопровождать.
Событий нет ни «раньше», ни «позднее»,
И ни «одновременно». Ожидать
Не стоит, будто истинна идея,

Что из причин последствия идут.
Ведь если существует лишь причина
[В момент какой-то времени, вот тут,
События в нём нет и половины]:

Нет следствия, и неоткуда взять
Его потом. Где были бы истоки,
Чтоб следствию себя на свет являть?
[Откуда бы его взялись его потоки]?

А если существует тут исход,
То нет причины возникать причине:
Зачем потом она произойдёт,
Коль есть её последствия и ныне?

А если оба есть вот тут, сейчас:
И следствие, и следствия причина —
[Как можем полагать мы в этот раз],
Что истинна причинная доктрина?

Представь рога коровы: ни один
Из них не будет следствием другого.
Они одновременны, [двуедин
Их принцип появленья] — нет такого,

Чтобы один последствием из них
Являлся, а другой — его причиной.
Поэтому три сцепки временных
[Меж фактами, увы], недостижимы.

— Твоё опровержение причин
Не может установлено быть также
В пределах временных трёх величин.
Идёт опровержение однажды

Пусть впереди того, что отрицать
Оно потом намерено собою —
[Обязаны при этом мы признать]:
Опровергаемое никакое

Существовать не может потому.
Не суждено в таких условьях также
Опроверженье свергнуть никому.
[И далее другую мысль покажем]:

Опровергаемое пусть идёт
Опроверженья раньше. [Здесь мы видим],
Что установлен для него черёд —
Зачем опроверженьем [мы обидим]

Его существованье? Пусть теперь
Они одновременно существуют.
Тогда причинных нет у них цепей,
Они несвязны. [Как пример любую

Мы снова пару фактов приведём]:
Рога коровы вместе существуют,
Но ни один при этом не ведом,
[Мы видим независимость прямую].

— Ошибочны суждения твои.
Раз вещи пусты, то не существует

Ни то, чем отрицать должны они,
Ни то, что опровергнуть подчистую.

Ты сам приходишь к выводу о том,
Что рассужденья пусты — вот про это
[Мы изначально речь здесь и ведём],
И речь твоя мой подтверждает метод.

Да, если говорю я, что должно
Существовать опроверженье вместе
С опровергаемым, — неправда то,
А заблужденье. [Но скажи по чести:

Когда я утверждал всё это? Нет.
Напротив, повторюсь сейчас я снова]:
На их существование запрет
Я наложил, [вполне он обоснован].

Так что аргументация твоя
Меня не задевает. — Но на деле
[Причинам разным лишь благодаря
Мы следствия когда-либо имели].

Мы видим, как причина наперёд
У следствия идёт: гончар из глины
Кувшин [как плод проекта] создаёт,
[И следствием являются кувшины].

Причина может быть и позади:
Ученики свой статус обретают
Лишь после лекций, что они прошли,
Да и учитель позже возникает.

[Заметь, без этих основных причин
Ученье не играло б роли следствий.
В финале вариант ещё один
Отметим с рассмотрением последствий]:

Причина может сосуществовать
Со следствием своим, как свет и яркость, —
Одновременно. Ложно утверждать
Поэтому, что [логики подарком

Являются суждения о том],
Что нет причины раньше, чем последствий,
Что позже мы причину не найдём,
И что не встретим их когда-то вместе.

— Пример твой, где ты мастера привёл,
Неверен, потому что без кувшина
Не будет он истоком — приобрёл
Он статус свой лишь в паре с ним. Причина

Не может потому опережать
Последствия свои. Необоснован
[И тезис твой о том], что отыскать
Причину после следствий можно снова.

Поскольку если нет ученика,
Кого считать учителем мы можем?
[Ошибка утверждать наверняка,
Что логики подобный ход возможен].

И если ты берёшься утверждать,
Что свет и яркость как исход с причиной
Одновременно будут возникать,
Ты ложную опять создашь картину.

Положим, свет и яркость есть сейчас —
Так что из них причина, что иное?
[Немного поразмыслив, ты тотчас
Найдёшь лишь заблуждение сплошное].

Причины и условия пусты.
Признать ты должен: всё на свете пусто.
Не существует, кроме пустоты,
Ни вещь, ни существо, [ни Бог], ни чувство.

Глава 12. Произведение (Происхождение)

Опять: все вещи пусты. Почему?
Уже произведённое не может
На свет явиться снова, — [и ему
Причина никакая не поможет].

А что ещё не произведено,
Того не существует [очевидно].
Производимому же не дано
Произвестись. [Итак, отсюда видно]:

Им быть вне достиженья суждено.
Как сказано: что есть уже на свете —
Не будет больше произведено,
Чего ещё нет — то [по той примете]

Ещё не существует. Не бывать
Без их соединения итога —
Производимому существовать
(Происходить) [заказана дорога].

Уже произведённое — оно
Последствием по смыслу выступает.
А что ещё не произведено —
Того и вовсе нет, [и не бывает].

Производимое похоже на
Возникшее — [и длящееся вечно],
Не будет [та стезя] завершена,
[Не будет результат ей обеспечен].

Производимому уже не стать
Произведённым — ведь уже не сможет

Произведенье дважды возникать —
[Такой удел ему не был положен],

Поскольку это снова приведёт
К регрессу бесконечности в итоге
И заблужденье вновь произойдёт,
[И с истины мы отойдём дороги].

И воспроизведенью не бывать.
Ведь первое тогда родит второе —
Второе будет третье порождать,
А третье — и четвёртое иное.

И этих производных череда
Покажет ясно, что уже имели
Они свои прообразы всегда
В бесчисленном количестве моделей.

Но это невозможно: [ведь одно
Всего мы воспроизвести хотели.
Итак, такому быть не суждено]:
Творённое не производит [цели].

И если говоришь ты, что уже
Произведённое творит иное,
[Оно на этом дела вираже]
Должно в себе задействовать такое,

Чего в нём нет, и что не создано.
Но это невозможно, потому что
Две части оно пользовать должно:
Что есть и чего нет, [второе — пусто].

Использовать в творении то, что
Ещё не произведено [на волю —
Да, метод есть, вот только он ничто
Произвести на деле не позволит]:

Одновременно двум твореньям быть
При этом надлежит [в таком процессе]:
Произведённое производить
И непроизведённое [в регрессе].

Позиция шатается твоя:
Уж очень неустойчивы на деле
Такие рассуждения, [и я
Их поддержать нисколько не намерен].

Действительность подводит свой итог:
Сгоревшему не требуется пламя,
Доказанному — доводов поток,
А сделанному — делание нами.

Поэтому рождённое уже
Не требует повторного рожденья.
[Другой теперь рассмотрим мы сюжет]:
О нерождённого произведенье.

Оно не производится, [совсем],
Поскольку не имеет связь с твореньем.
Иначе всё, что не было ничем,
В итоге обрело б происхожденье.

И если б вдруг процесс произошёл,
Где непроизведённое творилось,
То сколько бы он времени ни шёл,
На деле ничего не появилось.

Произведенья потому и нет,
Иначе быть творенью без творенья,
[Победам быть в итоге без побед].
А изменению — без измененья.

Но это разрушает мира ход
И не понять логическим мышленьем.

А значит, жизни вещь не обретёт
Своим из ничего происхожденьем.

Но если производит из себя
Та вещь, что ничего не производит,
То все они должны, [закон блюдя],
Производить. [Из этого выходит],

Что люди, не достигшие [нирван]
И просветлений, всё же б их являли.
Архат бы был страстями обуян,
У лошадей рога бы вырастали.

Но не бывать, чтоб так произошло,
Поэтому не говори такое,
Что не производящее могло
Производить хоть что-нибудь собою.

— То, что не производит, может всё ж
В условиях удачных, [совершенных]
Производить, [и если ты найдёшь
Хотя б одну из групп четырёхчленных]:

Соединишь в единый организм
Производителя, уменье, место
И время — [производства механизм
Свою работу явит. Ведь известно],

Что если все причины совместить:
Источник действа, место, время, средства, —
То кое-что начнёт производить,
Но не всегда, да и не повсеместно.

Итак, не должен ты опровергать
Меня, [когда я говорю всё это],
Не всё должно производящим стать,
[А только то, что в данный входит метод].

— Пусть не производящее могло
Производить, [поверим в чародейство],
В условиях, когда имелось то,
Что было бы причиной этих действий:

Имелись бы творец, уменье, час
И место для описанных процессов.
[Но пояснить нам следует сейчас,
Чтоб не имелось логики завесов]:

Произведенья нет, когда оно
Собой на производное влияет.
[Но также и обратное верно]:
Произведения не наступает,

Пока оно не действует собой
На свой же результат. Ещё неверно,
Что у него есть выбор хоть какой:
Влиять иль не влиять. [Мы опровергли]

Твоё предположение о том,
Что можно совершить произведенье
Из непроизводящего. [Потом]:
Творящее не создаёт творенья,

Поскольку это привело б тогда
К идее бесконечности [прогресса]:
Свершённое вершило бы всегда —
И не было б конца сему процессу,

И что ещё не произведено
[Ему на пару] тоже бы творило,
[И мы признать должны бы были, что
Деянье это бесконечным было].

Однако обсуждали мы как раз,
Что часть производящего не может

Производить: ни та, что есть сейчас,
Ни та, которой нет. [Теперь положим],

Что существует то, чему дано
Производить и без произведенья.
[Тогда должны мы утверждать бы, что]:
Ему доступно [чудо] сотворенья.

На самом деле только результат
Решает, существует ли творящий,
[И нам законы логики велят
Признать, что принцип сей руководящий],

Поэтому творящий не творит.
Рассмотрим дальше [ложные] сужденья.
Допустим, снова кто-то говорит:
В производящем есть произведенье.

Тогда произведенье не одно:
Творящее творит само себя же
И результат творенья [заодно.
Однако здесь мы непременно скажем]:

Ни это и ни то установить
Не сможем мы [наверняка в сужденье],
Так как тогда мы можем говорить,
Что существуют два произведенья?

Поэтому в производящем нет
Произведенья. [Далее рассудим,
Как нам на свой вопрос найти ответ]:
Происходить где сотворенье будет?

Без сотворенья не бывать творцу,
Без места сотворенья нет его же,
[Нам заблуждаться было б не к лицу,
Что акт произведения возможен].

Итак, их нет: нам не установить
Ни не произведённое, ни также
Уже произведённое, и быть
Произведенью в шансе мы откажем.

И так как не дано определить
Нам их [приметы, свойства и] природу,
Мы можем также то установить,
Что нет [метаморфоз иного рода]:

Возникновенье, длительность и крах
Не могут посему определяться.
А если их нам не найти [в мирах],
То в тех ничто не может [сотворяться].

Так вещи сотворённые [пусты],
Поскольку нет им актов становленья,
И что не сотворёно — пустоты
Являет лик нам вместо сотворенья.

Их невозможно нам установить,
И также мы установить не можем
Суть тех существ, чьим чувствам в мире быть
[Удел самой природою положен].

Признать ты должен: пусто всё вокруг,
Ничто не происходит [из причины].
Лишь пустота — [шуньяты вечный круг] —
Спокойствия являет нам глубины.

Легенда об инквизиторе

Роман «Братья Карамазовы» — итог и вершина литературно-философского творчества самого психологического писателя классической русской литературы, завершающий аккорд «великого пятикнижия» Ф. М. Достоевского, к созданию которого автор шёл всю свою жизнь. Проблема смысла жизни отдельной личности и общества в целом, опоры на этические религиозные установки как морально-нравственные основы деятельности и взаимодействия людей — ключевые вопросы бытия, поднятые в этом романе писателем.

В главе-притче о Великом Инквизиторе, являющейся самостоятельным художественным произведением, Достоевский раскрывает идею трансцендентной природы человека и трагедию мятущегося, не устоявшегося в вере сознания, стоящего перед решающим этическим выбором «бытия в Боге» или «бегства от Бога». Автор представленной книги вернула притче форму рифмованной поэмы, в которой та и была изначально задумана, но не завершена литературным героем Достоевского — братом Иваном Карамазовым.

История о Великом Инквизиторе, рассказанная Иваном брату Алёше, стала важной вехой русской философии и дала начало бурным дискуссиям в период Серебряного века. Проще всего видеть в ней отражение религиозных взглядов Достоевского — обличение католицизма, в котором он предполагал отход от правды православия. Однако поднятая писателем тема, его прозрения выходят за рамки этой идеологии. Здесь не только борьба различных ветвей исторического христианства, церковного и личного, но и острый вопрос практически всех религий — противостояние Закона и Благодати, которое никогда не заканчивается.

Два героя поэмы, Инквизитор и Пришедший — вечные архетипы, два главных библейских образа, два спорящих брата: Авель и Каин; Моисей, вступающий в борьбу с Богом ради своего народа, и Христос, зовущий людей к высшему. У каждого из них своя правда — земная и небесная, отсюда противоборство преходящей мирской необходимости и бесконечной духовной свободы. Являясь антагонистом сурового Инквизитора, Иисус Достоевского выступает в податливой, всепрощающей, софийной материнской ипостаси — вопреки беспощадной правде и железной необходимости природного закона. Впрочем, согласно ранним христианским текстам Дух и есть Мать, женская ипостась Троицы.

Заключительный поцелуй Христа — проявление Его всепроникающей Любви, стихии вселенской Благодати, силе которой не может противостоять ничто земное. Всему многословному и страстному монологу Инквизитора противопоставляется единственный жест, только одно — но великое движение. Таково зачарованное, почти бессознательное решение автора притчи — Ивана Карамазова, которого так же молча целует его брат Алёша. Преклонившись перед всемогуществом Любви, Великий Инквизитор отпускает Иисуса, чтобы затем снова встретиться с ним — на новом витке мировой истории.

Валентин Юрьевич Ирхин,
доктор физико-математических наук,
автор ряда книг по философии науки, семиотике и герменевтике сакральных текстов

Монолог инквизитора

Лавром и лимоном пахнет воздух,
Ночь черна, недвижна и гулка —
Словно мир дневной ещё не создан.
Старческая твёрдая рука

Отворяет дверь тюремной клети
В душном, мрачном здании суда —
И лампада, обвиняя, светит,
И в огне её горит беда.

Сводчатые стены ловят блики,
Заглушая скрежеты замка.
Инквизитор — властный и великий
Смотрит на пришельца свысока.

Молча и недвижно — словно верить
Не готов ещё своим глазам...
Наконец, стук сердца поумерив,
Вопрошает: — Это Ты? Ты Сам?

Нет, молчи! — себя же прерывает —
И какой Ты мог бы дать ответ?
Всё, что скажешь, каждый уже знает,
Повторяться права больше нет.

Ты пришёл мешать нам? Но зачем же?
А пришёл мешать — Ты знаешь Сам.
Ты однажды был уже отвержен
И ещё раз будешь — аз воздам!

Я не знаю точно и не жажду
Знать, кто Ты, но я Тебя виню.
Слушай, я не повторяю дважды:
Завтра я предам Тебя огню.

Ты ли это или только маска —
Завтра как страшнейший еретик
Будешь предан смерти и огласке,
И толпа плевать в Твой будет лик.

Тот народ, что целовал сегодня
След Твоей ноги, Тебя сожжёт,
И чтоб сделать так, как мне угодней,
Уголья к кострищу принесёт.

Ты, наверно, снова это знаешь...
Да, Ты будешь снова осуждён.
Ведь вторым приходом Ты лишаешь
Их всего, зачем для них рождён.

Ты уже не обладаешь правом
Возвестить хоть что-нибудь ещё,
Повторить Свою не можешь славу —
Но лишь долг, какому посвящён.

А иначе Ты лишишь свободы
Тех, кому Ты дал её тогда.
Если явишь чудо Ты народу —
Вместо веры явится беда,

А свобода веры вместо чуда —
Главное в Учении Твоём.
И попрать её, держать под спудом —
Значит, пренебречь Своим трудом.

Ты учил, что явлен дать свободу, —
Так иди к ним ныне и смотри,
Как воспринят Твой призыв к народу,
Что они на деле обрели...

Полтора тысячелетья кряду
Мы боролись с этою бедой,

И теперь за все труды награда
Нам их вера в парадиз земной.

И сейчас всё те же люди верят
В рай не в небесах, а на земле
И себя при всех своих потерях
Чувствуют свободными вполне.

Именем Твоим мы им солгали
Ради их же блага и пути,
Ощущенье счастья им создали
И к практичной жизни привели.

Человек — бунтарь в своей природе;
Разве может быть он счастлив в том?
Разве, пребывая на свободе,
Не разрушит ею он свой дом?

Знал об этом Ты и всё же верил
В сообразность Своего пути.
Отвергая сотни упреждений,
Ты упрямо продолжал вести

Их к свободе — значит, и к несчастью,
Потому что несчастливый тот,
Кто решает всё своею властью
И за всё ручательство берёт.

Ты отверг реальный путь их к благу.
К счастью, Ты оставил право нам
Принимать их в верности присягу,
Уподобив нас земным богам.

Уходя, Ты передал нам Дело,
Дав предлоги судьбами вершить.
Мы употребили их умело,
Так зачем пришёл Ты, чтоб лишить

Нас такой возможности отныне?
Страшный, умный и великий дух
Говорил с Тобой тогда в пустыне,
Искушая, обольщая слух...

Дух небытия и ничиженья
Возвестил тебе вопроса три,
В них решая все Твои сомненья,
Но отверг Ты их — и вот, смотри:

Ты не понял истины, звучавшей
В тех вопросах трёх; не понял Ты:
Эта весть являлась настоящей,
В ней и были к радости мосты.

В появленье их и было чудо!
Если бы тогда утратить их...
Для примера речь веду, как худо,
Если б мы не слышали о них:

Если б смысл их был потерян нами,
Если б три вопроса вечных тех,
Молвленных ужасными речами,
Были бы забыты, как на грех,

Если б вместе с книгами пропали
И бесследно канули во тьму —
Если бы обязаны мы сами
Были их постигнуть глубину,

Если б надлежало нам их снова
Сочинить, измыслить и внести
В текст священных книг первоосновой,
И к тому всех мудрецов свести,

Всех учёных, всех царей, поэтов,
Всех, кто философствует в ночи,

Всех, кому по силам подвиг этот,
Всех, в ком голос разума звучит;

И задать им должную задачу:
Сочинить, найти вопроса три —
Но такие, чтобы в них означен
Был весь смысл, желаемый людьми,

Чтоб они служили маяками
Всей людских стремлений на земле,
Чтоб они всю соль собой являли
И объяли б всё собой вполне,

Чтобы, соответствуя задаче,
Выражали б сверх неё всю суть,
В трёх лишь фразах полностью означив
Все желанья, все мечты, весь путь

Человечества к дарам желанным,
Всю его историю вовек, —
Думаешь, что разумом, нам данным
Мы б смогли осилить тот проект?

Даже вместе, даже совокупно
Мы бы это сделать не смогли.
Никогда не стал бы нам доступным
Смысл вопросов, шедших из земли,

Вся их ясность, мощность и глубины.
По одним вопросам этим Ты
Должен был понять, что Ты покинут
И с небесной свергнут высоты.

По одним вопросам этим вечным,
Если бы хотел, то понял Сам:
С абсолютным, а не с человечьим
Разумом беседовал Ты там.

В этих трёх вопросах был объявлен
Весь постисторический прогноз.
Триедино слитый, был предъявлен
Основной мотив любых угроз.

Вся людская противоречивость,
Совокупность всех людских проблем
В тех вопросах целиком явилась,
Дав ответ на каждую из тем.

Полтора уже тысячелетья
Минуло с тех пор — и знаем мы:
Страшный дух на все из них ответил,
Всё предрёк, явив на свет из тьмы.

Возвестил о будущем надёжно,
Так, что ничего добавить сверх
И убавить тоже невозможно.
Сам реши: кого же ждал успех?

Кто был прав: Ты или он в итоге?
Вспомни, что он говорил, ясней:
В мир пришёл не в царственной Ты тоге —
Так чего же ждал Ты от людей?

Ты пришёл к ним с голыми руками,
Дав свободы неземной обет.
Что понять они могли бы сами?
Им неведом истин этих свет.

В простоте своей, в своём бесчинстве
Даже и помыслить не смогли б
Чтоб от нужд своих себя очистить
И к свободе обратить свой лик.

Непосильна и тяжка свобода!
Ничего ужасней в жизни нет.

Так зачем сей страшный дар народу
Предложил Ты до скончанья лет?

Должен был Ты обещать иное.
Посмотри: повсюду камни тут —
Преврати их в хлеб — и за Тобою
Тотчас все, как стадо, побегут

Благодарно, слепо и послушно,
Опасаясь, что отнимешь вновь...
Только это им на деле нужно,
Только в этом видится любовь!

Но Ты жаждал дать одну свободу,
По Себе судя о них — о всех.
Послушанья не дал Ты народу,
Рассудив, что сделка — это грех.

Ты не стал их подкупать хлебами,
Возразив, что человек живёт
Не единым хлебом. Но восстанет
Дух земли и поведёт народ

На Тебя, сразится и одержит
Над Тобой победу — и опять
Все пойдут за зверем тем, как прежде,
Не переставая восклицать:

Это он нам дал огонь небесный!
Знаешь ли Ты, что пройдут века,
И научным разумом чудесным
Будет изменён сам смысл греха?

Что устами мудрости извечной
Будет дан новейший постулат:
Преступлений нет бесчеловечных,
Есть лишь тот, кто нищетой объят.

Накорми — и лишь потом истребуй
Добродетель, веру и добро.
Дай сначала мёда нам и хлеба —
И лишь после требуй от даров.

Этот лозунг вспыхнет на знамёнах
Поколений будущих в веках,
Против Твоей веры обращённых
И повергших храм Твой в тлен и прах.

И на месте храма вновь восстанет
Башня Вавилона — до небес!
Снова не достроится... Но явит
Предвкушенье жизненных чудес.

Ты бы мог избегнуть их страданий
В бесполезном, суетном труде,
Дав им сразу всё, без притязаний
На их души, слабые в беде.

Но Ты не хотел. Ты стал их мучить.
На тысячелетия обрёк
Их, убогих, на слепую участь
В тщете и нужде влачить свой срок.

Но они придут — придут за нами,
Разыскав нас, изгнанных Тобой,
И вскричат: — Нам рая обещали!
И огня с небес! Но ни одной

Крохи манны с неба не упало.
Накормите нас! — И мы пойдём,
И достроим башню поначалу,
И её святыней назовём.

Никогда без нас не будут сыты
Эти люди, алчущие благ.

Результаты никаких открытий
Не дадут им пищу и очаг

До тех пор, пока они в свободе
Сами предоставлены себе.
Кто свободен — тот к труду не годен,
Вольность испокон сестра нужде.

Люди не умеет быть свободны:
Они сплошь безвольны и глупы,
Мелки, грешны, злы, не благородны,
И в своих амбициях слепы.

Никогда им не договориться
Меж собой, как дом устроить свой.
Так и будут бесполезно биться,
Пока к нам не явятся толпой,

Осознав, что сытость и свобода
Несовместны, как добро и зло.
И желанье жить властям в угоду
Зародится вольности назло.

Захотят и в кабалу, и рабство,
Только бы не впроголодь опять.
Ты же обещал им только братство
И не пожелал того понять,

Что с земным, насущным, лёгким хлебом
Твой небесный артос не сравним —
Никогда народ аскетом не был.
Даже если с именем Твоим

Тысячи и тысячи восстанут —
Что же станет с миллионом тех,
Что Тебе последовать не станут,
Выбрав хлеб взамен небесных стрех?

Или Тебе дороги лишь боги —
Лишь десятки тысяч среди всех?
Остальных же, как песок с дороги,
Ты готов отбросить без помех?

Ты пришёл лишь сильных взять с собою?
Остальные — просто инструмент?
Ты не озабочен их судьбою,
Никогда ты не любил их, нет!

Но мы также ценим и убогих,
Даже больше всех мы ценим их!
Ты спасёшь свободою немногих —
Мы спасём господством остальных.

Да, они бездумны и порочны,
Но они и станут той толпой,
Кем мы будем властвовать бессрочно,
Уведя от Бога за собой.

Нас они провозгласят богами,
Нам дивиться будут и считать,
Что спасли мы их, погибнув сами,
Потому что согласились взять

Ношу непосильную — свободу,
Что жестоко мучила собой, —
Дав как привилегию народу
Право не владеть своей судьбой.

И мы скажем им, что мы послушны
Лишь Тебе — и именем Твоим
Мы обманем их простые души,
Потому как счастья им хотим.

В том обмане — жертвы нашей святость,
Наш священный дар во имя их.

Да, мы лжём, но лжём мы непредвзято,
Ради блага, ради них самих.

И страдаем в этой лжи безмерно...
Вот что значил вечный тот вопрос,
Первым что тогда закономерно
До Тебя великий дух донёс.

В том вопросе тайна состояла,
Тайна величайшая из всех:
Перед кем склониться предстояло,
Чтобы жить в дальнейшем без помех.

И приняв хлеба, Ты бы ответил
На тоску, терзавшую людей
Вместе и по одному: на свете
Есть такое, что всего сильней, —

И чему пристало поклониться.
Потому что поклоненье есть
Та нужда, что в каждом проявится
Рано или поздно. В этом весь

Смысл исканий человека в жизни.
Ищут все, чтобы в конце пути
Слившись сообща в духовной тризне,
Общую молитву вознести.

Преклониться вместе, только вместе —
Разом, как единый организм —
В этом антиличностном протесте
Видят люди высший гуманизм.

Потому и ищут, что бесспорно,
Что в душе у каждого найдёт
Отклик одинаковый, — позорно
Им признать, что будничный расчёт

Ими движет. Им нужна святыня —
Общая на всех, они хотят
Быть единым — присно, как и ныне.
Только это и боготворят.

Жалкие созданья... Век от века
Ради бренной общности пустой
Идолам заместо человека
Поклонялись люди в вере той.

Истребляли города и страны,
Создавали вычурных богов,
В битве за всеобщность неустанно
С плеч сносили тысячи голов,

Призывая: будь, как я, уверуй
В то, во что я верю — а не ты,
Или смерть тебе! — И эти меры
Вечны, как всеобщие мечты.

До скончанья мира так и будет:
Даже если боги пропадут —
Каждый в заблуждениях пребудет,
Все пред ликом идолов падут.

И Ты знал о том! Не мог не знать Ты!
Но Ты преднамеренно отверг
Те неоспоримые штандарты,
Под какими шёл бы человек,

Чтоб Тебе всецело преклоняться...
Ты попрал земного хлеба стяг,
Заменив заоблачным эрзацем
С обещаньем послесмертных благ.

Всё во имя призрачной свободы...
Так взгляни же, что наделал Ты:

Нет опасней дара для народа,
Нет неистребимее мечты,

Чем отринуть прочь свободу эту,
Передав да хоть кому навек,
Чтоб о ней и память скрылась в Лету —
Не желает риска человек.

Но отдаст её он не бесплатно,
Он взамен потребует того,
Чтобы его совесть безвозвратно,
Навсегда покинула его.

Кто людскую совесть успокоит,
Ничего не требуя взамен, —
Обольщеньем мир переустроит,
Души захватив в бессрочный плен.

И отдав их, люди позабудут
Даже хлеб, лишившись тем всего, —
Но пойдя за обольстившим, будут
Прославлять его как божество.

Ты был прав в одном: народу важно
Точный смысл в деяньях обрести;
Без него и муторно, и страшно
По пути бесцельному идти.

Цель нужна любому непременно,
Только Ты ошибся, дав не ту.
Ты прельщал свободою безмерной,
А исполнить должен был мечту

О бездумном, сладостном покое —
Он дороже жизни и хлебов.
Совесть радикально успокоив,
Ты бы их избавил от грехов,

Дав о них забыть, — но Ты дал помнить!
Ты сошёл с ума в стремленьях тех,
Если думал, что пришёл исполнить
Их надежды, не ссудив им грех,

Не списав его вперёд, авансом,
За всё то, что сделают они.
Пренебрёг единственным Ты шансом
Безграничной власти над людьми.

Ты их не любил, Ты стал им карой,
Не снабдив защитой их в Себе,
Их принудив к выбора кошмарам
И отняв всю ясность в их судьбе.

Ты обременил их чувством долга
И вины, с раскаяньем смешав,
Поселил смятенье в них надолго
И лишил всех инфантильных прав.

Ты желал любви от них — но отнял
Всё, что им опору дать могло,
Обязав самих их безотчётно
Предрешать, что есть добро и зло.

Вместо стародавнего закона
Предложил Ты им всего лишь знак:
Только слово им теперь икона,
Только образ Твой теперь маяк...

Неужели Ты считал, что вечно
Человек мириться сможет с тем,
Что теперь не высший — человечий
Нужен суд по каждой из проблем?

Неужели Ты и не подумал,
Что отвергнут будешь, как злодей, —

Ведь Твои слова смутят их думы
И предстанут пыткой для людей.

Ведь на их чувствительные плечи
Взвалишь Ты громадный груз забот —
И никто не сможет быть беспечен,
Раз под гнётом совести живёт.

Не вини других — Ты Сам виновен,
Царствие Своё Ты Сам попрал,
Гибель заложив в его основе.
Страшный дух не это предлагал.

Есть три силы, три могучих силы —
Главный управленья инструмент,
Коим править можно до могилы:
Чудо, тайна и авторитет.

Ими победить умы возможно,
Успокоив совесть навсегда:
Ведь всё то, что верховенству можно,
Не дерзнут плебеи никогда.

Но Ты всё отверг и стал примером
Нового, особого пути:
Ты воззвал к тому, чтоб только с верой
За Тобой отважились идти.

Страшный дух когда Тебя поставил
На вершине храма и сказал:
— Падай! — Ты и довод не представил,
Почему Ты делать то не стал.

Ты явил Себя без доказательств,
Ты ничем Себя не утвердил,
Кроме слова. Против подстрекательств
Ты ничто в ответ не предъявил.

Дух сказал: — Яви Себя как Сына,
Упади — и ангелы Тебя,
Подхватив заботливо, с вершины
Понесут, лелея и любя.

Убедишься Сам, что Сын Ты Божий,
И доверье выкажешь Отцу,
И предъявишь людям, что Ты можешь. —
Но Тебе резоны не к лицу!

Ты имел реальную возможность
Чудо всем явить — но не явил.
Тот апломб — Твоя неосторожность:
Ты сомненье в людях зародил.

Да, Ты знал, что бросившись с вершины,
Ты искусишь Господа Собой
И утратишь веру — ведь причины
Нет к проверкам, если Ты — святой,

Если веришь честно. Но они-то!
Что Ты ждал от них? Они ж не Ты!
Всё в единый сплав у них отлито:
Вера, ересь, чудо и мечты.

Веры нет для них без доказательств,
Чудо Ты был должен предъявить
Как залог Твоих же обязательств
Перед ними всё осуществить,

С чем пришёл Ты. Не сильна природа
Человека, чтобы отвергать
В самый пик душевной непогоды
Чудо — и всё разумом решать.

О, Ты знал, что подвиг Твой представлен
Будет в миллионах разных книг,

До глубин времён он будет явлен —
Человек с ним мог бы стать велик,

И остался б с Богом, и без чуда
По пути вменённому пошёл...
Но, увы, обманывать не буду:
Этот путь для всякого тяжёл.

Ты не знал, что отвергая чудо,
Человек отвергнет и Творца:
Только чудо ищет он повсюду, —
К Богу не воротит и лица,

Если чудо следом не предстанет.
Знахарю, гадалке, колдуну
Он усердно поклоняться станет —
Было б чудо явлено ему.

Был бы он хоть сотни раз мятежник,
Еретик, отступник, атеист —
Раз увидел чудо — неизбежно
Заново свой пишет жизни лист.

Ведь Тебе кричали, умоляя,
Издеваясь и дразня Тебя:
— Так сойди с креста! Тогда узнаем,
Кто Ты — и уверуем, любя!

Но Ты не сошёл: Ты полумерой
Не стремился паству обольстить,
Жаждал Ты любви и чистой веры,
Отказавшись их поработить...

Не хотел невольничьих восторгов,
Не желал смиренности рабов
И отрёкся от любого торга...
Но вот стоят ли они даров?

Слишком высоко о них судил Ты!
Слишком превознёс их до Себя!
Главное для них — чтоб были сыты.
Оглянись, упрёков не тая,

Посмотри: пятнадцать эр минуло —
Что из возглашённого Тобой
Было ими сделано? Смахнуло
Все Твои воззванья, как рукой.

Человек слабее, чем Ты думал,
Он не создан быть великим, нет.
Хилым и безвольным он задуман,
И не в силах пред Тобой ответ

Он держать за жалкие деянья.
Он не может сделать то, что Ты
Повелел — и даже покаянье
Для него лишь символ чистоты.

Если б Ты ценил его не сильно,
Если бы поменьше уважал,
Если б меньше требовал — обильный
Ты б пожал с той нивы урожай...

Ведь такое к людям отношенье
Было б ближе к истинной любви.
Сострадал бы им — и восхищенье
Родилось бы в рабской их крови...

Человек бунтарь, но он ребёнок,
Бунт его младенческий, он слаб.
Горд он тем, что вырос из пелёнок,
Только зрелость — не его масштаб.

Он бунтует против власти подло,
Прочь гоня приветивших его, —

Но придёт конец его восторгам,
И спасать его же самого

Нам придётся от его свободы.
Слабосильный, ноющий бунтарь,
Со своей не справившись природой,
Он придёт — и снова, как и встарь,

Обливаясь глупыми слезами,
Будет признаваться в том, что зря,
Зря затеял бунт — и что пред нами
Виноват, в раскаянье скорбя.

И что Сам Создатель посмеяться,
Видимо, над ним решил в тот раз,
Если надоумил возмущаться
И свободы требовать на час.

Это будет страшным богохульством
И умножит скорбь его стократ;
Сам себя признает он безумцем
И сочтёт, что сам же виноват.

Беспокойство, суета, несчастье —
Вот удел людей, за коих Ты
Претерпел смертельные напасти,
До Своей вздымая высоты.

Вспомни хоть слова пророка ныне:
По сто двадцать сотен из колен
Заново восстанут, — а другие?
Что другим Ты уготовил — плен?

Те десятки тысяч — это боги!
Они стойко вынесли Твой крест,
Не свернув с указанной дороги,
Не прельстившись ни на что окрест,

И десятки лет в пустыне жаркой,
Голыми, голодными, смогли
Пережить, не зарясь на подарки
Злачные египетской земли.

Это дети гордые свободы
И великой жертвы ради всех...
Но с всего огромного народа —
Это капля в море. Где ж успех?

Чем другие, в сути, виноваты,
Что слабы и жалки? Что душой
Не вместили новые догматы
И не оправдали жребий Твой?

Неужели, правда, приходил Ты
Только к самым избранным из всех?
В этом тайна, смыслы чьи сокрыты...
Но раз так, то вправе без помех

Людям тоже тайну предъявить мы
И учить, что сила не в любви,
Не в свободе и не в тех открытьях,
Что они сердцами обрели,

Но лишь в тайне. Только в смутной тайне,
За которой следовать должны
Все — в повиновении бескрайнем,
Без сомнений, споров и вины.

Так мы и решили. Догмы эти
Мы на трёх поставили китах:
Тайне, чуде и авторитете...
И сердца их потеряли страх!

Люди снова сбились, словно в стадо,
И возликовали, что опять

Нет у них обузы — и не надо
Твой вопрос о царствии решать.

Страшный дар, принесший столько боли,
Сняли мы с их душ — скажи же нам,
Правы ли мы, спасши их от горя,
Попустив их мелочным грехам?

Неужели мы их не любили?
Ведь смиренно осознав их суть,
Мы с любовью страхи их убили,
Показав им новый к счастью путь,

Разрешив бессильной их природе
Грех в тех рамках, что означим мы...
Помешать радеть нам о народе
Ты пришёл? Встревожить их умы?

Что глядишь Ты кроткими глазами?
Рассердись! Я не хочу любви!
Ты не люб мне, Ты меня терзаешь.
Хоть одну причину назови,

Чтобы мне скрывать свою натуру
От Тебя. И можно ль то сокрыть?
Ты насквозь любую авантюру
Видишь... Что же, стоит прояснить

Что за тайну носим мы с собою.
Слушай — из моих первейших уст:
Мы давно на деле не с Тобою,
Мы в плену «его» прелестных уз.

Восемь сотен лет мы с «ним» совместно,
И мы взяли от «него» всё то,
Что отверг Ты, словно неуместно
Дар «его» принять как волшебство.

Ты отринул всё с негодованьем:
Царствия земные, власть и трон.
Мы же взяли — в ознаменованье,
Что наш дух всецело укрощён...

И себя назначили царями,
Потому что каждому — своё,
Взяли Рим и сделались властями,
И наш труд рождает бытиё...

Кто же виноват? Работ немало
Впереди ещё — но начат путь!
И до завершения с начала
Надлежит порядочно шагнуть.

Многое нам предстоит построить,
Много ещё вытерпит земля —
Но достигнем мы и обустроим
Властью царской, взятой на себя.

А потом помыслим и о счастье —
О всемирном счастье всех людей...
Ты бы тоже мог упиться властью,
Но отверг с презреньем дар Ты сей.

Если бы Ты внял «его» совету,
Если б взял меч кесаря тогда —
На любой людской вопрос ответы
Ты имел бы раз и навсегда.

Ты б восполнил всё, что люди ищут:
Перед кем поклоны, трепеща,
Бить в смиренье, совесть как очистить,
Как соединиться сообща

В гармоничный, справный муравейник —
Так сильна у них потребность в том,

Чтоб единый был у всех ошейник,
Чтоб под общим жили все ярмом...

Их мечта в великом единенье
Испокон веков влекла к себе —
Это третье, главное стремленье,
Что исполнить дух велел Тебе.

Много славных, доблестных народов
За заветной целью гнались той —
На весь мир свои расширить роды
И владеть безмерно всей землёй...

Но чем больше были их успехи,
Тем несчастней делались они:
Чингиз-хан, Тимур — всевластья вехи,
Лишь они понять нужду могли

В этом мировом объединенье —
И они же понимали то,
Как безмерно шатко их стремленье
И как будет скуп его итог...

Пролетев, как вихрь, по всей вселенной,
Самую великую мечту —
Самую святую — дерзновенно
Дали они людям, под пяту

Всех объединив. Приняв порфиру
Жезл и царство кесаря — и Ты
Смог бы дать покой людскому миру,
И навек избавить от нужды.

Кто ж ещё владеть людьми достоин,
Как не тот, кто хлеб им поднесёт,
Кто их совесть мягко успокоит
И к всеобщей цели поведёт?

И мы взяли меч, Тебя отвергнув,
И пошли за «ним», и повели
Их к тому, что посчитали верным,
Что без нас они бы не смогли.

Да, пройдут ещё века, покуда,
Пережив сумятицу ума,
Люди успокоятся — и всюду
Их свободы кончится кошмар.

Будут строить башню Вавилона,
Будут людоедство прославлять,
Будет кровь, бесчинство, мор и стоны...
Только мы сумеем их понять,

В час, когда изнеможённым зверем
Доползут они до наших ног,
Умоляя кончить счёт потерям.
Подведём мы бойням всем итог,

Оседлаем зверя и воздвигнем
Чашу мира, написав на ней:
Тайна, — и тотчас тогда достигнем
Счастья и покоя для людей.

Ты гордишься теми, кто с Тобою, —
Мы о всех радеем, сообща.
Тот, кто долго ждал, уже не стоек
И желает сбросить груз с плеча:

Ожиданье верных утомило,
Новые хоругви их влекут,
Страсти сердца на другую ниву —
Супротив Тебя же — приведут.

А у нас всех ждут покой и счастье,
И не будет бунтов и войны.

Над собой невольники не властны —
Потому послушны быть должны.

О, мы убедим их, что свободны
Лишь тогда они, когда кротки,
Не строптивы и к работе годны.
Лжи в том нет: смятенны и робки

Люди перед ужасом свободы.
Сами убедятся: мы не лжём —
Если вспомнят страшные исходы
Вольности, вздымавшейся огнём.

Ум, свобода и наук открытья
Их в такие дебри заведут
И такие явят им событья,
Что творцы самих себя убьют,

Кто слабее — истребят друг друга,
Самые же слабые из всех,
Воя и терзаясь от испуга,
Приползут к нам свой загладить грех,

Умоляя: — Да, вы были правы,
Только вам подвластна тайна, мы
Не способны возыметь управу
На неё и на свои умы —

Так спасите нас от нас самих же. —
И мы снисходительно спасём,
Им раздав для нашего престижа
Хлебы, что у них же заберём.

Будут видеть все, что нет в том чуда:
Не творим хлебов мы из камней.
Но устроит это их, покуда
Мы за них решаем, что важней.

Даже рады будут, так как помнят,
Что хлеба, добытые без нас,
Обращались в камни вероломно
В их руках в лихой свободы час.

О, они оценят послушанье!
Ведь в непослушанье их беда.
Кто, скажи, им дал непониманье
И смутил свободою тогда?

Кто рассеял стадо по долинам,
По путям неведомым ему?
Но оно сплотится воедино —
Снова в столь желанную тюрьму.

Мы дадим им счастье: смирно, тихо,
Без строптивых помыслов вовек
Будут жить они, не зная лиха, —
Столь труслив и жалок человек.

О, мы убедим их не гордиться.
Ты вознёс их — мы унизим вновь.
Как к наседке, к нам они тесниться
Станут, видя в этом лишь любовь.

Робкие и слабые, дивиться
Будут они твёрдости властей,
Ужасаться втайне и гордиться
Нашей мощью — словно бы своей.

Будут почитать уменье наше
Их, неисчислимых, усмирить.
Слёзным умилением украшен
Станет путь наш. И переходить

К смеху и веселию от плача
Будут они с лёгкостью детей:

Только подтолкни их — и задача
Эта разрешится без затей.

Мы обяжем их работать — сдельно,
Но в часы, свободные от дел,
Пляски, песни, хоры и веселье
Скрасят их нетворческий удел.

О, мы разрешим им грех, позволив
Выкупать прощение грехам —
И великодушно соизволив
Наказанье дать за это нам.

Все грехи возьмём от них себе мы —
И они нас станут обожать
Как изобретателей системы,
Где грехи не надо искупать.

Тайн у них от нас не будет больше.
Будем мы решать, иметь ли им
Жён, детей, любовниц — ведь так проще
И удобней станет им самим.

И они с веселием и счастьем
Покорятся нам, ведь с той поры
Мы избавим их от злой напасти
Учреждать здесь правила игры.

Миллионы в неге будут плавать,
Миллионы, кроме нас — кто взял
На себя ответственность и право
Тайну возвести на пьедестал

И хранить проклятье знаний древа,
Помня, что есть зло, а что добро.
Их ждёт смерть — спокойная, без гнева,
В отведённый нами должный срок.

После гроба примет их забвенье...
О, мы добросовестно манить
Сказкой о великом воскрешенье
Будем их, чтоб легче было жить

С этой мыслью им. Но Ты же знаешь:
Если что и есть на свете том —
Это не для них, и обещаешь
Ты не всем бессмертья новый дом.

Говорят, что Ты придёшь к нам снова,
Приведя избранников войска.
Но мы скажем, что спасём любого
От нужды и горя на века,

А они — себя лишь. Прорицают,
Что с позором будет изгнан тот,
Кто обманом зверя обуздает,
И что снова бунт произойдёт

Малосильных, слабых и убогих —
Но укажем мы Тебе на тех,
Кто не выбирал дурной дороги
И не знал совсем, что значит грех.

Миллионы их! Грехи их взяли
Мы себе — и сами понесём.
Пред Тобой открыто мы предстанем:
— Осуди, коль сможешь, нас за всё. —

Знай, Тебя нисколько не боюсь я,
Знай, что был я сам в пустыне той,
Я питался саранчовой гнусью,
Свято веря в светлый образ Твой,

Я благословлял Твою свободу,
Я был самым избранным из всех —

Кто в число святых Тебе в угоду
Мог войти легко и без помех.

Но очнулся я и отказался
Этому безумству потакать
Я поворотился и остался
Подвиг Твоей неправый исправлять.

Я ушёл от гордых и могучих,
Стал смирен и кроток в тот же час,
Потому что полагаю лучшим
Царствие устроить здесь, сейчас.

И оно пребудет непременно:
Завтра же единою волной
Это стадо будет вдохновенно
Угли подгребать под пламень Твой.

Ты пришёл мешать нам, но без страха
Я Тебя пред всеми обвиню.
Больше всех Тебя ждёт эта плаха —
Завтра я предам Тебя огню.

Инквизитор смолк, ответов жаждет —
Узник не спешит — и всё трудней
Ждать его, и прокурору страшно —
А лицо пришельца всё грустней.

Смирно, кротко и без возражений,
Глядя инквизитору в глаза,
Без малейших звуков и движений
Пленник ждёт, когда пройдёт гроза.

А потом встаёт и поцелуем
Прикрывает рот его в ответ.
Ужас старика неописуем,
И в глазах ослепших меркнет свет:

— Уходи, — он отворяет двери, —
Уходи, и больше никогда
Кто б в Тебя, как в Бога ни поверил,
Не подумай приходить сюда.

И его пускает в темень ночи —
И уходит путник — и горит
В сердце поцелуй его бессрочно —
И вослед старик ему глядит.

Моцарт и Сальери

Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его... Не о всех вас говорю; Я знаю, которых избрал. Но да сбудется Писание: ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою. Теперь сказываю вам, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я. Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня... Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит... Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту. И после сего куска вошёл в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее... Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь.

От Иоанна 13:16—30

Маленькие трагедии» А. С. Пушкина были написаны «болдинской осенью» 1830-го года, она за другой, с интервалом буквально в несколько дней. Все четыре произведения крайне необычны для классика русской поэзии, и над их загадкой до сих пор ломают голову пушкинисты. Каждая пьеса представляет собой отрывок из более крупного произведения, его кульминационную сцену. «Моцарт и Сальери» — вторая пьеса из цикла, которая появи-

лась на свет 26 октября. Здесь поэт освещает популярный в свою эпоху миф об отравлении Моцарта его соперником в творчестве.

Отсутствие чёткой рифмы и общее впечатление о незавершённости произведения навели автора этой книги на мысль, что пушкинские трагедии являются лишь набросками, либретто будущих рифмованных произведений — и поскольку сам Пушкин уже не может продолжить свою работу, она взяла на себя смелость проделать её вместо него. Рифмованное переложение пьесы «Моцарт и Сальери», написанной белым стихом, сделано автором с бережным отношением к оригиналу — выбранные рифмы под стать манере самого А. С. Пушкина. Обращение к этому произведению подсказывает: размышления об алгебре музыки и поэзии, законе и благодати, гармонии содержания и формы, нравственности и творчества, о земной и небесной правде очень близки автору и в какой-то мере задают лейтмотив всей книги.

На первый взгляд, трагедия Пушкина говорит о преступлении по мотивам творческой зависти, однако, независимо от воли поэта, смыслы текста гораздо глубже. Исторический Сальери был успешным композитором, верным другом гениального, но беспутного Моцарта, гуляки праздного, безжалостно сжигавшего свою жизнь (Сальери один из немногих шёл за гробом на его нищенских похоронах). Реального отравления не было — оно произошло лишь в воображении старого и больного Сальери, который грезил подобно Великому Инквизитору. Однако Пушкин — прежде всего поэт, а не историк, и существующий миф породил в его творческом сознании конфликт, художественное воплощение которого самоценно, несмотря на своё несоответствие действительности.

Тем самым, взаимоотношения двух героев трагедии Пушкина выходят за рамки нашего мира, становятся символическими. Они пьют вино из одного сосуда, из Чаши на Тайной Вечере. На жертвенном пасхальном пиру жизни Моцарт подобно библейскому Иисусу, который ест и пьёт вместе с мытарями и грешниками, провозглашает тост за связующий их искренний союз. А пушкинский Сальери в своих бессмысленных и напрасных поисках гармонии и правды закона — не высшего, но мирского, — впадает в безумие, исполняя при этом, как ему кажется, некое небесное предназначение, роль избранника судьбы и верховного судии.

И уходит в гибельную тьму внешнюю подобно евангельскому Иуде — любимому ученику и другу Иисуса, который безжалостно и безвольно отдал Ему последний, роковой поцелуй. Напрасно Иешуа из булгаковского романа уверяет Понтия Пилата, что распятия не было, — муки своей совести человеку не отменить. Моцарт «заснёт надолго» (здесь мы можем подойти к истолкованию пушкинского текста буквально), но он, как и Христос, воскреснет. Ничто истинное с окончанием земного не кончается — оно всё так же продолжается в вечности, и этим бессмертно.

Валентин Юрьевич Ирхин,
доктор физико-математических наук,
автор ряда книг по философии науки, семиотике и герменевтике сакральных текстов

Сцена 1

Комната

САЛЬЕРИ:

Все говорят: нет правды под луной,
Но правды нет и выше. Это знаю
Я лучше гаммы, звуком налитой:
С рождения я музыке внимаю.

Когда, ребёнком будучи, орган
В старинной церкви слушал я часами,
Я зачарован был им так, что дан
Был мне восторг, наполненный слезами...

Отверг я развлечений пустоту.
Всё, кроме муз, мне чуждо и постыло.
Упрямо, непреклонно я иду
Лишь к музыке, — отдав одной ей силы,

Отрекшись от иного. Первый шаг
Был тяжек, тошен, полон долгой муки.
Его я вынес, — волю сжав в кулак,
Воздвиг я из искусства храм науки.

Я ремеслу алтарь создал трудом
И сделался ремесленник: перстам я
Придал сухую беглость в деле том,
А уху — мастерство ловить звучанья.

Так, звуки умертвив своей игрой,
Музыку я разъял, как труп недвижный,
И алгеброй поверив муз покой,
Гармонии назначил принцип книжный.

Тогда, уже исполненный наук,
Дерзнул предаться творчества соблазну
И стал творить — и мановеньем рук
В тиши и тайне звук рождался властный.

О славе не решаясь и мечтать,
Нередко позабыв про сон и пищу,
И днём, и ночью я писал опять,
Слезами вдохновения очищен.

И жёг потом всё в пламени свечи,
И холодно смотрел на дым и пепел,
И звуки, мне пришедшие в ночи,
Пылая, исчезали на рассвете.

Что говорить? Когда всесильный Глюк
Явился и открыл нам тайны мира,
Не бросил ли плоды своих я мук,
Всё, что я знал, и всё, что пела лира,

Что так любил, чему так верил я?
И вслед за ним пойдя, как за кумиром,
Безропотно, надежды не тая
Услышать так мелодии эфира, —

Но в заблужденье, ложною тропой
Не послан ли был в сторону иную?
И всё ж в трудах, потугой волевой
Добиться славы я сумел не всуе.

В искусстве безграничном, наконец,
Я почестей достиг; сердца людские
Мне улыбнулись, лавровый венец
Украсил лоб мой, стены, мастерские...

Нашлось созвучье в их умах значкам,
Что клал я на бумагу. Я был счастлив.

Я наслаждался мирно и без драм
Своим трудом, успехом; был участлив

К делам и достижениям друзей,
Товарищей моих в твореньях рая.
Нет! Зависти не знал я. Из вестей
Мой разум не смущала никакая:

Ни та, что смог Пиччини парижан
Пленить своей игрой, ни слава Глюка,
Ни дивной «Ифигении» капкан
Божественного, сладостного звука.

Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Завистлив? И в ничтожестве бездельном
Змеёй, в пыли растоптанной, влачил
Свой век — бесплодно, жалко и бесцельно?

Никто! Но ныне сам скажу, скорбя:
Завистник я! Завидую глубоко,
Песок и пыль в бессилии гребя,
Мучительно, беспомощно, жестоко.

О небо! То неправедный обман,
Когда священный дар — бессмертный гений —
Не как награда за усердье дан!
Не плод любви, терпенья и молений! —

Но озаряет голову глупца,
Бездельника, повесы и безумца!
О, Моцарт!

(Входит Моцарт)

МОЦАРТ:

Милой шутке от слепца,
Что я принёс, ты сможешь улыбнуться.

САЛЬЕРИ:

Ты здесь? Давно ль?

МОЦАРТ:

Сейчас. Я шёл сюда:
Хотелось показать тебе вещицу.
Но пред трактиром скрипку (вот так да!)
Услышал — и пришлось остановиться.

Сальери, друг мой! Ничего смешней
Ты отроду не слышал. У трактира
Слепой играл так чудно для людей!
И я привёл к тебе того сатира.

Войди, скрипач!

(Входит слепой старик со скрипкой)

Сыграй искусно нам
Из Моцарта чего-нибудь!

(Старик играет арию из Дон-Жуана; Моцарт хохочет)

САЛЬЕРИ:

Смеёшься?

МОЦАРТ:

Так отчего же, друг мой, ты и сам
Веселью от него не предаёшься?

САЛЬЕРИ:

Мне не смешно, когда дрянной маляр
Уродует Мадонну Рафаэля!
Мне не смешно, когда пустой фигляр
Пародией бесчестит Алигьери!

Пошёл, старик!

МОЦАРТ:

Постой же: на, возьми.
Пей за моё здоровье.

(Старик уходит)

Ты, Сальери,
Не в духе нынче. Так что извини:
Прийти в другое время я намерен.

САЛЬЕРИ:

Что ты принёс?

МОЦАРТ:

Безделицу, пустяк.
Меня всю ночь бессонница томила,
И мысли две-три досадили так,
Что я решил их набросать, как были.

Хотелось бы теперь услышать мне,
Что думаешь об этом, но ты занят,
Тебе не до меня.

САЛЬЕРИ:

Тебе, тебе,
Моё вниманье целиком предстанет!

Я слушаю.

МОЦАРТ:

(За фортепиано)

Представь себе... кого?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюблённого — не слишком; одного
Или с красоткой, с другом — это гоже —

Да хоть с тобой. Я весел... Боже, вдруг —
Виденье гробовое, мрак, ненастье...
Ну, слушай же скорее.

(Играет)

САЛЬЕРИ:

О, мой друг!
Ты с этим шёл ко мне — и вот, несчастье,

Остановиться у трактира мог —
И слушать праздно скрипача слепого!
На что ты тратишь отведённый срок?
Ты недостоин сам себя такого!

МОЦАРТ:

Что ж, хорошо?

САЛЬЕРИ:

Какая глубина!
Какая смелость и какая сила!
Ты, Моцарт, бог, тебе судьбой дана
Власть над людьми всецело, до могилы.

МОЦАРТ:

Ба! право? может быть... Но божество
Моё проголодалось.

САЛЬЕРИ:

Сходим вместе
В трактир Златого льва.

МОЦАРТ:

Что ж, отчего
Не пообедать в этом дивном месте?

Я рад, но дай схожу домой сказать
Жене, чтоб не ждала меня к обеду.

(Уходит)

САЛЬЕРИ:

Иди, я жду. Не в силах отрицать
Я то, что долг мне мой уже поведан.

Нет! Не могу противиться тому,
Что избран! Избран в том, чтобы навеки
Унять его — иначе ни ему,
И ни другим не жить. О, человеки!

Мы все жрецы, служители у муз,
Не я один с моей глухою славой.
Что пользы в том, что Моцарт жив? Сей груз
На наши судьбы возложён неправо.

Что пользы, если новой высоты
Достигнет он в стремленье неуместном?
Подымет он искусство? Нет, мечты:
Оно падёт опять, как он исчезнет.

Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нём? Беспечным херувимом
Для песен райских был он порождён,
Чтоб их неся в крылах непогрешимых

Бескрылые желанья возмущать
В нас, в чадах праха, — и потом исчезнуть.
Так пусть исчезнет! Лучше и не знать,
Сколь глубока его талантов бездна.

Вот яд, Изорой данный мне как дар.
Осьмнадцать лет ношу его с собою —
И жизнь моя, как сабельный удар,
Кровит, неправой ранена судьбою.

С врагом беспечным за одним столом
Сидел я часто, шёпот искушенья
Я слышал постоянно — им ведом,
Я не поддался на его веленья.

Не преклонился я, хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Но тот искус
Меня не одолел. Хотя жестоко

Та жажда смерти мучила меня,
Всё медлил я. Что умирать без цели?
Я мнил: быть может, жизнь ещё моя
Мне принесёт дары в искусства деле:

Восторг меня, быть может, посетит
И творческая ночь, и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое — и наслажусь мгновенье...

Как пировал я в ненависти той,
Быть может, мнил, врага себе найду я;

Быть может, пред последнею чертой
В меня обиды грянут — аллилуйя! —

И ты не пропадёшь, Изоры дар...
И я был прав! И вот мои страданья
Идут к концу — в душе моей пожар,
Восторгом дивным мечутся желанья.

Я, наконец, нашёл себе врага
И упоён мечтой его кончины!
Теперь — пора! Весь мир к моим ногам,
Заветный дар любви тому причина.

Сцена 2

Особая комната в трактире; фортепиано

(Моцарт и Сальери за столом)

САЛЬЕРИ:

Что ты сегодня пасмурен?

МОЦАРТ:

Я? Нет!

САЛЬЕРИ:

Ты верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?
Вино прекрасно, славен и обед,
А ты молчишь и хмуришься порою.

МОЦАРТ:

Признаться, меня Requiem задел...

САЛЬЕРИ:

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТ:

Давно, недели три средь прочих дел.
Он странностью меня обеспокоил...

Не сказывал тебе об этом я?

САЛЬЕРИ:

Не сказывал.

МОЦАРТ:

Так слушай. Дней как двадцать
Под вечер кто-то спрашивал меня:
Он заходил, но не хотел дождаться.

Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? Кто он — не знаю.
Зачем не в должный час он приходил?
И что за важность у него такая?

Назавтра вновь: лишь дома нет меня —
Он на порог и не застал опять же.
На третий день с детьми играю я —
И он явился. Я ответов жажду,

К нему спускаюсь. В чёрном человек,
Учтиво поклонившись, предлагает
Заказ: загробной миссии ковчег —
Ein Requiem, — и после исчезает...

Я сел тотчас писать — и написал
Единым вздохом, словно не чужое...
И больше он меня не посещал —
Тот чёрный человек. Но я не скрою:

Я рад тому. Мне жалко отдавать
Свою работу, жаль с ней расставаться...
Но между тем... Мне совестно сказать...

САЛЬЕРИ:

О чём?

МОЦАРТ:

Мне тяжело признаться...

Мне день и ночь покоя не даёт
Мой чёрный человек. Он словно всюду
Со мной, как тень, без устали идёт,
Он гонится за мной — теперь я буду

Его повсюду видеть. И сейчас
Мне кажется, он здесь, он с нами третий —
Сидит, от нас не отрывая глаз...

САЛЬЕРИ:

Да полно! Что за страхи? Не в ответе

Мы за пустые думы. Бомарше
Порою говорил: «Мой брат Сальери,
Как мысли чёрнотой придут к душе —
Испей вина в искрящемся фужере

Иль перечти «Женитьбу Фигаро».
Не стоит тяжким думам предаваться».

МОЦАРТ:

Да, Бомарше был прав! Ну что ж, добро,
Не надо глупым мыслям доверяться...

Он твой приятель был; ты для него
«Тарара» сочинил — и это славно!
Там есть один мотив, люблю его,
Его как раз я напевал недавно,

Его твержу всегда, как счастлив я...
Ла-ла-ла-ла... А правда ли, дружище,
Что Бомарше (уж извини меня)
Кого-то отравил?

САЛЬЕРИ:

Что в том ты ищешь?..

Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.

МОЦАРТ:

Он же гений!
Как ты да я. А нам ведь запрещён
Удел злодеем быть. Из всех явлений

Одно не может быть разрешено:
Злодейство и талант несовместимы.

САЛЬЕРИ:

Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта)

Пусть будет, как дано.
Ну, пей же.

МОЦАРТ:

Будем искренне терпимы.

Твоё здоровье! Дружеский союз,
Связующий нас вместе, мы прославим!
Мы пьём за братство гармоничных уз.

(Пьёт)

САЛЬЕРИ:

Постой! Постой!.. ты шанса не оставил...

Ты выпил... без меня?

МОЦАРТ:

(Бросает салфетку на стол)

Теперь я сыт.

(Идёт к фортепиано)

Так слушай же, любезнейший Сальери,
Теперь, как мой das Requiem звучит.

(Играет)

Ты плачешь? Почему? Ты так потерян...

САЛЬЕРИ:

Я слёзы лью впервые... Больно мне.
Но эта боль безмерно мне приятна.
Как будто долг исполнил я вполне.
Как будто нож целебный безвозвратно

Отсек страдавший член! Не замечай,
Мой друг, мой Моцарт, этих слёз напрасно...
Спеши! Продолжи! Я прошу — играй!
Наполни душу звуками всевластно...

МОЦАРТ:

Когда бы каждый чувствовать умел
Гармонию, как ты! Но нет: тогда бы
И мир осуществиться не посмел;
Никто не смог бы жить, лишь только дабы

О нуждах низкой жизни помышлять.
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало — тех, кто может отдавать
Всего себя, без пользы, только чувству.

Счастливцев праздных, избранных судьбой,
Отвергших с небреженьем всё земное,
Избравших лишь творенья непокой
И одержимых музыкой одною...

Не правда ль? Но я нынче нездоров...
Мне что-то тяжело; пойду прилягу.
Прощай же!

САЛЬЕРИ:

До свидания.

(Один)

Твой кров
Теперь тебе не сможет быть во благо...

Заснёшь надолго... Боже, неужель
Он прав? И я не гений? Ведь злодейство
И гений — несовместны... Эта цель
Была безумна? Боже, посодействуй!

Скажи: напрасно то, что я свершил?
А Бонаротти?.. Или это сказка
Бессмысленной толпы, а я решил
Её зазря использовать подсказки?

Не мог же я так ошибиться... Нет!
Я чужд сомнений и самообмана...
Но был ли в самом деле — дай ответ! —
Убийцею создатель Ватикана?..

Послесловие автора

Моя работа не была попыткой осовременить или каким-то образом «улучшить» первоисточники, поскольку все они изначально являются совершенными и по своей форме, и по содержанию. Однако она позволяет взглянуть на эти произведения, объединённые общей идеей мудрости и добра, по-новому, заинтересовать их проблематикой современных читателей, обеспечивая, таким образом, связь времён и преемственность поколений.

Соблюдение классического стихотворного стиля и формы, включая строгую рифму и слоговый размер, как и каждый поэтический перевод, неизбежно влечёт за собой некоторую утрату изначальных смыслов рифмуемого произведения, а также привнесение в текст собственных трактовок и дополнений даже при условии стремления к максимально точной передаче его изначального смысла — а такая задача являлась для меня одной из главнейших. Степени и характеры произошедших изменений в связи с различной формой и содержанием исходных произведений в разных итоговых работах получились разные.

Рифмовка логического трактата «Двенадцать врат» потребовала математической точности передачи логических связей, поэтому удлинила текст и насытила его множеством философских неологизмов. Этическая проповедь «Дхаммапада» дополнилась новыми, апокрифическими, максимами в соответствии с контекстом основного повествования. В переложении гностического апокрифического текста «Гром. Совершенный ум», которому я дала новое название — «Совершенный ум», теперь представлен несколько видоизменённый ряд диалектически противопоставляемых понятий с акцентами, более близкими современному читателю.

Рифмовка маленькой трагедии Пушкина, по отзывам первых читателей, практически неотличима от того, в какой поэтической манере мог бы исполнить её сам автор оригинала. Прозаический текст отрывка из романа Достоевского, переложенный в стихотворный формат, приобрёл новое и, на мой взгляд, как более экспрессивное, так и более оптимистичное звучание. Надеюсь, авторы оригинальных произведений отнеслись бы к моим трудам благосклонно. Впрочем, о том, что получилось, теперь судить только читателю.

Выражаю глубокую благодарность моим друзьям и коллегам. В. Ю. Ирхину — за кропотливый многолетний труд в консультировании по проблемам истории, символики и толкования сакральных текстов, редакторское содействие и написание к моим работам комментариев, которые представляют собой самостоятельные художественные произведения. Т. В. Филатову — за внимательное критическое прочтение моих текстов, написание развёрнутой вступительной философской статьи к этой книге и искреннюю поддержку всех моих творческих начинаний.

Оглавление

Предисловие 3
В поисках новых смыслов 5
Совершенный ум 9
Глава 13, строки 1—34 12
Глава 14, строки 1—34 14
Глава 15, строки 1—34 16
Глава 16, строки 1—35 18
Глава 17, строки 1—36 20
Глава 18, строки 1—35 22
Глава 19, строки 1—35 24
Глава 20, строки 1—35 25
Глава 21, строки 4—32 27
Дхаммапада 29
1. Глава парных строф 33
2. Глава о серьёзности 38
3. Глава о мысли 41
4. Глава о цветах 43
5. Глава о глупцах 47
6. Глава о мудрых 50
7. Глава об архатах 53
8. Глава о тысяче 55
9. Глава о зле 58
10. Глава о наказании 61
11. Глава о старости 65
12. Глава о своём Я 67
13. Глава о мире 69
14. Глава о просветлённом 72
15. Глава о счастье 76

16. Глава о приятном 78
17. Глава о гневе 80
18. Глава о скверне 83
19. Глава о соблюдающем дхамму 87
20. Глава о пути 90
21. Глава о разном 93
22. Глава о преисподней 96
23. Глава о слоне 99
24. Глава о желании 102
25. Глава о бхикшу 107
26. Глава о брахманах 111
Двенадцать врат 119
Глава 1. Причинные условия 122
Глава 2. Существование и несуществование следствия 129
Глава 3. Условия 148
Глава 4. Признаки 151
Глава 5. Характеризуемое и нехарактеризуемое 163
Глава 6. Тождество и различие 166
Глава 7. Бытие или небытие 173
Глава 8. Природа (Самосущее) 179
Глава 9. Причина и следствие 184
Глава 10. Творец 186
Глава 11. Три времени 197
Глава 12. Произведение (Происхождение) 202
Легенда об инквизиторе 209
Монолог инквизитора 213
Моцарт и Сальери 243
Сцена 1 248
Сцена 2 257
Послесловие автора 263

Лариса Баграмова

Рифмы

Редактор Валентин Юрьевич Ирхин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фетисова Лариса Владимировна, родилась в Москве (литературный псевдоним Лариса Баграмова) — современный русский философ, поэтесса, прозаик, автор нового литературного направления: поэтических рифмовок-переложений древних, классических и современных философских и литературных текстов и их переводов, выполненных более чем с 16 языков мира.

В сборнике представлены авторские рифмовки трёх древних текстов этико-философского и религиозного содержания: этической проповеди «Дхаммапада» Будды Шакьямуни, логико-философского трактата «Двенадцать врат» Нагарджуны и гностического апокрифического текста «Гром. Совершенный ум», а также двух произведений классической русской литературы: маленькой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» и главы «Великий Инквизитор» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

ISBN 978-5-0050-0851-0

9 785005 008510 >

Rideró

Rideró.ru — издай книгу бесплатно!